

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2016 – № 3**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – № 3. – 119 с. – ISSN 2499-9679.
2016, № 3. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью МГЛУ; **Жеф Вершурен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности МГПУ; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **О. С. Егорова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. А. Ермолин**, кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. И. Жельвис**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Т. Г. Кучина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Белоруссия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Рenate Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала Московского государственного лингвистического университета; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ, Ярославль); **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108
Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № ФС 77–62331 от 3 июля 2015 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2016

© Авторы статей, 2016

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(YSPU after K.D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2016. – № 3. – 119 pages. – ISSN 2499-9679.
2016, № 3. – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU; **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, MSLU; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, MSPU; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, N. Chernyshevsky Saratov National State University; **O. S. Egorova**, Doctor of Philology, Professor; Department of Foreign Languages, Head of department, YSPU; **E. A. Ermolin**, Doctor of Education, Candidate of Art, Professor, Head of Journalism and Publishing Department, YSPU; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **V. I. Zhelvis**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU; ; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee; **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **T. G. Kuchina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (IUB&NT, Yaroslavl); **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108
Tel.: (4852) 30–55–96 (research department), 72–64–05, 32–98–69 (publishing office)
Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Certificate of mass media registration

(Russian Federation Ministry for Press, Broadcasting and Mass Communication)
PI № FS 77–62331, 3 July 2015

© FSBEE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2016
© Authors of the articles, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Пенкина А. М.* Народная песня в творчестве Осипа Мандельштама.....8
Гавриков В. А. Субъектный неосинкретизм у Осипа Мандельштама.....15
Мурашов А. Н. Контекст итальянских стихов Осипа Мандельштама.....21
Кацис Л. Ф. Неизвестный «Список Мальро» 1934 года и разговор Б. Пастернака
с И. Сталиным об Осипе Мандельштаме.....25
Брусилловская Л. Б. Партсследователь С. В. Березнер: судьба «собеседника» Осипа
Мандельштама.....32
Иванов Н. Н., Скибинская О. Н. Эзотерика в художественном мире М. Горького...36
Северская О. И. Поэтическая кулинария.....40

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Жельвис В. И.* «Все слова, слова, слова...»: мысли о неологизмах.....44
Иванова О. Е. К проблеме орфографической кодификации терминологии.....49
Ушакова А. П. Структура и семантика синтаксических фразеологизмов с постоянным
компонентом *нет чтобы*.....57
Хухуни Г. Т., Осипова А. А. О межъязыковой передаче одного новозаветного
обращения.....61
Талицкая А. А. Концепт «жизнь» в художественном тексте (на материале поэзии
Н. А. Заболоцкого).....67
Зиновьева Е. С. Изучение дискурса в рамках медиалингвистики.....73

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Летин В. А., Потапова Я. Э. В.* Шекспир в пространстве некрасовского
«Современника».....81
Летина Н. Н. Русский Гамлет в российской глоссарии пограничности.....88
-

<i>Хренов Н. А.</i> Эпоха символизма: от традиционных к новым системам видения, утверждаемых в возникающей визуальной культуре.....	93
<i>Юрьева Т. В.</i> Алтарное пространство католического храма как западноевропейский аналог русского православного иконостаса	98
<i>Хмара Д. Н.</i> Земская деятельность в контексте конституирования культурного пространства провинции.....	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Викулова Л. Г., Рянская Э. М.</i> Универсальная категория <i>возраст</i> и его языковая реализация: рецензия на монографию Д. Митева «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). Велико Търново: Фабер, 2012.....	110
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	113
---------------------------------	------------

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ.....	118
---	------------

*“The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...”*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

<i>Penkina A. M.</i> Folk song in Osip Mandelshtam’s poems.....	8
<i>Gavrikov V. A.</i> Subjective neosyncretism in the works of Osip Mandelshtam.....	15
<i>Murashov A. N.</i> The context of Osip Mandelshtam’s Italian verses.....	21
<i>KATSYS L. F.</i> Unknown 1934 «Malraux“list» and the conversation between B. Pasternak and I. Stalin about Osip Mandelshtam.....	25
<i>Brusilovskaya L. B.</i> Party investigator S. V. Berezner: the fate of O. Mandelshtam’s «interlocutor».....	32
<i>Ivanov N. N., Skibinskaya O. N.</i> Esotericism in M. Gorky’s artistic world.....	36
<i>Severskaya O. I.</i> Poetic cooking.....	40

LINGUISTICS

<i>Zhelvis V. I.</i> «Words, words, words ...»:on neologisms.....	44
<i>Ivanova O. E.</i> To the problem of spelling codification of terminology.....	49
<i>Ushakova A. P.</i> The structure and semantics of syntactical idioms with component «нет чтобы».....	57
<i>Khukhuni G. T., Osipova A. A.</i> On the translation of one form of address in the New Testament.....	61
<i>Talitskaya A. A.</i> The concept «life» in literary text (based on the poetry of N.A. Zabolotsky).....	67
<i>Zinovieva E. S.</i> The study of discourse within media linguistics.....	73

CULTURAL SCIENCE

<i>Letin V. A., Potapova Ya. E. W.</i> Shakespeare in the space of Nekrasov’s «Sovremennik».....	81
---	----

<i>Letina N. N.</i> Russian Hamlet in the glossary of boundariness.....	88
<i>Khrenov N. A.</i> The Age of Symbolism: from traditional to new systems of vision in the new visual culture.....	93
<i>Yurieva T. V.</i> Altar space in a Catholic church as a Western European analogue of the Russian Orthodox iconostasis.....	98
<i>Khmara D. N.</i> Territorial activity in the context of institutionalizing cultural space in province.....	104

SCIENTIFIC LIFE

<i>Vikulova L. G., Ryanskaya E. M.</i> The universal category «age» and its linguistic realization: review of the monograph by D. Mitev «The category of age in the aspect of language nominative activity (in the Russian and Bulgarian languages). Veliko Tarnovo: Faber, 2012.....	110
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	116
---	------------

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN» AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS.....	119
--	------------

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В начале 2014 года при Институте истории и филологии РГГУ было создано новое структурное подразделение – учебно-научная лаборатория мандельштамоведения. Ее основной задачей стало объединение усилий ученых и преподавателей вузов, занимающихся изучением биографии и творчества Осипа Эмильевича Мандельштама, а также внедрение научных разработок специалистов в практику преподавания вузовских курсов истории и теории литературы. Необходимо сказать, что РГГУ давно стал общероссийским центром по изучению О. Э. Мандельштама: в его стенах работали и работают такие ведущие специалисты в этой области, как С. Аверинцев, М. Гаспаров, Ю. Левин, О. Лекманов, И. Сура, Ю. Фрейдлин. На базе РГГУ много лет работало Мандельштамовское общество, под эгидой которого прошло несколько представительных научных конференций, собиравших ученых из разных городов и стран мира.

В декабре 2014 года в РГГУ состоялась первая научная конференция «Мандельштам и его время», в декабре 2015 года – вторая, на каждой из которых выступило около 20 ученых, в том числе – аспирантов.

Некоторые материалы этой конференции представлены в данном разделе.

УДК 82-14

А. М. Пенкина

Народная песня в творчестве Осипа Мандельштама

В 1930-е годы О. Э. Мандельштам, чей стиль, казалось бы, не предполагает использования фольклорных заимствований, обращается к приемам народной песни и фольклорной стилизации; по воспоминаниям Э. Герштейн, увлеченно читает «Песни, собранные П. В. Киреевским». Если в произведениях 1910–1920 гг. интерес поэта к фольклору представляется эпизодическим, то в воронежский период (1934–1937 гг.) он проявляется в целом ряде текстов. В статье выдвинуто предположение о причинах увлечения О. Э. Мандельштама народной песней, а также рассмотрен специфический характер использования фольклорных приемов – соположение их с сугубо литературными элементами в стихотворениях 1930-х гг.

Ключевые слова: воронежский период творчества Мандельштама, поздние стихотворения Мандельштама, фольклоризм, фольклорные влияния в литературе XX века, фольклорная стилизация, детский фольклор, народная песня.

LITERARY CRITICISM

At the beginning of 2014, a new structural unit was organized at the Institute of History and Philology, The Russian State University for the Humanities (RSUH) – educational and scientific laboratory for studying the work of Mandelstam. Its main aim is to unite the efforts of scientists and professors engaged in studying the biography and creative work of Osip Emilievich Mandelstam as well as applying the results of the research to teaching History and Literary Theory at university. It should be noted that RSUH has for a long time been the Russian centre for studying O. E. Mandelstam, with leading specialists in the field working here: S. Averintsev, M. Gasparov, Yu. Levin, O. Lekmanov, I. Surat, Yu. Freidin. The Mandelstam society has worked on the basis of RSUH for many years; several representative scientific conferences were held under the aegis of the society and scientists from different cities and countries took part in them.

The first scientific conference “Mandelstam and his time” took place in RSUH in December 2014 and the second one in December 2015. About 20 scientists and post-graduate students took part in each of them.

Some materials of the conferences are presented in this section.

А. М. Пенкина

Folk song in Osip Mandelstam's poems

In 1930s, O. E. Mandelstam, whose style didn't seem to involve the use of folklore elements, turns to devices used in folk songs and folk stylization. According to E. Gershtein, he read “Songs collected by P. V. Kireev” with enthusiasm. The poet hardly showed any interest to folklore in 1910–1920, but in his Voronezh period (1934–1937) it

was expressed in quite a number of poems. The author of the article puts forward a suggestion about the reasons for this interest of O. E. Mandelshtam to folk song and studies a specific character of using folklore devices – their juxtaposition with purely literary elements in 1930s' poems.

Key words: Voronezh period in Mandelshtam's work, Mandelshtam's late poems, folklorism, folklore influences in XX century literature, folklore stylization, children's folklore, folk song.

О. Мандельштам не погружался в фольклористские штудии даже в период его наибольшего интереса к фольклору, в 1930-е годы. Элементы народной песни, встречающиеся в поэзии этого периода, могли возникнуть под влиянием даже не из «Песен, собранных Киреевским», с которыми он был знаком, а стилизаций, которыми богата русская литература XIX в. и современная Мандельштаму литература. Тем не менее, представляется интересным сделать предположение, почему Мандельштам, чей стиль, казалось бы, не предполагает обращения к устному народному творчеству, прибегает к использованию фольклорных приемов или приемов фольклорной стилизации и как эти приемы работают в тексте стихотворений.

Свое отношение к народной песне и понимание ее устройства Мандельштам несколько раз выражает в прозе: в ранней рецензии на книгу П. Кокорина Мандельштам указывает, что «ритм Кокорина органический: он находится в полном согласии с дыханием, как народная песня» [10, с. 93]. Некоторые приемы поэзии А. Блока и А. Ахматовой Мандельштам также определяет как фольклорные. Так, в статье «Буря и натиск» отмечается родство поэзии Ахматовой с народной песней: «Ахматова, пользуясь чистейшим литературным языком своего времени, применяла с исключительным упорством традиционные приемы русской, да и не только русской, а всякой вообще народной песни. В ее стихах отнюдь не психологическая изломанность, а типический параллелизм народной песни с его яркой асимметрией двух смежных тезисов, по схеме: «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Отсюда двустворчатая строфа с неожиданным выпадом в конце. Стихи ее близки к народной песне не только по структуре, но и по существу, являясь всегда, неизменно «причитаниями». Принимая во внимание чисто литературный, сквозь стиснутые зубы процеженный, словарь поэта,

эти качества делают ее особенно интересной, позволяя в литературной русской даме двадцатого века угадывать бабу и крестьянку» [9, с. 136].

Это высказывание указывает не только на то, как Мандельштам понимал фольклорный прием (в его интерпретации параллелизм строится не на сходстве, а, напротив, на несвязности двух тезисов), но и, что более важно, на интерес Мандельштама к соединению фольклорного и нефольклорного в творчестве профессиональных поэтов. Если Мандельштам был так внимателен к использованию фольклора другими авторами, то, вероятно, внедрение фольклорных элементов в собственную поэзию не было случайным приемом.

Должно быть, самым ранним стихотворением Мандельштама, имеющим черты народной песни, является «На Луне не растет ни одной былинки» (1914). По своему содержанию оно напоминает английские детские песенки из сборника «Песни Матушки Гусыни», в одной из которых также фигурирует человек с Луны. Однако повлиять на это стихотворение английские детские стихи, по всей видимости, не могли, так как их переводов на русский язык ко времени написания стихотворения еще не существовало: С. Маршак начал переводить их стихи только после революции, переводы К. Чуковского были опубликованы в 1929 году в сборнике «Барабек и другие сказки». Однако абсурдный сюжет присущ не только английскому детскому фольклору, но и детскому фольклору вообще, в том числе и русскому, который, вероятно, и повлиял на данное стихотворение. Тем более что интерес к детскому фольклору, начиная с 1860-х гг., стал возрастать: его стали собирать, исследовать и публиковать, появился ряд детских журналов («Подснежник», «Звездочка», «Лучи», «Маяк») [6, с. 15]. На влияние детского фольклора в стихотворении Мандельштама указывает и один из вариантов начальных

строк: «*Это все о луне / Только небылица*». Действительно, больше всего по жанру это стихотворение напоминает небылицу, которая так же состоит из абсурдных ситуаций, не имеет сюжета.

К небылицам примыкают такие сюжеты, как «Война грибов». В статье «Фольклор» для «Мандельштамовской энциклопедии» С. Г. Шиндин отмечает, что мотив «войны деревьев» в «Стихах о русской поэзии» может являться переосмыслением мотива «войны грибов» [13, с. 248]. В третьей части «Стихов о русской поэзии» видится большое сюжетное сходство с детской песней, описывающей «войну грибов».

«На Луне не растет...» и «Стихи о русской поэзии» создавались в разные периоды творчества (первое – стихотворение периода «Камня», а второе было написано в поздний период, в 1932 году), и обращение к фольклору продиктовано в этих стихотворениях разными тенденциями. «На Луне не растет...», родственное детской песенке, встает в один ряд со стихотворениями «Только детские книги читать...» и «Сусальным золотом горят...» (вместе их можно определить как «инфантильную» лирику). Об использовании же фольклорных приемов в поздней лирике речь пойдет ниже.

Если в ранний период творчества интерес Мандельштама к фольклору представляется эпизодическим, то в стихотворениях 1930-х гг., особенно в «Воронежских тетрадах», фольклорные черты проявляются в целом ряде текстов.

Об интересе Мандельштама к русскому фольклору в этот период пишет в предисловии к публикации «Забывшие рецензии О. Мандельштама» Э. Герштейн: «Мандельштам живо интересовался русской народной поэзией. Навещая его в зиму 1933–1934 гг. в Москве, я нередко заставляла его перелистывающим «Песни, собранные Киреевским». В Воронеже этот интерес обострился, что сказалось на первом же цикле его новых стихов («Как на Каме-реке...», «Я живу на важных огородах...», «День стоял о пяти головах...»)» [4, с. 242].

Интерес Мандельштама к народной песне Э. Герштейн отмечает и в «Мемуарах»: «Видимо, у Мандельштама была сильная

внутренняя тяга к народной поэзии и музыке. Вспомним его более раннюю рецензию на Дагестанскую антологию, а 30 сентября Рудаков сообщает: О. все пытается писать проспект фольклорной книги – у меня советы выпрашивает» [5, с. 106].

В стихотворениях «Как на Каме-реке» и «Наушники, наушнички мои» обороты современной авторской лирики, книжная лексика, недавно заимствованные из других языков слова соседствуют с фольклорными приемами и лексикой. Мандельштам использует фольклорные приемы не для создания стилизации и не как причудливое украшение – он намеренно сочетает авторское и фольклорное, зачастую сталкивая черты лирической песни и индивидуальной авторской поэзии.

Рассмотрим стихотворение «Как на Каме-реке». Оно начинается с фольклорного зачина «Как...». Подобный зачин нередко встречается в народных песнях, например: «Как я шел, молодец, во чисто поле...», «Как поехал-то мой милой...», «Как на горке, на горе...», «Как во лесочке текет речка быстрая...». Стихотворение построено по принципу психологического параллелизма, который является традиционным композиционным приемом русской лирической песни. Так же, как и лирическая песня, оно распадается на две соотнесенные друг с другом части. В первой описательно-повествовательной части мы видим картину природы, которая создает необходимый эмоциональный фон:

*Как на Каме-реке глазу темно, когда
На дубовых коленях стоят города.
В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.*

Ощущение беды, тревоги создается метафорой «на дубовых коленях стоят города», читающейся двояко: с одной стороны, она может быть понята просто как описание камского пейзажа, низких деревянных построек, стоящих на берегу реки (в таком случае выражение «глазу темно» означает, что в глазах темно от темного оттенка дерева), с другой – как указание на неблагополучие, бедность провинциальных городов, поставленных на колени исторической

ситуацией (в таком случае «темно» понимается как «безрадостно»).

Вторая часть представляет собой монолог лирического героя, в котором выражена та же эмоция – ощущение неблагополучия и беды и идейное содержание всего произведения:

*Так я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.
А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала, трех конвойных везла.*

Стоит отметить, что в лирической песне соотносительность первой и второй части обычно очевидна; в данном же стихотворении это сопоставление подано не настолько прямо, прием несколько «стерт».

Написано стихотворение четырехстопным анапестом, классическим размером русского стихосложения, народной поэзии несвойственным. Однако, разбирая поэму Кедрина «Зодчие», Д. Н. Медриш отмечает: «Трехсложная стопа ... связана и с эпическим пушкинским «Вещим Олегом», и с историческими балладами А. К. Толстого; это уже традиция» [11, с. 47]. Трехстопным анапестом написано стихотворение Некрасова «Тройка», и у читателя, знакомого с этой традицией, трехсложная стопа ассоциируется с этими произведениями. Для сцепления строк используется прием, употребляемый в литературе, но и очень популярный в народной песне – «стык» (слова, стоящие в конце одной строки повторяются в начале другой). Однако с этими фольклорными и псевдофольклорными чертами соседствует литературный прием – авторская метафора «жгучий ельник бежит, молодея в воде».

В стихотворении «Наушники, наушнички мои!», написанном практически в то же время, что и «Как на Каме-реке», в апреле 1935 года, также сочетаются фольклорное и индивидуально-авторское, но здесь их контраст еще более заметен. В данном стихотворении описывается новейший механизм передачи информации – радио, на что указывает сохранившееся в одном из списков заглавие «Радиоточка» [8, с. 634], а кроме того, упоминается еще одно новшество – строящееся метро. Стихотворение о последних изобретениях человечества открывается фольклорным зачином-обращением, часто

встречающимся в народных песнях, например: «Ты поляна ль моя, полянушка...», «Сторона ль ты моя, сторонушка...», «Ты заря, зорюшка вечерняя...». В стихотворении употребляются также диминутивы, часто встречающиеся в народной песне («ночки», «гудочки»), но с ними соседствуют слова, которые никак не могли бы встретиться в произведении традиционного фольклора: «метро», «Аи», «пространство». Построено стихотворение по канонам классического русского стиха: оно написано пятистопным ямбом; этот размер сохраняется на протяжении всего стихотворения без отступлений; есть постоянная рифмовка; соблюдается правило альтернанса. Завершается стихотворение строкой, которую трудно представить себе в народной песне: «язык пространства, сжатого до точки». Данная строка описывает не только принцип работы радио, но и устройство стиха самого Мандельштама (вспомним наблюдение Рудакова о том, что для сочинения четырех строк Мандельштам произносит четырехста). Таким образом, стихотворение, открывающееся фольклорным зачином, заканчивается определением авторской поэзии самого Мандельштама.

В стихотворениях «Я живу на важных огородах» и «Из-за домов, из-за лесов» упоминаются два фольклорных героя – герой балладного текста Ванька-ключник и былинный герой Садко. Упоминание Садко в данном стихотворении подробно разобрано в статье Д. И. Черашней «Гудок, гудки, гудочки» (к семантике единственного и множественного в воронежских стихах Мандельштама). Мандельштам соотносит себя с Садко – пленником морского царя, поскольку он тоже не по своей воле находится в чуждом ему месте, более того, в не прирожденном, чуждом ему времени, и его спасение заключено также в его собственном искусстве – «прогудеть длинней эпохи» [12, С. 246–248].

Упоминание Ваньки-ключника отсылает читателя к тексту «Как в Маскве-то была, ва горади», опубликованному в сборнике «Песни, собранные П. В. Киреевским» [7, с. 129], который, как уже было сказано, имелся в библиотеке Мандельштама. В тексте, содержащемся в собрании, рассказывается о любовнике княгини, которого проведавший об

измене жены князь приказал своим слугам повесить. В стихотворении Мандельштама Ванька-ключник упоминается в следующих строках: «Я живу на важных огородах / Ванька-ключник мог бы здесь гулять». Мандельштам соотносит себя с Ванькой, престаупающим княжеские запреты и расплатившимся за это, но при этом переносит время действия из неконкретного фольклорного времени в современность, в советскую, окружающую автора действительность.

Таким образом, можно сделать вывод, что в поздних стихотворениях Мандельштам использует черты народной песни, фольклоризмы, не как прием для украшения стихотворения – он нарочито сталкивает фольклорное и нефольклорное, современное и архаическое, индивидуальное и традиционное, делая шаг к народной песне, но не превращая стихотворение в стилизацию.

Попробуем предположить, чем могли быть обусловлены обращение Мандельштама к фольклору в стихах воронежского периода и такой своеобразный характер использования фольклорных приемов, соположение их с сугубо литературными приемами.

Интерес Мандельштама к фольклору связан с оппозицией «природа–культура», одной из ключевых для мандельштамовской поэтики. Сравнивая два стихотворения Мандельштама о готических соборах – раннее «Notre Dame» и позднее «Я видел озеро, стоявшее отвесно» – М. Л. Гаспаров пишет, что если Мандельштаму-акмеисту в оппозиции «организм–организация», «природа–культура» более совершенной и гармоничной представлялась культура, то в поздних произведениях природа оттесняет культуру, геология и биология торжествуют над зодчеством [2, с. 265–276]. В статьях начала 1920-х гг. («Слово и культура», «О природе слова», «Литературная Москва. Рождение фавулы») можно проследить, как при описании поэтической речи начинают преобладать метафоры из области естественных наук, в особенности биологии, заступая на место метафор из области архитектуры, свойственных теоретическим статьям периода «Камня». В статье «Литературная Москва. Рождение фавулы» богатый фавулой фольклор предстает как явление «природное», противопоставленное явлению из области

культуры – «литературе»: «На нас идет фольклор прожорливой гусеницей. Кишащими стаями ползет саранча наблюдений, замет, примечаний, словечек, кавычек, разговорчиков <...> Так в литературе узаконен черед фавулы и фольклора, и фольклор родит фавулу, как прожорливая гусеница – легкого мотылька» [9, с. 110]. Образ «наступающего» на литературу фольклора напоминает описание зарастающего травой Петербурга начала 1920-х гг., которым открывается статья «Слово и культура», природы, берущей верх над недолговечной культурой.

Помимо видения фольклора как явления, аналогичного природному, на интерес Мандельштама к нему повлияло желание не быть чужим современному советскому обществу, быть «тоже современником». М. Л. Гаспаров придерживается точки зрения о том, что стихи Мандельштама последних лет продиктованы желанием принять советскую действительность. Поэт, называвший себя наследником разночинцев, «никогда не противопоставлял себя народу и не мог думать, “будто все идут не в ногу, а он один в ногу”, а народ “принимал режим и принимал Сталина <...>”. Все его ключевые стихи последних лет – это стихи о прятии советской действительности» [3, с. 18].

Стремление «идти в ногу» отчетливее всего слышится в «Набросках к документальной книге о деревне», содержащих описание жизни села Никольского Воробьевского района, куда Мандельштам ездил в командировку в 1935 году для подготовки очерка о совхозах. Оно выражается, в том числе, в желании записывать современный фольклор, запечатлеть его сегодняшних героев, кумиров, на которых равняются современники: «Мы привыкли называть фольклором установившееся и отстоявшееся, и до сих пор почти не фиксировали тех подвижных форм изустного рассказа о современности <...> Впервые до сознания масс в несокрушимой ясности дошли преимущества коллективного хозяйства, впервые все вышли в поле и все стали на работу, осознав ее как свое личное дело» [10, с. 340]. О восторженном отношении к картинам крестьянского быта, увиденным поэтом во время поездки в Воробьевский район для сбора материала к очерку, свидетельствует его отзыв,

приведенный Рудаковым в письме к жене: «Говорит: “Это комбинация колхозов и совхозов, единый район (Воробьевский) – целый Техас с очень сложной картой чересполосиц. Люди слабые, а дело делают большое, настоящее искусство, как мое со стихами, – там все так работают”» [5, с. 155].

Однако попытки писать исключительно в том стиле, который востребован эпохой, оканчиваются неудачей. Рудаков, рассказывая о состоянии Мандельштама после написания того самого очерка о совхозах, ради которого Мандельштам ездил в Воробьевский район, передает сказанное ему Мандельштамом: «Он: “Я опять стою у этого распутья. Меня не принимает советская действительность. Еще хорошо, что не гонят сейчас. Но делать то, что мне тут дают, не могу. Я не могу так “посмотрел и увидел”. Нельзя как бык на корову уставиться и писать. <...> Я трижды наблудил: написал подхалимские стихи (это о летчиках) – бодрые, мутные и пустые, <...> написал рецензии – под давлением и на нелепые темы, и написал (это о вариантной рецензии) очерк. <...> Я думал, при доброжелательности жизнь придет, подхватит “фактами” и понесет. Но это была не литература. Я пробиться сквозь эту толщу в завтрашний или еще какой день не могу, нет сил”». Комментируя эти слова, Рудаков говорит, что «в жизни это причитания, почти слезы. Но не психованье», и причину такого состояния видит в том, что «Мандельштам взвыл от халтуры». И далее: «Все это параллельно попыткам писать большую прозу, где “очерк”, может быть, будет как эпизодический момент» [5, с. 128–130]. Возможно, речь идет о «Документальной книге о деревне». Однако «большая проза» о советской деревне так и не будет написана.

Вероятно, и желание единения с народом, и невозможность целиком принять советскую действительность были искренними; не зря С. С. Аверинцев назвал О. Э. Мандельштама «виртуозом противочувствия» («на таких виртуозов противочувствия, как Мандельштам, лучше не пытаться влиять, ибо всякое прямое воздействие будет сопровождаться, если не вытесняться, обратным») [1, с. 70]. Подобная двойственная позиция, разнонаправленность движения нашла отражение не только в содержании стихотворений того времени, их идеологической направленности,

но и в стихотворной манере. С одной стороны, это желание быть ближе к народу, слиться с тем, что представляется народным хором, выраженное в использовании фольклорных приемов, с другой – соседствующие и контрастирующие с ними приемы авторской, индивидуальной поэзии.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама [Текст] / С. С. Аверинцев // Аверинцев и Мандельштам: статьи и материалы / Российский гос. гуманитарный ун-т, Мандельштамовское о-во, Каб. Мандельштамоведения Науч. б-ки РГГУ. – М., 2011. – С. 37–119.
2. Гаспаров, М. Л. Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама. Анализ и интерпретация [Текст] / М. Л. Гаспаров // О русской поэзии: анализы. Интерпретации. Характеристики. – СПб., 2001. – С. 260–295.
3. Гаспаров, М. Л. О. Мандельштам: гражданская лирика 1937 года [Текст] / М. Л. Гаспаров; Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. – М. : РГГУ, 1996. – 125 с.
4. Герштейн, Э. Г. Забытые рецензии О. Мандельштама [Текст] / Э. Г. Герштейн // Вопросы литературы. – 1980. – № 12. – С. 241–262.
5. Герштейн, Э. Г. Мемуары [Текст] / Эмма Герштейн. – СПб. : Инапресс, 1998 – 518 с.
6. Капица, Ф. С., Колядич, Т. М. Русский детский фольклор [Текст] : учебное пособие для студентов вузов / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – М. : Флинта Наука, 2011. – 314 с.
7. Киреевский, П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским [Текст] : Вып. II, Ч. 2 (песни небрядовые) / П. В. Киреевский. – М. : Типография кооператива «Наука и просвещение», 1929. – 389 с.
8. Мандельштам, О. Э. Полное собрание сочинений и писем [Текст] : в 3 т. Т. 1. Стихотворения / Осип Мандельштам [Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Мец]. – М. : Прогресс – Плеяда, 2009. – 808 с.
9. Мандельштам, О. Э. Полное собрание сочинений и писем [Текст] : в 3 т. Т. 2. Проза / Осип Мандельштам [сост. А. Г. Мец. Том подготовили: А. Г. Мец, Ф. Лоэст, А. А. Добрицын, П. М. Нерлер, Л. Г. Степанова, Г. А. Левинтон]. – М. : Прогресс – Плеяда, 2010. – 760 с.

10. Манделъштам, О. Э. Полное собрание сочинений и писем [Текст]: в 3 т. Т. 3. Проза. Письма / Осип Манделъштам [Сост. А. Г. Мец. Том подготовили: А. Г. Мец, К. М. Азадовский, А. А. Добрыин, А. Зумпф, Т. В. Котова, Ф. Лоэст, С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Л. М. Видгоф, Е. В. Иванова, М. А. Котова, Т. М. Двинятина]. – М.: Прогресс – Плеяда, 2011. – 944 с.

11. Медриш, Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики [Текст] / Д. Н. Медриш. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. – 296 с.

12. Черашняя, Д. И. Гудок, гудки, гудочки (к семантике единственного и множественного в воронежских стихах Манделъштама) / Д. И. Черашняя // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Манделъштама. – М.: РГГУ, 2001. – С. 242–253.

13. Шиндин, С. Г. Манделъштамовская энциклопедия. Избранные статьи. Фольклор / С. Г. Шиндин. // Вопросы литературы. – 2008. – № 6. – С. 245–250.

Bibliograficheskiy spisok

1. Averincev, S. S. Sud'ba i vest' Osipa Mandel'shtama [Tekst] / S. S. Averincev // Averincev I Mandel'shtam: stat'i i materialy / Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t, Mandel'shtamovskoe o-vo, Kab. Mandel'shtamovedenija Nauch. b-ki RGGU. – M., 2011. – S. 37–119.

2. Gasparov, M. L. Dve gotiki i dva Egipta v poezii O. Mandel'shtama. Analiz i interpretacija [Tekst] / M. L. Gasparov // O russkoj poezii: analizy. Interpretacii. Harkteristiki. – SPb., 2001. – S. 260–295.

3. Gasparov, M. L. O. Mandel'shtam: grazhdanskaja lirika 1937 goda [Tekst] / M. L. Gasparov; Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t., In-t vyssh. gumanit. issled. – M.: RGGU, 1996. – 125 s.

4. Gershtejn, Je. G. Zabytye recenzii O. Mandel'shtama [Tekst] / Je. G. Gershtejn // Voprosy literatury. – 1980. – № 12. – S. 241–262.

Gershtejn, Je. G. Memuary [Tekst] / Jemma Gershtejn. – SPb.: Inapress, 1998 – 518 s.

Kapica, F. S., Koljadich, T. M. Russkij detskij fol'klor [Tekst]: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov / F. S. Kapica, T. M. Koljadich. – M.: Flinta Nauka, 2011. – 314 s.

7. Kireevskij, P. V. Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim [Tekst]: Vyp. II, Ch. 2 (pesni nebrja-dovye) / P. V. Kireevskij. – M.: Tipografija kooperativa «Nauka i prosveshhenie», 1929. – 389 s.

8. Mandel'shtam, O. Je. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Tekst]: v 3 t. T. 1. Stihotvorenija / Osip Man-del'shtam [Sost., podgot. teksta i koment. A. G. Mec]. – M.: Progress – Plejada, 2009. – 808 s.

9. Mandel'shtam, O. Je. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Tekst]: v 3 t. T. 2. Proza / Osip Mandel'shtam [sost. A. G. Mec. Tom podgotovili: A. G. Mec, F. Lojest, A. A. Dobricyn, P. M. Nerler, L. G. Stepanova, G. A. Levinton]. – M.: Progress – Plejada, 2010. – 760 s.

10. Mandel'shtam, O. Je. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Tekst]: v 3 t. T. 3. Proza. Pis'ma / Osip Mandel'shtam [Sost. A. G. Mec. Tom podgotovili: A. G. Mec, K. M. Azadovskij, A. A. Dobriyn, A. Zumpf, T. V. Kotova, F. Lojest, S. V. Vasilenko, P. M. Nerler, L. M. Vidgof, E. V. Ivanova, M. A. Kotova, T. M. Dvinjatina]. – M.: Progress – Plejada, 2011. – 944 с.

Medrish, D. N. Literatura i fol'klornaja tradicija. Voprosy pojetiki [Tekst] / D. N. Medrish. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1980. – 296 с.

12. Cherashnjaja, D. I. Gudok, gudki, gudočki (k semantike edinstvennogo i mnozhestvennogo v voronezhskih stihah Mandel'shtama) / D. I. Cherashnjaja // Smert' i bessmertie pojeta. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 60-letiju so dnja gibeli O. Je. Mandel'shtama. – M.: RGGU, 2001. – S. 242–253.

13. Shindin, S. G. Mandel'shtamovskaja jenciklopedija. Izbrannye stat'i. Fol'klor / S. G. Shindin. // Voprosy literatury. – 2008. – № 6. – S. 245–250.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.07.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

В. А. Гавриков

Субъектный неосинкретизм у Осипа Мандельштама

Статья посвящена субъективному неосинкретизму в творчестве Осипа Мандельштама. Предлагается несколько версий появления данного грамматического феномена у поэта. Во-первых, субъектный синкретизм может возникнуть по причине генетической прикреплённости Мандельштама к поэзии нетрадиционализма. Во-вторых, в связи с особенностями темпоральных характеристик мандельштамовской поэтики. В-третьих, причиной рассматриваемого явления может оказаться субъектный изоморфизм – проходимость границ между «Я» и «Другим». В-четвертых, указанный феномен может быть обусловлен особыми отношениями между частью и целым в мандельштамовской поэтике. Наконец, появление субъектного синкретизма может быть инспирировано использованием несобственно-прямой речи.

Ключевые слова: Мандельштам, субъектный неосинкретизм, нетрадиционализм, эон, зооморфизм, двойничество, параллелизм, несобственно-прямая речь, темпоральные характеристики, субъектный изоморфизм.

V. A. Gavrikov

Subjective neosyncretism in the works of Osip Mandelshtam

The article is devoted to subjective neosyncretism in Osip Mandelshtam's creative work. The author offers several versions of this grammatical phenomenon in the poet's heritage. Firstly, subjective syncretism can occur because of genetic non-traditionalism of Mandelshtam's poetry. Secondly, it occurs because of the temporal characteristics of Mandelshtam's poetics. Thirdly, the cause of this phenomenon is subjective isomorphism, or lack of boundaries between «self» and «other». Fourthly, this phenomenon occurs because of the special relationship between the part and the whole. Finally, the emergence of subjective neosyncretism can be inspired by the use of experienced speech.

Key words: subjective neosyncretism, non-traditionalism, Eon, zoomorphism, duality, parallelism, experienced speech, temporal characteristics, subjective isomorphism.

К созданию настоящей статьи меня побудил один на первый взгляд узкий вопрос, который и вынесен в заглавие. Субъектный синкретизм есть порождение той древности, когда еще речи об искусстве не шло: словесные тексты, как правило, обслуживали ритуал и были сакральными. То есть эстетическая функция, как и собственно искусство, не выделились в нечто суверенное. Соответственно, человек ощущал себя органически и неразрывно связанным с миром, «Я» еще не было автономным, хотя и имело уже грамматическую форму. Порождением такой нерасчлененности является и интересный нам грамматический феномен – смещение в праискусстве первого и третьего лица.

По замечанию Е. А. Хелимского, в фольклорных текстах нередко присутствует «спонтанный переход в повествовании от

третьего лица к первому (наблюдается при описании действий центрального персонажа), не связанный с введением прямой речи» [8, с. 103]. Согласно мнению С. Н. Бройтмана, причина возникновения рассматриваемого явления кроется в «нечеткой расчлененности в фольклорном сознании субъектных сфер “я” и “другого”, автора и героя, в легкости перехода через еще не успевшие окрепнуть субъектные границы» [7, с. 22].

Самый яркий пример подобного грамматического явления у О. Мандельштама – стихотворение «На розвальнях, уложенных соломой...», где первый катрен дается от первого лица:

*На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,*

*От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.*

В конце же произведения поэт переходит к третьему:

*Царевича везут, немеет страшно тело –
И рыжюю солому подожгли.*

Эту коллизию подробно разбирает С. Н. Бройтман в книге «Русская литература XIX – начала XX вв. в свете исторической поэтики», говоря именно о неосинкретичности данной грамматической особенности. Однако ученый делает акцент на присутствии у Мандельштама модернистского кода, то есть прикрепленности рассматриваемого грамматического феномена к **нетрадиционализму**. Это такая «особенность неклассического сознания», как «ощущение непривилегированности “я”» [1, с. 267].

К похожему выводу приходит А. А. Чевтаев, проанализировав сборник «Tristia». Он говорит о «нетождественности субъектного самополагания в начале сюжетного развития стихотворения и в его финале» (имеется в виду любое стихотворение сборника) [9, с. 60]. Речь здесь также идет не столько об архаическом генезисе в грамматической сфере, сколько о модернистском мироощущении, заключающемся в принципиальной проходимости границы между «Я» и «Другим». Ссылаясь на исследования В. И. Тюпы, ученый указывает, что мандельштамовская «неустойчивость» в субъектной сфере обусловлена «поэтикой нетрадиционализма, предполагающей диалогизм сознаний, вступающих в эстетическую коммуникацию» [9, с. 60].

Таким образом, исследователи объясняют субъектное «нерасчленение» у Мандельштама в первую очередь переходом к новой литературной парадигме. Однако связать рассматриваемое грамматическое явление можно и с темпоральными особенностями поэтики Мандельштама. Остановлюсь на этом подробнее.

Л. Г. Кихней в работе «Эоническое и апокалипсическое время в поэтике акмеизма» соотносит хронотоп акмеистов с введенным христианскими богословами **понятием «эона»**. Исследовательница указывает, что «Эон (в переводе с греч. – век) в христианской философии – некое “свернутое” время до сотворения

мира, включающее в себя все события мировой истории, предстающие одновременно, в единой синхронической картине» [5, с. 32].

Такая симультанность может быть как свернута (и тогда у человека как бы нет прошлого и будущего: он находится в сингулярной темпоральной точке), так и развернута (тогда человек как бы рассыпается на бесчисленное число инкарнаций, каждая из которых релевантно репрезентует «Я»). А за всем этим стоит некое «истинное Я», сущность которого откроется, когда бытие обретет некую метафизическую полноту, когда, по словам Библии, «времени больше не будет».

Наглядно такое представление о темпоральности выразил сам Мандельштам в емких формулах статьи «Слово и культура», например: «<...> ни одного поэта еще не было. Мы свободны от груза воспоминаний. Зато сколько радостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер». И можно продолжить логическую цепочку – Мандельштам. Собственно о своем истинном, трансцендентальном «Я» поэт напрямую говорит в следующем стихотворении:

*Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки почет такой.
О, как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.*

Фраза о том, что поэт живет в некоем «безвременье» коррелирует и с рядом произведений, где есть противопоставление «Я» сегодняшнего и «Я» прошлого. Такое отталкивание и сближение разновременных «эго» связывается с идеей преодоления времени, вызывая ассоциации, например, с миниатюрами Борхеса «25 августа 1983 года», «Борхес и я».

Но субъектный синкретизм у Мандельштама – это не только смешение первого лица и третьего. Так, произведение «Ленинград» начинается тоже с первого грамматического лица: **«Я вернулся в мой город, знакомый до слез, / До прожилок, до детских припухлых желез»**. А затем следует на первый взгляд немотивированный переход ко второму лицу: **«Ты вернулся сюда, так глотай же скорей / Рыбий жир ленинградских речных фонарей...»**. Перед нами все то же «распадение» лирического субъекта на «Я» и некоего «Другого». Причем на самого

себя Мандельштам может глядеть как из постороннего мира, так и из некоей трансцендентальной «безвременности». Например, в стихотворении «Когда в далекую Корею...» говорится: «Я пережил того подростка» (здесь имеется в виду инкарнация лирического субъекта). А взгляд из вечности на самого себя можем найти в произведении, посвященном грядущей улице Мандельштама:

*Это какая улица?
Улица Мандельштама.*

*Мало в нем было линейного,
Права он не был лилейного.*

Обратим внимание, что о себе лирический субъект говорит в третьем лице. При этом для создателя этого стихотворения, для самого «опального поэта» (пользуясь выражением А. Ахматовой), очевидно, что улица его имени появится отнюдь не завтра, а через немалое число лет после его смерти. Таковы были исторические реалии. И авторский голос звучит как бы из вечности, трансцендентальный лирический субъект как бы и здесь «не современник Мандельштаму».

Ключом к субъектному синкретизму у Мандельштама может быть и **идея намеренного отказа от своего «я»** – через уход в некие родовые, дочеловеческие сферы. Яркий пример такого «вычеловечивания» – стихотворение «Ламарк». Это произведение очень показательное в субъектном отношении. Во втором четверостишии появляется первая «реплика» лирического «Я»: «На подвижной лестнице Ламарка / Я займу последнюю ступень». Здесь «Я» еще автономно, выделено из среды себе подобных (и не подобных), это закреплено через первое лицо единственного числа. Далее следует ряд глаголов с той же грамматической соотнесенностью: «спущусь», «сокращусь», «надену», «обрасту» и т. д. И вдруг – меняется число! Действует уже не «Я», а «мы»: «Мы прошли разряды насекомых». Перед нами еще первое лицо, но, если так можно выразиться, автономность «Я» уже нарушена. Следом появляется субъект «он», который говорит несколько фраз. В них лирический субъект соотносится уже со вторым лицом: «ты зришь», «ты напрасно Мוצарта любил». В конце произведения очевидно «наступление» третьего лица:

*И подъемный мост она (природа) забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...*

Сочетание «для тех, у кого» – это уже очевидное третье лицо, множественное число – здесь появляются некие «они». Хотя по контексту понятно, что речь все еще идет о лирическом субъекте. Таким образом, потеря своего «Я», трансформация человека в «кольцецов и усоногих» происходит и на грамматическом уровне.

Отдельного внимания заслуживает субъект «он», «говорящий», который приказывает субъекту перерождаться. Здесь может возникнуть соотнесение мандельштамовского текста с пушкинским «Пророком». Вопрос об этом уже ставился [10, с. 93], [2, с. 203], [3, с. 150–182]; вот что говорит, в частности, А. К. Жолковский: «В обоих текстах метаморфозы совершаются неким Руководителем или по его указанию: у Пушкина операцию проводит шестикрылый серафим, творящий волю Бога; у Мандельштама – сам герой, но во имя и под знаком Ламарка и природы» [3, с. 150–182].

Трудно согласиться с тем, что у Мандельштама происходит умаление «творения венца» до кольца по решению самого героя. Об этом впрямую свидетельствуют близкие к императиву обороты: «Он сказал». Этот таинственный ОН амбивалентен: он может указывать и на Бога как творческого актанта перерождения, и на какую-нибудь темную, тоталитарную силу (наподобие Сталина). Возможен и нейтральный вариант: этот «приказчик» – сам Ламарк. А быть может, перед нами некое Alter ego лирического героя, та «милая тень», в которой он в итоге растворяется?

К слову, отказ от «Я» не единичен в стихах Мандельштама:

*И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».
(«Отчего душа так певуча...»)*

*То, что я сейчас говорю, говорю не я...
(«Нашедший подкову»)*

Причиной такого «растворения» может быть как попытка объять и вобрать в себя все мироздание по тютчевской формуле «все во мне и я во всем». Но вероятен и насильственный вари-

ант преобразования – в условиях советского коллективизма, когда каждый «должен жить, дыша и большевая».

В стихотворении «Гончарами велик остров синий...» появляется образ давних времен, когда «Я» еще не существовало:

*Это было и пелось, синяя,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли «моя» и «мое».*

Однако мы не должны забывать, что «прошлое еще не родилось», поэтому такой синкретизм не является анахронизмом.

В дорефлективном традиционализме часть и целое отождествляются. Поэтому, в частности, считалось, что, зная истинное имя человека, можно воздействовать и на его обладателя. Истинные имена хранили в тайне. **Отношения части и целого** – в контексте собственной сущности – также одна из тем лирических медиаций Мандельштама. Подобные размышления иногда связаны с такой «частью» себя, как «имя», а также с телом:

*Сначала думал я, что имя – серафим,
И тела легкого дичился,
Немного дней прошло, и я смешался с ним
И в милой тени растворился.*
(«Я в хоровод теней,
топтавших нежный луг...»)

*Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну –
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну;
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.*
(«Не мучнистой бабочкою белой...»)

В первом фрагменте появляется «милая тень», которая, как это часто бывает у Мандельштама, имеет целый ряд, условно говоря, «расшифровок». Одна из наиболее вероятных – Пушкин. По этому поводу Е. В. Меркель отмечает: «Одна из ключевых фигур сборника – знаменитый поэт “Золотого века” – представляет собой, с одной стороны, солнце мертвых, с другой – сам является усопшим: ср. образ “милой тени” (а мы помним, что души сходивших в Аид были именно “теньями”), которая

напрямую соотносится с Пушкиным» [6, с. 323].

Причем пушкинский Евгений настолько вписан в Петербург начала XX столетия, что «воспринимается как современник Мандельштама, более того, его alter ego, не утрачивая при этом своей историко-литературной сущности» [4, с. 30].

Еще примечательный пример соматического распада «Я»:

*В самом себе, как змей, таясь,
Вокруг себя, как плющ, вивясь, –
Я поднимаюсь над собою:*

*Себя хочу, к себе лечу...
(«В самом себе, как змей, таясь...»)*

Следующей причиной, побудившей Мандельштама обратиться к субъектному синкретизму, вероятно, является **мотив двойничества**. «Я» как «он» появляется, например, в стихотворении «На мертвых ресницах Исакий замерз...»: «зеркало корчит всезнайку».

Об этом альтернативном «Я» впрямую говорится в произведении «Темных уз земного заточенья...»:

*Иногда со мной бывает нежен
И меня преследует двойник;
Как и я – он так же неизбежен
И ко мне внимательно приник.*

*И, глухую затаив развязку,
Сам себя я вызвал на турнир;
С самого себя срываю маску
И презрительный лелею мир.*

Возвращаясь к образу убиенного царевича Димитрия, можно предположить, что лирический субъект здесь не только «вживается» в «другого», но и обретает двойника – по крайней мере, «грамматического двойника». Перед нами либо цепочка перевоплощений, либо вообще отношения субъекта и метасубъекта. Последний – это как раз то истинное «Я», что обретается за порогом прошлого, настоящего и будущего – то есть за порогом линейного христианского времени. И обретается во времени эническом, а точнее – энической темпоральности, не знающей времени как такового.

Еще одной причиной, побудившей Мандельштама обратиться к необычным грамматическим формам субъектной организации, может быть попытка «поиграть» в **фольклорный параллелизм**. Конечно, перед нами нечто иное, но генетическая прикрепленность подобного приема к классическому параллелизму мне представляется очевидной. Яркий пример – стихотворение «Быть может, я тебе не нужен...»:

*Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.*

*Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.*

*Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;*

Обратим внимание, что отождествление себя с раковиной ведет к тому, что о ней (себе), лирический субъект говорит в третьем лице: «Ты на песок с ней рядом ляжешь», «Ты неразрывно с нею свяжешь».

Наконец, еще один интересный момент, который может вызвать появление субъектного синкретизма, – **несобственно-прямая речь**. Поздний Мандельштам порой использует такие конструкции, в которых как бы кроются реплики героев, но на уровне знаков препинания такая «прямая речь» не объективирована, например:

*Страшен чиновник – лицо как тюфяк,
Нету его ни жалчей, ни нелепей,
Командированный – мать твою так! –
Без подорожной в армянские степи.*

*Пропадом ты пропади, говорят,
Сгинь ты навек, чтоб ни слуху, ни духу, –
Старый понытчик, награбив деньжат,
Бывший гвардеец, замыв оплеуху.
(«Дикая кошка – армянская речь...»)*

В этих катренах как бы звучат голоса, но точно не определено, кому они принадлежат, к кому обращены. Это чиновник командирован

или лирический герой, и поэтому чиновник негодует. И кто кому предлагает сгинуть?

Итак, подводя предварительные итоги, можно констатировать, что субъектный синкретизм у Мандельштама, во-первых, присутствует на протяжении всего творческого пути. Во-вторых, может иметь различное грамматическое выражение, поэт использует даже своеобразные грамматические градации: «скольжение» по лицам и числам, как это было в стихотворении «Ламарк». В-третьих, я убежден, что причин появления рассматриваемого явления в мандельштамовской лирике несколько: только лишь установкой на диалогизм в рамках неклассической парадигмы все не объяснить. Полагаю, что указанные здесь причины далеко не исчерпывают глубины вопроса, поэтому приглашаю коллег к диалогу.

Библиографический список

1. Бройтман, С. Н. Русская литература XIX – начала XX века в свете исторической поэтики [Текст] / С. Н. Бройтман. – М., 1997. – 306 с.
2. Гаспаров, Б. Ламарк, Шеллинг, Марр: Стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной» эпохи [Текст] / Гаспаров, Б. // Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы. – М., 1994. – С. 190–207.
3. Жолковский, А. К. Еще раз о мандельштамовском «Ламарке» [Электронный ресурс] / А. К. Жолковский // Вопросы литературы. – 2010. – № 2. – С. 150–182. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/zh13.html>
4. Кихней, Л. Г. Осип Мандельштам: Бытие слова [Текст] / Кихней Л. Г. – М., 2000. – 146 с.
5. Кихней, Л. Г. Эоническое и апокалипсическое время в поэтике акмеизма [Текст] / Л. Г. Кихней // Modernités russes № 10: Le temps dans la poétique acméiste. Lyon: Lyon III-CESAL, 2010. – P. 29–59.
6. Меркель, Е. В. Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам) [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Е. В. Меркель. – Нерюнгри, 2015. – 491 с.
7. Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М., 2004. Т. 2: Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст]. / С. Н. Бройтман. – М., 2004. – 368 с.
8. Хелимский, Е. А. Чередование глагольных шифтеров в селькупском фольклорном повествовании [Текст] / Е. А. Хелимский // Структура текста: 81. – М., 1981. – С. 102–103.
9. Чевтаев, А. А. Структура лирической собы-

тийности: «Tristia» О. Манделъштама [Текст] / Е. А. Хелимский // Новый филологический вестник. – №1 (24). – 2013. – С. 51–62.

10. Черашняя, Д. Этюды о Манделъштаме [Текст] / Д. Черашняя. – Ижевск, 1992. – 152 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Brojtman, S. N. Russkaja literatura XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoj pojetiki [Tekst] / S. N. Brojtman. – М., 1997. – 306 с.

2. Gasparov, B. Lamark, Shelling, Marr: Stihotvorenje «Lamark» v kontekste «perelomnoj» jepohi [Tekst] / Gasparov, B. // Gasparov B. Literaturnye lejtmotivy. – М., 1994. – С. 190–207.

3. Zholkovskij, A. K. Eshhe raz o mandel'shtamovskom «Lamarke» [Elektronnyj resurs] / A. K. Zholkovskij // Voprosy literatury. – 2010. – № 2. – С. 150–182. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/zh13.html>

4. Kihnej, L. G. Osip Mandel'shtam: Bytie slova [Tekst] / L. G. Kihnej. – М., 2000. – 146 с.

5. Kihnej, L. G. Jeonicheskoe i apokalipsicheskoe vremja v pojetike akmeizma [Tekst] / L. G. Kihnej // Modernités russes № 10: Le temps

dans la poétique acméiste. Lyon: Lyon III-CESAL, 2010. – P. 29–59.

6. Merkel', E. V. Pojeticheskaja semantika akmeizma: miromodelirujushhie obrazy i motivy (N. Gumilev, A. Ahmatova, O. Mandel'shtam) [Tekst]: dis. ... dokt. filol. nauk / E.V. Merkel'. – Nerjungri, 2015. – 491 с.

7. Teorija literatury: ucheb. posobie: v 2 t. / pod red. N. D. Tamarchenko. – М.: 2004. Т. 2: Brojtman, S. N. Istoricheskaja pojetika [Tekst]. / S. N. Brojtman. – М., 2004. – 368 с.

8. Helimskij, E. A. Cheredovanie glagol'nyh shifterov v sel'kupskom fol'klornom povestvovanii [Tekst] / E. A. Helimskij // Struktura teksta: 81. – М., 1981. – С. 102–103.

9. Chevtaev, A. A. Struktura liricheskoj sobytijnosti: «Tristia» О. Mandel'shtama [Tekst] / E. A. Helimskij // Novyj filologicheskij vestnik. – №1 (24). – 2013. – С. 51–62.

10. Cherashnjaja, D. Jetjudy o Mandel'shtame [Tekst] / D. Cherashnjaja. – Izhevsk, 1992. – 152 с.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

А. Н. Мурашов

Контекст итальянских стихов Осипа Мандельштама

В статье рассматриваются неоклассицистические сборники 1910-х гг. В. Ф. Ходасевича, В. В. Бородаевского и В. А. Комаровского. Внимание уделяется разделу «итальянских стихов» в составе каждого сборника, характеризуется поэтика, общая для этих книг. Эти разделы предлагается рассматривать как контекст для «итальянских стихов» в составе книги О. Мандельштама «Tristia».

Ключевые слова: В. Ф. Ходасевич, В. В. Бородаевский, В. А. Комаровский, неоклассицизм, «итальянские стихи», «Tristia».

A. N. Murashov

The context of Osip Mandelshtam's Italian verses

The article looks at 1910s neoclassical poetry books by Khodasevitch, Borodayevsky and Komarovsky. Special attention is paid to «Italian verses» sections in each book and the poetics common to these books is analysed. These sections are considered to be the context for O. Mandelshtam's Italian verses in his book «Tristia».

Key words: Khodasevitch, Borodayevskiy, Komarovskiy, neoclassicism, «Italian verses», «Tristia».

Уже самим названием своего сборника «Tristia» Осип Мандельштам указал на очень высокую значимость контекста для этой книги: это и Овидий, но и «Тристии» из «Урны» Андрея Белого. Настоящая статья посвящена контексту, в котором появились два стихотворения на итальянские темы в книге «Tristia». Речь пойдет о неоклассицистском направлении пост-символизма, или «петербургской поэтике», по выражению Владимира Вейдле [3], формировавшейся в первую половину десятых годов и развиваемой в текстах авторов, начавших писать под влиянием символизма.

Разрыв между «старшими» и «младшими» символистами обозначился в неприятии рядом авторов теургически-соборной программы Вячеслава Иванова и софиологического культа, идущего от апокрифической книги «Премудрость Соломона» через В. Соловьева. Например, В. Брюсов и Лев Шестов, которого А. Пайман относит к символистскому движению [8], весьма жестко откликнулись на ивановскую программу. Этот разрыв поставил перед такими учениками символистов, как Валериан Бородаевский и Владислав Ходасевич, вопрос об «эстетизме» и «панэстетизме» [11] как о полюсах

«антиномичности» русского символизма [5]. В «Первой пристани» Василия Комаровского и «Счастливом домике» Ходасевича, равно как и в ряде стихотворений «Уединенного дола» Бородаевского, была, по сути, предложена иная программа, нежели ивановская. Эти книги подчеркивали отчужденность и субъективизм авторов, сближение с элегической традицией Золотова века, удаленность от «стихий», которые увлекали «младших» символистов, от ритуального теургического действия, где таяли границы индивидуума. Поэты обращались к прежнему, Брюсовскому и в большей степени парнасскому и эстетическому пониманию поэзии, чему способствовало влияние выдвинутого Кузминым принципа «прекрасной ясности» (логического «кларизма») и теории и поэтической практики акмеистов. Этим, с одной стороны, сужался круг дионисийских интуиций, и более тонко, более имплицитно и опосредованно взаимодействовали они с формой и семантикой поэтических текстов. С другой стороны, это было знаком неприятия уже не ивановских призывов, а заявившего о себе футуризма, который программно противопоставлял себя литературным традициям XIX в. Конечно, эпатажные нападки

на классиков у футуристов следует отличать от реальной связи футуристических текстов с классическими. Но в контексте эпохи несомненна была неоклассицистическая «реакция», выразившаяся в подчеркнутом консерватизме, к которому демонстративно обратились Ходасевич, Василий Комаровский, Бородаевский, а также Александр Тиняков в книге «Весна в подполье».

Неоклассицизм, акмеистический и неакмеистический, был возвратом от принципа «поэзии как музыки» («de la musique avant toute chose» Верлена) к принципу «поэзии как живописи» (*ut pictura poesis* классицистов XVIII в.). Разумеется, это не означало отказа от тех мелодических и эфонических средств, которые принесли в русскую поэзию символисты. Однако стали важными «сокрытие приема» и «мотивировки для сокрытия приема для придания ему характера чего-то естественного, непроизвольного», выражаясь словами Б. Эйхенбаума: «Такова законная и естественная тенденция каждого искусства в периоды равновесия, завершения традиций, в периоды «классические» («l'art est de cacher l'art»). В другие периоды, наоборот, приемы даются в обнаженной форме – с установкой на прием как таковой» [12, с. 473–474]. И Эйхенбаум противопоставляет Пушкина, как представителя первой тенденции, Фету, как представителю второй и предшественнику Бальмонта. Подвижность и неопределенность пространственно-временных «координат» в произведениях романтического стиля, о чем писал, например, М. Гиршман относительно Лермонтова [6] и что соответствовало «интранзитивности» (Todorov, [13]), понижению роли референтивной функции языка, – эта подвижность и неопределенность свойственны также и символистским поэтическим произведениям, а это означает, что их визуализация затруднена или, во всяком случае, не позволяет говорить о едином «предметном» ряде стихотворения. В таком стихотворении метонимическая смежность не играет большой роли, как и у романтиков. Речь у Гиршмана идет о стихотворении «Парус», где он различает «поэтические антиномии» (!), но это приложимо и к стихотворению «Когда волнуется желтеющая нива...», где общая «картина» также раздроблена из-за разных временных «ракурсов».

В книгах, о которых мы говорим, происходила «натурализация стиля» за счет метонимии, но не так, как в синхроническом плане у акмеистов, и не так, как в диахроническом плане у поэтов 20-х гг., и среди них – у самого Ходасевича, а также у Бородаевского (в не опубликованных прижизненно стихах). Конечно, наращение референциальной соотнесенности поэтического текста с непротиворечивым визуализируемым образом, «концептуализацией» некоего сегмента реальности или некой ситуации (условно полагаемой как реальная) было наращением собственно транзитивности и референциальности. Этого нельзя не заметить в текстах и теории акмеистов, как и в текстах и теории других авторов общего неоклассицистического направления. Однако такое «возрождение» иллюзионизма, свойственного зрелой пушкинской поэзии и «реалистической» прозе XIX в., было само иллюзорным. Оно лишь мотивировало прием референциальностью, свойствами денотата, как было и с «реалистической» поэзией Пушкина (на это указывает Эйхенбаум), как, добавим, было и в случае ряда прозаических текстов, традиционно трактуемых как «реалистические». Мотивированный свойствами денотата прием переставал восприниматься «в обнаженной форме». Более того, «период равновесия, завершения» символистских «традиций» в раннем постсимволизме характеризовался экономией художественных средств (иначе было бы невозможно сокрытие приема), определенным минимализмом соотносительно с символистской избыточностью, разными способами избегания того, чтобы приемы в их собственно-поэтическом значении стали объектом внимания читателя. Так, например, элементы новеллистической, нарративной композиции и прозаизм детали в поэзии А. Ахматовой служили «мотивировкой» перехода от декламационно-напевного стиля к стилю говорному, а разговорные, диалогические интонации говорного стиля, в свою очередь, затушевывали, скрывали внимание поэтессы к разработке четырехударного дольника и к фонической организации поэтического текста – черту, унаследованную от символистов и лишь

ограниченную большей строгостью, большей формальной экономией.

Понимание классического и аклассического («романтического») начал, которого мы придерживаемся в этой статье, было выражено в работах В. М. Жирмунского, а также отчасти в книге Л. Гинзбург «О лирике». Если учитывать, что классическое и аклассическое искусство Нового времени были в своей антитезе диалектическими, а не только и не столько хронологическими моментами, можно сказать, что на русской почве барочному лжеклассицизму XVIII столетия была противопоставлена сентименталистская «карамзинистская» поэтика М. Муравьева, И. Дмитриева, самого Н. Карамзина. Софронова и Липатов пишут о «славянском барокко»: «Программа классицизма <...> не была диаметрально противопоставлена барокко, между ними сразу образовались прочные связи, которые и дали им возможность сосуществовать» [10]. Авторы признают: «Не всегда можно провести четкую грань между барокко и классицизмом в России» [10, с. 10]. Карамзинистское, классицистическое по сути движение к прояснению, кодификации и эстетизации литературного языка нашло своих завершителей в преромантиках К. Батюшкове, В. Жуковском и П. Катенине, наконец, в поэзии и прозе Пушкина. И этому классицистскому направлению, этой «школе гармонической точности» противопоставил себя романтизм Лермонтова, поэтов-«любомудров» и Тютчева. До начала 30-х гг. говорить о русском романтизме можно только условно, как о некоторых влияниях, ограниченных рамками жанра (например, байронической поэмы, романа вальтер-скоттовского типа, как, скажем, «Капитанская дочка»), что само по себе, конечно, соответствует классицистской заботе о чистоте жанра. Модернизм, или точнее русский символизм 1890–1900-х гг., следовал главным образом романтическому направлению, однако воспринимая французское парнасское влияние вместе с символистским, вырабатывая формы, отличавшие символистскую поэзию от позднеромантической поэзии А. Фета, К. Фофанова, К. Случевского. Этот символизм в своей антиномичности развил и некоторые неоклассицистические черты.

В центр поэтики неоклассицистов выдвигались элегический и идиллический жанры. С идиллией был связан поджанр цикла итальянских стихов, идущий от Вячеслава Иванова и Александра Блока с его «Итальянскими стихами»: это циклы-разделы в трех книгах у Ходасевича, Бородаевского и Комаровского (соответственно, «Звезда над пальмой» в «Счастливом домике», «Итальянская призма» в «Уединенном доле», «Итальянские впечатления» в «Первой пристани») и два цикла в составе книг М. Кузмина («Стихи об Италии» в «Эхо» и «Путешествие по Италии» в «Параболах»). Также следует указать на прерывистый цикл итальянских стихов в «Колчане» Гумилева.

Италия в поэзии русского Золотого века была во многом страной благословенной, приобретающей аркадские черты, а влиятельными текстами были переводы и реплики гетевского «Ты знаешь край...». Идиллическое и элегическое связано с тем, что поэзия Брюсова и других «декадентов» несла в себе возрожденный интерес к Баратынскому, Вяземскому, Языкову, да и обновленный интерес к самому Пушкину, что сказывалось в использовании цитат из полузабытых или академически застывших стихотворений. Так, ода Брюсова «Наполеон» отсылает к романтической оде Е. Баратынского «Смерть» и через нее устанавливает связи с Ломоносовым и Державиным. Брюсовское стихотворение «Поэт – Музе» («Я изменял и многому и многим...») [2, с. 352] цитирует зачин стихотворения Вяземского «Я пережил» («Я пережил и многое, и многих...») [4, с. 218]. У раннего Блока стихотворение «Прошедших дней немеркнувшим сияньем...» [1, с. 25] полемически обыгрывает пушкинское «Безумных лет угасшее веселье...» [9, с. 299]. Примеры можно перечислять и далее. Особое место принадлежит Кузмину. Трудно сказать, восходит ли стихотворение Кузмина «Венецианская луна» [7, с. 490] к «Гондоле. Подражанию Гете» Вяземского [4, с. 277] или к самому стихотворению Гете, но ритмика клаузул – одна и та же у Вяземского и Кузмина в их венецианских стихотворениях: «АБВг – ДЕЖз». В этом стихотворении совпадает обращение к автору Золотого века и принадлежность к циклу «итальянских стихов»,

что неслучайно, ибо именно Золотой век в русской поэзии локализовал идиллию в Италии, отдавая, конечно, дань ее возникновению в творчестве сицилийца Феокрита.

Библиографический список

1. Блок, А. Сочинения в двух томах : Т. I [Текст] / А. Блок. – М., 1955.
2. Брюсов, В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. Брюсов. – Ленинград, 1961.
3. Вейдле, В. Петербургская поэтика [Текст] / Вейдле В. Умирание искусства. – М., 2001. – С. 308–320.
4. Вяземский, П. Сочинения. Т. I. Стихотворения [Текст] / П. Вяземский. – М., 1982.
5. Гаспаров, М. Л. Антиномичность поэтики русского модернизма [Текст] / Гаспаров М. Л. Избранные статьи. – М., 1995. – С. 286–304.
6. Гиршман, М. М. Анализ поэтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева [Текст] / М. М. Гиршман. – М., 1981.
7. Кузмин, М. Стихотворения [Текст] / М. Кузмин. – Санкт-Петербург, 1996.
8. Пайман, А. История русского символизма [Текст] / А. Пайман. – М., 1998.
9. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в десяти томах : Т. II [Текст] / А. С. Пушкин. – М., 1960.
10. Софронова, Л. А., Липатов, А. В. Барокко и проблемы истории славянских литератур и искусств [Текст] / Барокко в славянских культурах. – М., 1982. – С. 3–13.
11. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм [Текст] / А. Ханзен-Леве. – Санкт-Петербург, 1999.
12. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха [Текст] / Эйхенбаум Б. М. О поэзии. – Ленинград, 1968. – С. 327–511.

13. Todorov Tzvetan. Teorie del simbolo [Tekst] / Tzvetan Todorov – Milano, 2008.

Bibliograficheskiy spisok

1. Blok, A. Sochinenija v dvuh tomah : T. I [Tekst] / A. Blok. – M., 1955.
2. Brjusov, V. Stihotvorenija i pojemy [Tekst] / V. Brjusov. – Leningrad, 1961.
3. Vejdle, V. Peterburgskaja pojetika [Tekst] / Veydle V. Umiranie iskusstva. – M., 2001. – S. 308–320.
4. Vjazemskij, P. Sochinenija. T. I. Stihotvorenija [Tekst] / P. Vjazemskij. – M., 1982.
5. Gasparov, M. L. Antinomichnost' pojetiki russkogo modernizma [Tekst] / Gasparov M. L. Izbrannye stat'i. – M., 1995. – S. 286–304.
6. Girshman, M. M. Analiz pojeticheskikh proizvedenij A. S. Pushkina, M. Ju. Lermontova, F. I. Tjutcheva [Tekst] / M. M. Girshman. – M., 1981.
7. Kuzmin, M. Stihotvorenija [Tekst] / M. Kuzmin. – Sankt-Peterburg, 1996.
8. Pajman, A. Istorija russkogo simvolizma [Tekst] / A. Pajman. – M., 1998.
9. Pushkin, A. S. Sobranie sochinenij v desjati tomah. T. II. [Tekst] / A. S. Pushkin. – M., 1960.
10. Sofronova, L. A., Lipatov, A. V. Barokko i problemy istorii slavjanskih literatur i iskusstv [Tekst] / Barokko v slavjanskih kul'turah. – M., 1982. – S. 3–13.
11. Hanzen-Ljove, A. Russkij simvolizm. Sistema pojeticheskikh motivov. Rannij simvolizm [Tekst] / A. Hanzen-Ljove. – Sankt-Peterburg, 1999.
12. Jejhenbaum, B. M. Melodika russkogo liricheskogo stiha [Tekst] / Jejhenbaum B. M. O poezii. Leningrad, 1968. – S. 327–511.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

Л. Ф. Кацис

Неизвестный «Список Мальро» 1934 года и разговор Б. Пастернака с И. Сталиным об Осипе Мандельштаме

В статье представлен анализ реакции О. Мандельштама на рассказ Н. Я. Мандельштам, посвященный разговору Б. Л. Пастернака с И. В. Сталиным о судьбе попавшего в беду автора «Мы живем, под собою не чуя страны...». В ответе О. Мандельштама на этот рассказ жены было употреблено выражение «нашаманить» применительно к «боязни» И. В. Сталина. Автор показывает, что источником этого выражения является терминология, связанная с писателями оппозиционного к И. В. Сталину направления, среди которых был и О. Мандельштам. Список 6 советских писателей-«шаманов» и одного их французского собрата сохранился в записях французского писателя А. Мальро о посещении СССР во время работы Первого съезда советских писателей в 1934 году, опубликованных по-французски только в 2007 году. В этом контексте дается анализ семантики словоупотребления «нашаманить», оценивается достоверность сведений Н. Я. Мандельштам об этой ситуации и степень ее включенности в реальный политический контекст того времени.

Ключевые слова: О. Мандельштам, А. Мальро, Б. Пастернак, И. Сталин, писатели-«шаманы», Н. Я. Мандельштам.

L. F. KATSYS

Unknown 1934 «Malraux“list» and the conversation between B. Pasternak and I. Stalin about Osip Mandelshtam

The article analyses O. Mandelshtam's reaction to the story by N. Mandelshtam about the conversation between B. L. Pasternak and I. V. Stalin concerning the fate of Mandelshtam who was in trouble. In the answer to his wives story, O. Mandelshtam used the expression «practise shamanism» referring to I. Stalin's «fear» of poets who can do it. The author shows that the source of this expression is the terminology connected with the writers in opposition to I. V. Stalin, Mandelshtam being one of them. The list of 6 Soviet writers-«shamans» and one French writer can be found in the notes of A. Malraux about his visit to the USSR during The First Congress of Soviet Writers in 1934 which were published in French only in 2007. The author gives semantic analysis of the expression and evaluates the accuracy of N. Mandelshtam's description of the situation and its correspondence to the actual political context of the time.

Key words: O. Mandelshtam, A. Malraux, B. Pasternak, I. Stalin, writers-«shamans», N. Mandelshtam.

В связи с разговором об О. Э. Мандельштаме до недавних пор ничего подобного названию нашей статьи и быть не могло, не говоря уже о поисках связей между Мандельштамом, Пастернаком, Сталиным и французским писателем Андре Мальро. Но все связал воедино разговор о телефонной беседе Сталина с Пастернаком, донесенный до нас его вдовой. Хотя сама она, похоже, этого не поняла, так как не знала скрытых пружин событий.

Разговор Пастернака со Сталиным о судьбе Осипа Мандельштама в 1934 году давно оброс грандиозной мифологией, восходящей к трем

участникам событий – Б. Л. Пастернаку, Н. Я. Мандельштам и А. А. Ахматовой.

Между тем именно текст вдовы Мандельштама представляется вовсе не таким ясным, как кажется на первый взгляд. И эта «непростота», или, скажем прямо, полная его непонятность, привела к удивительному факту: в комментированном с виду двухтомнике Н. Я. Мандельштам 2014 года глава «Истоки чуда» [8] не прокомментирована вообще! На всю главу лишь сообщение о том, кто такие Сырцов и Ломинадзе, и немотивированное упоминание Н. С. Тихонова, чье имя отсутствует в тексте главы.

Более того, в том же двухтомнике опубликована тезисная канва биографии [7] Мандельштама, написанная в середине 1960-х гг. для американского слависта Кларенса Брауна, содержащая сведения, противоречащие «Истокам чуда», но и этому факту объяснения не дается.

Наконец, в 2013 году Р. Д. Тименчик опубликовал письма Н. Я. Мандельштам мужу в Воронеж, содержащие сведения, соответствующие материалам для К. Брауна, но решительно противоречащие «Истокам чуда» [11].

В 2015 году П. Нерлер и М. Михеев опубликовали в «Новой газете» в качестве неизвестного и новооткрытого давным-давно известное, опубликованное, хотя и не отправленное в 1960 г., письмо Н. Я. Мандельштам к Е. Б. Пастернаку¹, соответствующее будущим беседам с К. Брауном и канве биографии поэта, написанной для американского исследователя, но вновь противоречащее «Истокам чуда» [9].

Этот важнейший документ мы комментируем в специальной работе [2].

Наконец, в 2012 году мы уже опубликовали работу, где сопоставили две версии разговора Сталина с Пастернаком [4]. Одну – которую мы назвали **пространной** – где есть и рассуждения о том, «мастер» ли Мандельштам, и предложение Сталину поговорить «о жизни и смерти» и т. д., то есть все, что нам известно от Б. Л. Пастернака, Н. Я. Мандельштам, Л. К. Чуковской и т. д.; и вторую – которую мы назвали по аналогии с древними редакциями житий **краткой**, то есть содержащей буквально пару фраз Сталина, реплику Пастернака о Мандельштаме и – брошенную Вождем трубку.

Особенность всех вариантов краткой редакции разговора в том, что все подобные записи относятся к периоду до 1946 года, но опубликованы уже после того, как все главные мемуары и документы вошли в классику мемуаристики и литературоведения. Это и письмо М. Корякова (сотрудника СП СССР, попавшего в немецкий плен, работавшего в советских посольских газетах, затем перебежчика), дневниковые записи С. Спасского, обедавшего у Пастернака наутро после разговора, дневники М. М. Пришвина 1937 года, воспоминания сестры Марии Петровых, запомнившей старый рассказ Марии Петровых и удивленной чтением «Записок об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской и т. д., и, наконец, опубликованные в самом конце 1980-х гг. вос-

поминания Н. Вильям-Вильмонта – единственного свидетеля разговора с пастернаковской стороны. Комментируя вариант Спасского, Р. Д. Тименчик назвал его «осторожным».

И, наконец, неизвестное всем мемуаристам письмо Пастернака Сталину 1 ноября 1935 года, опубликованное лишь в 1999 году, где читаем: «Дорогой Иосиф Виссарионович, 23 октября в Ленинграде задержали мужа Анны Андреевны, Николая Николаевича Пунина, и ее сына, Льва Николаевича Гумилева. Однажды Вы упрекнули меня в безразличии к судьбе товарища» [10].

Характерно, что фамилия Ахматовой появится лишь в следующем абзаце. Это немаловажное свидетельство и короткости отношений поэта и Вождя, и знания Сталиным той, кого зовут Анна Андреевна без фамилии. И, одновременно, это полное подтверждение именно краткой версии разговора при обращении собеседника к собеседнику.

Итак, «Истоки чуда»: «Разговор состоялся в конце июня, когда дело уже было пересмотрено»².

«Пастернак широко о нем рассказывал».

Эти сведения противоречат известным историкам литературы сообщениям и давно подвергнуты критике, например, Л. Флейшманом и А. Галушкиным.

«В тот же день он был у Эренбурга, находившегося в Москве...».

Эти сведения давно опровергнуты Л. Флейшманом, который указал: «На самом деле встреча их не могла состояться до 17 июня, когда Эренбург прибыл из Ленинграда в Москву» [12].

Это и есть причина отнесения вдовой поэта разговора со Сталиным на конец месяца, а не на его начало, когда данное событие имело место.

Дальнейшее соответствует или не противоречит известным сведениям: «Но никому из заинтересованных лиц, то есть ни мне, ни Евгению Яковлевичу, ни Анне Андреевне, он почему-то не обмолвился о нем ни словом. Правда, он в тот же день позвонил по телефону Евгению Яковлевичу, уже знавшему о пересмотре дела, и заверил его, что все будет хорошо, но этим заверением и ограничился. Женя счел эти слова просто за оптимистический прогноз и никакого значения им не придавал».

Еще интереснее следующее: «Сама я узнала о сталинском звонке только через несколько ме-

сяцев, когда, уже переболев тифом и дизентерией, вторично приехала из Воронежа в Москву. В случайном разговоре Шенгели спросил у меня, дошли ли до нас слухи о звонке Сталина Пастернаку и соответствуют ли эти слухи действительности... Шенгели не усумнился, что все это вымысел досужего воображения, раз Пастернак ничего мне не сообщил. Но я все же решила съездить на Волхонку: ведь дыма-то, да еще такого, без огня не бывает... Рассказ Шенгели подтвердился до малейшей детали – Пастернак, передавая мне разговор, употреблял прямую речь, то есть цитировал и себя, и своего собеседника. Точно так рассказывал мне и Шенгели: очевидно, всем Пастернак передавал это в одинаковом виде, и по Москве он распространился в точном варианте. Я передаю его рассказ текстуально».

Как мы знаем, Вильмону ничего не надо было рассказывать, он сам рассказал о разговоре уже тогда, когда никакой необходимости в «осторожности» не было, а рассказ Спасского был в «осторожной» версии [1].

Следующая фраза предусмотрительно исключает того, кто подошел к телефону и передал трубку Мандельштаму. Для этого применены чисто синтаксические приемы. Действительно, секретарский вызов Пастернака можно было передать этой безличной формой, но она же позволяла не назвать Вильмонта!

Читаем дальше: «С первых же слов Пастернак начал жаловаться, что плохо слышно, потому что он говорит из коммунальной квартиры, а в коридоре шумят дети». Пусть так, но не они сняли трубку...

Теперь сам разговор: «Со Сталиным он разговаривал, как со всеми нами».

Сталин сообщил Пастернаку, что дело Мандельштама пересматривается и что с ним все будет хорошо. Затем последовал неожиданный упрек: почему Пастернак не обратился в писательские организации или ко мне и не хлопотал о Мандельштаме. «Если бы я был поэтом и мой друг поэт попал в беду, я бы на стены лез, чтобы ему помочь»...

Ответ Пастернака: «Писательские организации этим не занимаются с 27 года, а если бы я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего бы не узнали...». Затем Пастернак прибавил что-то по поводу слова «друг», желая уточнить характер отношений с О. М., которые в понятие дружбы,

разумеется, не укладывались. Эта ремарка была очень в стиле Пастернака и никакого отношения к делу не имела. Сталин прервал его вопросом: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Да дело не в этом...» «А в чем же?» – спросил Сталин. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. – «О чем?» – «О жизни и смерти», – ответил Пастернак. Сталин повесил трубку; Пастернак попробовал снова с ним соединиться, но попал на секретаря. Сталин к телефону больше не подошел. Пастернак спросил секретаря, может ли он рассказывать об этом разговоре или следует о нем молчать. Его неожиданно поощрили на болтовню – никаких секретов из этого разговора делать не надо... Собеседник, очевидно, желал самого широкого резонанса. Чудо ведь не чудо, если им не восхищаются».

Далее Н. Я. Мандельштам говорит, что не будет приводить одну фразу, которая для тех, кто не знает Пастернака, может прозвучать как повод к осуждению поэта. Но ее «пересказал» сам Пастернак в письме Сталину и на нее резко реагировала Н. Я. Мандельштам в разговорах с Пастернаком и в позднейших беседах...

На таком фоне можно подумать, что мемуары Н. Я. Мандельштам являются вымыслом или просто художественной литературой. Но первый случай требует комментария, а вот второй – который выбрали конструкторы двухтомника П. Нерлер и С. Василенко (комментаторами их назвать невозможно!) – требует лишь эстетико-критической оценки.

Комментарии и рассуждения Н. Я. Мандельштам к разговору мы оставим до другого случая, а вот переданную ей реакцию Мандельштама на разговор приведем: «О. М., выслушав подробный отчет, остался вполне доволен Пастернаком, особенно его фразой о писательских организациях, которые “этим не занимаются с 27 года”... “Дал точную справку”, – смеялся он. Он был недоволен самим фактом разговора: “Зачем запутали Пастернака? Я сам должен выпутываться – он здесь ни при чем...”» И еще: «Он совершенно прав, что дело не в мастерстве... Почему Сталин так боится “мастерства”? Это у него вроде суеверия. Думает, что мы можем нашаманить...» И наконец: «А стишки, верно, произвели впечатление, если он так растрогал³ про пересмотр...».

Еще раз скажем, что в конце июня 1934 года,

когда Н. Я. Мандельштам могла рассказать Мандельштаму о разговоре, уже можно было «трубить» о пересмотре дела. И это соответствует не столько хронологии разговора, сколько времени, когда она о звонке узнала. Это же касается и О. Э. Мандельштама, который не мог узнать о событии ранее своей жены. Поэтому все рассуждения о «пересмотре» и «раструблении» к разговору Сталина с Пастернаком отношения не имеют вообще. Это уже реакция, действительно, на реальный пересмотр дела, о котором и впрямь узнали хотя бы те, кто был с Мандельштамом на пересадке из Перми в Воронеж в Москве.

Но нас сейчас интересует не это, а то единственное слово, смысл которого, похоже, не был и не мог быть понятен Н. Я. Мандельштам. До 2007-2013 гг. не мог он быть понятен и нам. Это странное слово «нашаманить» в связи с навязшим в зубах «мастерством».

Из дальнейшего будет следовать, что окказиональный, но реальный смысл этого слова в тогдашнем тайном языке ей известен не был. И это делает данный фрагмент ее текста предельно важным и, опять же, настоятельно зывающим к комментарию.

В 2013 году С. Л. Фокин опубликовал статью о записках Андре Мальро времени его пребывания в СССР в 1934 году. Автор писал: «<...> в упорном стремлении понять Россию Мальро приходит к еще одной формуле, которая помогает ему понять и своеобразно классифицировать советских писателей и политических деятелей. Эту формулу он находит в понятии “сибирского шамана”: “Шаманом № 1 был А. Белый – он мертв. № 2 – Пастернак. № 3 – Мандельштам – он не существует. № 4 – Мейерхольд. № 5 – пропуск в рукописи (С. Ф.). № 6 – Олеша и т. д. Вне этого ряда есть один шаман иностранный, импортированный – А. М.» [13, с. 81]. В этой записи интересно не только то, что через понятие «шамана» Мальро идентифицирует себя с самыми сильными советскими писателями той поры, словно бы заноса себя в список писателей-оппозиционеров, чье внутреннее сопротивление режиму грозит, как в случае с Мандельштамом, полным исчезновением из действительности. Не менее примечательно то, какое развитие эта отрывочная заметка получает в поздних произведениях писателя» [13].

Эта заметка куда серьезнее, чем можно подумать. Это не просто список оппозиционной

режиму интеллигенции, это список тех больших писателей, которые так или иначе включались в проекты сталинского режима, несмотря на внутреннюю оппозиционность.

Андрей Белый, разумеется, пережил арест своего так полностью и не возвращенного архива; арест и частичное возвращение своих друзей-антропософов, проходивших по одноименному делу. Однако он делал единственный доклад на организационном пленуме ССП 1932 года. Мы уверены, что названный № 2 Пастернак занял место Белого в президиуме 1 Съезда писателей, до которого автор «Петербурга» не дожил. Некролог Белому, подписанный Пастернаком, Пильняком и Санниковым, начал писаться в первый день работы Пленума уже оргкомитета съезда 1934 года, когда пришла траурная новость.

Мандельштам имеет прямое отношение к этой же проблематике. В том же 1932 году Сталин и Каганович готовили список кандидатов в оргкомитет Союза писателей. Под № 45 там числился Мандельштам. Поэтому вероятность его появления в разного рода президиумах была не столь низкой [6].

О Пастернаке говорить не стоит. Достаточно увидеть его в президиуме съезда писателей 1934 года. Мейерхольд, в 1934–1935 гг. еще очень важный режиссер революции, ставит спектакль по роману Мальро. Олеша же не только читает на съезде писателей русский текст выступления Мальро, но и сам выступает с речью, где говорит и о праве на молчание, и о том, что ему не влезть в душу комсомольца, но им по пути и т. д. То есть Олеша говорит примерно то, что скажет пропущенный в списке Бабель. Тот самый Бабель, который по требованию Мальро приедет вместе с Пастернаком в 1935 г. в Париж на конгресс в защиту культуры. Все эти сведения есть в книге Л. Флейшмана о Пастернаке в 1930-е годы и в протоколах Съезда писателей.

Таким образом, попасть в «шаманы» Мальро было не так уж и просто, надо было быть членом «оппозиции ее величества». И никак иначе!

Не будем развивать здесь тему Мальро и Сталина, хотя трудно не увидеть параллелизм между книгой Лиона Фейхтвангера «Москва 1937», написанной уже после всех скандалов с Андреем Жидом и его «Путешествием по СССР», и естественно, уже после книги Фейхтвангера [5].

Скажем лишь, что идея Фейхтвангера считать причиной неудачи и поражения Троцкого тот факт, что он был писателем, а Сталин им не был,

поразительно напоминает то, что пишет С. Л. Фокин: «Не менее примечательно то, какое развитие эта отрывочная заметка получает в поздних произведениях писателя. Действительно, в романе “Орешники Альтенбурга” понятие “шамана” представлено несколько определеннее: “Ты знаешь, что такое шаман? – спросил меня как-то один из моих русских друзей. – Сибирский колдун, разве нет? – Да, конечно, но и кое-что другое: Ленин был великим человеком, но не был шаманом. Пушкин, Робеспьер, Гете? Не шаманы! Но Достоевский, Мирабо, Гельдерлин, По – величайшие шаманы!.. Шаман сидит в гениях, но так же, само собой, в идиотах». Отнюдь не случайно, что ряд писателей-шаманов открывается у Мальро Достоевским. Действительно, автор «Идиота» был постоянным спутником писателя, а в «Записках из СССР» он становится своего рода мериллом, которым французский писатель оценивает советскую литературу» [13].

Итак, «шаманы» – это и писатели, и (что важнее для нас сейчас) крупнейшие политики: Троцкий, Ленин, Робеспьер. Не забудем, что и Гете был государственным советником. В этом контексте, особенно в связи со ссылкой на «одного из моих русских друзей» в 1934 г., году съезда писателей, слова Мандельштама о том, что писатели могут «нашаманить» и их боится Сталин, приобретают статус политического жаргона определенных кругов, которые и очертил Мальро. К тому же Достоевский вызывал неподдельную ненависть у главного советского писателя Горького. И это не могло не броситься в глаза французскому гостю.

Таким образом, мы можем вернуться к целостному анализу изложения Надеждой Мандельштам разговора с мужем о Пастернаке и Сталине. Разумеется, раз информация исходит от Пастернака, редакция разговора со Сталиным здесь будет «пространная». Следовательно, особой источниковедческой роли она играть не может [3].

Сам по себе этот разговор идет на фоне свершившегося чуда – перевода Мандельштама из Чердыни в Воронеж, то есть отстоит минимум на месяц от самого разговора. Отсюда и настроение поэта. А вот то, о чем стоит говорить, это нежелание Мандельштама «вмешивать» в дело, за которое ему придется отвечать, Пастернака, который тут ни при чем.

Действительно, сближение Пастернака с Бухариным и Сталиным произошло уже после

ареста Мандельштама и продлилось оно совсем недолго. А до этого Пастернак, в отличие от Мандельштама, ни в каких политических и оппозиционных делах замечен не был. К моменту же приезда Мальро в СССР Пастернак уже был автором письма Бухарину, сообщенного последним Сталину, о Мандельштаме. Автором письма, возымевшего действие. Так, «шаман» № 3 оказался автором некролога «шаману» № 1, вступился за «шамана» № 3, выступил с «шаманами» № 2, 5, 6 и с «шаманом импортированным» на съезде писателей, а затем и с «шаманом» № 5, молчалиником Бабелем, побывал на Конгрессе в 1935 году. Поэтому никаких комментариев «шаман» № 3 не заслужил.

А вот характеристика Мандельштама «он не существует» очень интересна. Так, подобная формулировка встречается как раз в записках Мальро о поездке 1934 г. в СССР и именно в связи с размышлениями французского писателя о причинах неприятия Достоевского в после-революционном СССР. Еще более важно, что формулировка эта встречается в разговоре с очередным «из моих русских друзей», на сей раз с Ильей Эренбургом.

Цитируем: «Э.: Неоднократно замечали, и это правда, что в русском романе не встречаются по-настоящему умные люди, почти сплошь идиоты. Достоевский (которого я не люблю) любит Дмитрия, но не любит Ивана, **который, впрочем, не существует.** – М.: *Но которым Достоевский хотел бы быть.* – Э.: Да, конечно, но это другой вопрос. **Иван не существует, это точно,** Достоевский твердо знает, что это лишь подручное средство для выражения его идей. Во французской литературе, напротив, всегда выводятся умные люди. По крайней мере, это касается мужчин...».

Если учесть, что эта запись разговора с Эренбургом находится в той же тетради о поездке в СССР 1934 года, то есть соблазн сопоставить ее с определением, данным Мальро в списке «шаману» № 2 Осипу Мандельштаму. Который, кстати, как раз «существует» именно благодаря «Истокам чуда»⁴.

Нет смысла указывать, что имени Мальро нет в Именном указателе двухтомных сочинений Н. Я. Мандельштам, изданном в 2014 году Нерлером и Василенко⁵. В словник их «мандельштамовской энциклопедии» такие имена не попадают...

Итак, если мы правы, то именно «шаман» № 2 является выразителем идей Мальро. И этого достаточно для того, чтобы имя французского писателя навсегда вошло в круг интересов мандельштамоведения и историков русской литературы.

Библиографический список

1. Вильмонт, Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли [Текст] / Н. Вильмонт. – М. : Советский писатель, 1989.

2. Кацис, Л. Ф. Из источниковедческих комментариев к недописанному письму Н. Я. Мандельштам Е. Б. Пастернаку 1960 г. [Текст] // Сборник памяти А. Ю. Галушкина. – М. : Имли, 2016.

3. Кацис, Л. Ф. К поэтическим взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама [Текст] // Пастернаковские чтения. Вып. 2. – М. : ИМОИ РАН, 1998. – С. 267–287.

4. Кацис, Л. Ф. О двух версиях разговора Б. Пастернака с И. Сталиным об О. Мандельштаме [Текст] // Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis. – Firenze: Firenze University Press, 2014. – С. 241–248; Festschrift to Cezare de Mikelis, 2014. – С. 181–187.

5. Кацис, Л. Ф. Прагматика и поэтика писательских обращений к советским вождям 1930-х гг. (О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Сельвинский, Л. Фейхвангер, Демьян Бедный) [Текст] // Кацис Л. Ф. Смена парадигм и смена Парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. – М. : РГГУ, 2012. – С. 145–185.

6. Максименков, Л. От опеки до опалы. Теперь, через 125 лет после рождения Мандельштама, по его судьбе можно изучать борьбу за власть и логику внутривластного людоедства [Текст] // Огонек. – № 1–2. 18 января 2016 г. – С. 32–33.

7. Мандельштам, Н. Я. Биографическая канва [Текст] // Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2-х томах : Т.2. «Вторая книга» и другие произведения / Н. Я. Мандельштам. – Екатеринбург, 2014. – С. 953–963.

8. Мандельштам, Н. Я. Собрание сочинений в 2-х томах : Т.1. «Воспоминания» и другие произведения [Текст] / Н. Я. Мандельштам. – Екатеринбург, 2014. – С. 224–228, 536.

9. Н. Я. Мандельштам – Пастернаку Е. Б. 3 июня 1961 г. [Текст] // Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. – М. : Фрт-Флекс, 2002. – С. 45–48.

10. Пастернак, Б. Полное собрание сочинений и писем в 11 т. : Т.IX. Письма 1935–1953 [Текст] / Б. Пастернак. – М., 2005. – С. 55.

11. Timenchik, Roman. Об одном эпизоде биографии Мандельштама [Текст] // Toronto Slavic Quarterly. Vol. 47. – Toronto, 2014. – Pp. 223–226.

12. Флейшман, Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х гг. [Текст] / Л. Флейшман. – СПб. – С. 238.

13. Фокин, С. «Советский роман» Андре Мальро [Текст] // XX век. Тридцатые годы. Из истории международных связей русской литературы. – СПб., 2013. – С. 155.

Bibliograficheski spisek

1. Vil'mont, N. O Borise Pasternake. Vospominanija i mysli [Tekst] / N. Vil'mont. – M. : Sovetskij pisatel', 1989.

2. Kacis, L. F. Iz istochnikovedcheskih kommentarijev k nedopisannomu pis'mu N. Ja. Mandel'shtam E. B. Pasternaku 1960 g. [Tekst] // Sbornik pamjati A. Ju. Galushkina. – M. : Imli, 2016.

3. Kacis, L. F. K pojeticheskim vzaimootnoshenijam B. Pasternaka i O. Mandel'shtama [Tekst] // Pasternakovskie chtenija. Vyp. 2. – M. : IMO I RAN, 1998. – S. 267–287.

4. Kacis, L. F. O dvuh versijah razgovora B. Pasternaka s I. Stalinym ob O. Mandel'shtame [Tekst] // Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis. – Firenze: Firenze University Press, 2014. – S. 241–248; Festschrift to Cezare de Mikelis, 2014. – S. 181–187.

5. Kacis, L. F. Pragmatika i pojetika pisa-tel'skih obrashhenij k sovetskim vozhdjam 1930-h gg. (O. Mandel'shtam, B. Pasternak, I. Sel'vin-skij, L. Fejhvanger, Dem'jan Bednyj) [Tekst] // Kacis L. F. Smena paradigm i smena Paradigmy. Oчерki russoj literatury, iskusstva i nauki HH veka. – M. : RGGU, 2012. – S. 145–185.

6. Maksimenkov, L. Ot opeki do opaly. Te-per', cherez 125 let posle rozhdenija Mandel'-shtama, po ego sud'be mozhno izuchat' bor'bu za vlast' i logiku vnutripartijnogo ljudoedstva [Tekst] // Ogonек. – № 1–2. 18 janvarja 2016 g. – S. 32–33.

7. Mandel'shtam, N. Ja. Biograficheskaja kanva [Tekst] // Mandel'shtam N. Ja. Sobra-nie sochine-nij v 2-h tomah : T.2. «Vtoraja kniga» i drugie proizvedenija / N. Ja. Mandel'shtam. – Ekaterin-burg, 2014. – S. 953–963.

8. Mandel'shtam, N. Ja. Sobra-nie sochinenij v 2-h tomah : T.1. «Vospominanija» i drugie pro-

izvedenija [Tekst] / N. Ja. Mandel'shtam. – Ekaterinburg, 2014. – S. 224–228, 536.

9. N. Ja. Mandel'shtam – Pasternaku E. B. 3 ijunja 1961 g. [Tekst] // Gladkov A. K. Vstrechi s Pasternakom. – M. : Frt-Fleks, 2002. – S. 45–48.

10. Pasternak, B. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 11 t. : T.IX. Pis'ma 1935–1953 [Tekst] / B. Pasternak. – M., 2005. – S. 55.

11. Timenchik, Roman. Ob odnom jepizode biografii Mandel'shtama [Tekst] // Toronto Slavic Quarterly. Vol. 47. – Toronto, 2014. – Pp. 223–226.

12. Flejshman, L. Boris Pasternak i litera-turnoe dvizhenie 1930-h gg. [Tekst] / L. Flejsh-man. – SPb. – S. 238.

13. Fokin, S. «Sovetskij roman» Andre Mal'ro [Tekst] // NH vek. Tridcatye gody. Iz istorii mezhdunarodnyh svjazej russkoj litera-tury. – SPb., 2013. – S. 155.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

¹ Письмо Н. Я. Мандельштам было в качестве «неизвестного» неожиданно перепечатано П. Нерлером и Н. Михеевым в «Новой газете» от 20.02.2015 г. гг. П. Нерлером и М. Михеевым с уведомлением: «Специально для Новой!» А «Новый мир» отметил это происшествие на голубом глазу среди важнейших публикаций месяца http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/5/23vas.html.
Неудивительно, что эти два органа предоставили немереное

пространство для юбилейных мандельштамовских публикаций Нерлера. Вот здесь, действительно, «комментарии излишни».

² Это замечание противоречит даже сведениям, содержащимся в работе Е. Б. и Е. В. Пастернаков 1981 г., опубликованной в парижском сборнике «Память»: разговор состоялся в начале июня. Сообщение об этом находится в комм. к письму.

³ Не будем в очередной раз приводить противоположные мнения Л. Флейшмана и А. Галушкина.

⁴ Вот здесь бы и пригодились одно из двух примечаний Нерлера-Василенко к «Истокам чуда» о цитировании Н. С. Тихоновым Мандельштама с трибуны съезда писателей. От себя заметим, что и «сталинская» часть «Воронежских стихов» Мандельштама восходит к речи на съезде Демьяна Бедного, неожиданно прощенного Сталиным в 1936 году. Подробнее об этом в цитированной главе из нашей книги «Смена парадигм и смена Парадигмы...»

⁵ См. Именной указатель к собранию сочинений Н. Я. Мандельштам

<http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1442073136558>, существующий в интернете и отсутствующий и в прискорбно плохо подготовленном двухтомнике. Достаточно указать, что в т. 1 отсутствует содержание «Воспоминаний» по главам, а для «Второй книги» оно приведено, что характеризует предельно любительский уровень работы составителей. Это в очень «осторожной» версии, сдерживаясь, отметил и проф. Н. А. Богомолов в рецензии «Уходя в историю» в «Новом мире» № 1, 2016 г. С. 187–191.

Л. Б. Брусиловская

Партследователь С. В. Березнер: судьба «собеседника» Осипа Мандельштама

В статье подробно рассматривается воссозданная на базе архивных источников биография С. В. Березнера – партийного следователя, которого в 1930 году судьба свела с О. Э. Мандельштамом. Поводом для этой встречи стал конфликт поэта с его коллегами-переводчиками, который впоследствии послужил толчком для создания «Четвертой прозы».

Жизнь С. В. Березнера увлекательна и сама по себе – она является своего рода отражением тех исторических и политических процессов, которые происходили в 1920–1950-х гг. XX в. в СССР. Однако в отличие от многих коллег, начинавших партийную карьеру вместе с С. В. Березнером, последний остался жив и даже не был в тюремном заключении, хотя во время Великой Отечественной войны оказался в плену, но благополучно вернулся на родину.

Ключевые слова: партследователь Березнер, допрос поэта Мандельштама, «Четвертая проза», партийные чистки, партийная карьера.

L. B. Brusilovskaya

Party investigator S. V. Berezner: the fate of O. Mandelshtam“s «interlocutor»

The article contains a detailed description of S.V. Berezner’s biography based on archive materials. S.V Berezner was a party investigator whose fate brought him together with O. E. Mandelshtam in 1930. The reason for this meeting was the poet’s conflict with his colleagues-translators, which resulted in his writing The Fourth Prose.

Berezner’s life was fascinating in itself – it reflects the historical and political processes taking place from 1920 to 1950s in the USSR. However, unlike many of his colleagues who started their party career with him, Berezner survived and escaped imprisonment; he was held in captivity during the Great Patriotic war but returned home safe and sound.

Key words: party investigator Berezner, interrogation of the poet Mandelshtam, The Fourth Prose, party purge, party career.

В сентябре 1928 года в издательстве ЗИФ вышел роман Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель», на титуле которого Осип Мандельштам был ошибочно указан как переводчик. Спустя два месяца, 28 ноября, в ленинградской «Красной вечерней газете» было опубликовано «Письмо в редакцию» критика и переводчика А. Горнфельда, в котором он обвинял поэта в плагиате. Этот конфликт быстро набрал обороты и выплеснулся за пределы сугубо частной истории двух людей, приобретя форму скандала в профессиональном сообществе, который не только разбирался на заседании Исполкома ФОСПа, но и дошел до Центральной контрольной комиссии ВКП (б).

В начале 1930 года, в самый разгар этой истории, Осип Мандельштам пишет в письме жене от 24 февраля 1930 года: «Теперь о “деле Дрейфуса”. Сразу по приезде – вызов на пленум комиссии. 4-х часовой допрос, вернее, моя непрерывная речь... Дальше – дело разбито на сектора. Каждый следователь работает со

мною отдельно... (У Березнера на комиссии провалось: «Имейте в виду, что фельетон был заказан»)... Третьего следователя отослали обратно: «очередь» – «вы – нарасхват», – говорит Березнер» [3].

Здесь поэт упоминает партийного следователя С. В. Березнера, активно участвовавшего тогда в партийных чистках в Москве, имя которого сегодня забыто, но его собственная судьба представляется весьма интересной и поучительной.

Итак, Сергей Васильевич Березнер родился в 1900 году на Ленских приисках, в семье рабочего-политкаторжанина (анархиста-коммуниста). До 1914 года учился, а летом нанимался чернорабочим. В 1915–16 гг. по поручению отца выполнял отдельные технические задания Бодайбинской группы анархо-коммунистов, сочувствуя ей.

В мае 1917 года он вступил в ряды РСДРП (б) и был избран в члены примирительной камеры и в члены Бодайбинского Совета Рабочих Депутатов. После октябрьского переворота (как пишет сам Березнер в автобиографии – «у нас

в декабре 1917 г.»¹) был выдвинут на должность помощника редактора органа большевистской фракции и ЦИК Советов Ленского Края «Лесная Тайга».

По поручению редакции в июне 1918 года он выехал в Иркутск, но выполнение редакционного задания было прервано чехословацким наступлением, и после сдачи города чехам Березнер был оставлен там для подпольной работы. 24 сентября 1918 года был арестован по обвинению в организации восстания и до 21 октября 1919 года сидел в Иркутской, Красноярской, Ачинской и Александровской тюрьмах, а также Центральной каторжной тюрьме.

По выходе из тюрьмы получил, как он сообщает в той же автобиографии, «от организации в Красноярске» паспорт и выехал под именем Абрама Давыдовича Фридмана в Иркутск, где связался уже, надо полагать, с местной «организацией» и был уполномочен по скупке оружия у белых.

В декабре 1919 – начале 1920-го гг. Березнер участвовал в боях с колчаковцами, а после свержения Колчака и ликвидации эсеровского «Политического центра» был назначен Губревкомом политическим комиссаром почт и телеграфа, но вследствие наступления генерала Каппеля был вынужден оставить эту работу и вступил в партизанский отряд, где принимал участие в боях под станциями Глазково и Слюдянка.

После разгрома Каппеля он был откомандирован в Омск на открывшиеся полуторамесячные областные Сибирские юридические курсы. Благополучно окончив их, в мае 1920 года он вернулся в Иркутск, где был назначен народным судьей Балаганского уезда, причем работа дважды прерывалась крупными кулацкими восстаниями, в подавлении которых Березнер активно участвовал и даже был два раза ранен.

С 1920 по 1921 г. он работал заместителем начальника в особом отделении ВЧК при 40-й дивизии 5-й армии, затем в 51-й перекопской дивизии служил начальником военно-политических курсов.

Сам Березнер описывает эти события своей биографии следующим образом: «С 1920 г. по 1921 г. работал в органах ВЧК. В декабре 1921 г., в связи с циркулярным обращением ЦК КПБУ к членам партии, добровольно пошел в Красную Армию в 51 Перекопскую дивизию, где в течение года последовательно работал в качестве рядового, политрука роты, военкома 457 полка и начальника военно-политических курсов»².

Наконец, в 1922 году он был демобилизован в Москве и принят в Московскую Губпрокуратуру на должность ответственного секретаря, где проработал до марта 1923 года. Тогда же, в мар-

те, он был послан на Высшие юридические курсы, где пробыл вплоть до сентября 1924 года.

Именно с этим периодом жизни Березнера связаны события, которые он не упоминает в автобиографии, но которые нашли свое отражение в регистрационном бланке члена ВКП(б) – участие в троцкистской оппозиции. Сам он сообщает об этом очень скупко: «состоял в троцкистской организации в 1923–24 гг. (с начала внутривнутрипартийной дискуссии в декабре 1923 г. и до смерти Ленина)»³.

Тем не менее, тогда этот факт не особенно повлиял на его партийную и служебную карьеру – в сентябре 1924 года Березнер был назначен помощником Московского Губпрокурора, в этом качестве он проработал до октября 1925 года, а затем был переброшен на эту же должность в Ярославль, а затем в Омск. Там он даже успел какое-то время (с октября 1926 по май 1927 гг.) поработать заместителем прокурора Омского округа.

В июне 1927 года он возвращается в органы ОГПУ, а в октябре 1928 года – обратно в Москву, где его утверждают в должности старшего следователя Мосгубпрокуратуры.

В 1929 году в начале партчистки Березнер переведен на работу в Замоскворецкую Контрольную Комиссию, где был кооптирован в Президиум в качестве старшего партследователя, и, проводя чистку Замоскворецкой парторганизации, сам руководил группой партследователей. Именно тогда и произошел тот самый инцидент с О. Э. Мандельштамом, упоминаемый поэтому в письме.

На основе сохранившихся документов можно утверждать, что деятельность С. В. Березнера в качестве руководителя группы партследователей во время партийных чисток в Москве конца 1929 – начала 1930 гг. была своеобразной вершиной его партийной и служебной карьеры.

Но дальше что-то пошло не так в деятельности партследователя Березнера, и в марте 1930 г. его снимают с этой должности, о чем свидетельствует документ, найденный в РГАСПИ:

«23.03.30 г. Партколлегией ЦКК ВКП (б) в связи с делом Гурова было указано т. Березнеру С. В. (следователю Замоскворецкой РКК ВКП (б)) на неправильный поступок в отношении члена партии Занегина и признало нецелесообразным оставление т. Березнера на работе следователем Замоскворецкой РКК»⁴.

Его направляют в апреле 1930 года инструктором на работу в Колхозцентр, затем в 1932 году мобилизуют на оперативную работу по ликвидации кулачества как класса сперва в Уральской, а затем в Московской областях, после чего постановлением Секретариата ЦК назначают Зампредом Облколхозсоюза Удмурт-

ской области.

Там он, как следует из автобиографии, «столкнулся с значительной засоренностью колхозной системы кулацким элементом, в частности, самого Правления ОКС (два члена правления, зам. пред. и др.). При поддержке партийной организации провел чистку колхозов и работу по организационно-хозяйственному укреплению их, после чего по болезни был отпущен на постоянное лечение в Москву»⁵.

С января 1933 г. Березнер работает в Дзержинском райкоме ВКП(б) заведующим сектора печати, но уже в мае МГК командировывает его на учебу в Институт Красной Профессуры со следующей характеристикой: «Идеологически выдержан. Теоретически развит. Дисциплинирован. Поручаемые работы выполняет добросовестно. Претензий не имеет»⁶. Одновременно с учебой он читает лекции по истории ВКП(б) в Филиале Московского Института Повышения Квалификации Работников Искусств. Об этом эпизоде его трудовой биографии свидетельствует документ, предоставленный им в учебную часть ИКП литературы:

«Характеристика: т. Березнер С. В. читает в Университете курс лекций по истории ВКП(б). В работе проявляет знание предмета и ведет ее на высоком идейном уровне, удовлетворяя требованиям слушателей. К своим обязанностям относится вполне добросовестно»⁷.

Однако, проучившись в ИКП всего год, бывший грозный партследователь был отправлен в Дальневосточный крайком в Зейскую область ответственным редактором газеты «Зейская звезда», о чем сохранилась соответствующая просьба местных властей:

«Всесоюзная Компартия(б) ЦК. Строго секретно. №0511/209 ГС. 20.3.1934 г.

Т. Стецкому, Волину, Булатову, Далькрайкому.

Выписка из протокола № 2 заседания Оргбюро ЦК от 20.8.1934 г.

Просьба Дальневосточного крайкома командировать руководящего газетного работника в Зейскую область.

Командировать т. Березнер С. В., освободив его от учебы в ИКП Литературы.

Секретарь ЦК Жданов

7/9 -34 г.

Приказ № 101 (Копия)

По ИКП Литературы Красной Профессуры от 10/9 – 34 г.

Отчислить с 1/10 – 1934 г. из основного Института и перевести на заочное отделение слушателя 2 курса т. Березнер С.В., как командированного на работу в Дальневосточный край.

Основание: Заявление т. Березнер

Зам. Директор – Еголин»⁸.

Но и там, по-видимому, жизнь у нашего героя

не заладилась, так как уже 5 июля 1935 г. он получает выговор «за перехлестывание в самокритике и политически небрежные формулировки в газете»⁹. Более того, именно в этот период всплывает его недолгое участие в троцкистской оппозиции и Зейский обком ВКП(б) исключает Березнера из партии как «не razorужившегося троцкиста»¹⁰. Еще совсем недавно он был непримиримым судьей, представителем высших партийных инстанций, а теперь сам оказался на месте подсудимого.

Впрочем, КПК отменила затем как необоснованное это постановление Зейского обкома, и в 1936 году его восстановили в партии, но партийная и юридическая карьера Березнера завершилась на этом окончательно.

Он возвращается в Москву и с сентября 1935 года, вплоть до начала войны работает сначала фрезеровщиком, а затем начальником отдела технического обучения на Станкозаводе им. Орджоникидзе. Вполне вероятно, что такое понижение общественного статуса помогает Березнеру избежать репрессий конца 1930-х гг. – на большом заводе, в «пролетарском котле» бывшему «троцкисту», едва не лишившемуся партбилета, сыну анархиста-коммуниста удалось удачно «затеряться».

Далее – его жизнь делает еще ряд немислимых кульбитов. В самом начале Великой Отечественной войны, 25 июля 1941 года, Березнер попадает в плен к немцам в Могилеве. Там он остается до апреля 1942 года, затем немцы перевозят его, еврея и коммуниста, в Вильно, где он находится до августа 1943 года. После этого Березнер оказывается в плену уже на территории западной Германии, где до июня 1944 года пребывает в 326 лагере военнопленных, а с июня 1944 по апрель 1945 гг. – в туберкулезном лагере военнопленных.

О пребывании его в этом лагере сохранились воспоминания Станислава Кшановского, врача, лечившего Березнера от туберкулеза и ставшего потом его лучшим другом до конца жизни. Автор воспоминаний, кроме жизни в плену, сообщает еще ряд любопытных сведений из жизни Березнера, которые он сам не упоминает в автобиографии:

«Во времена царизма его родители жили в Англии и по возвращении в Россию попали на жительство в Сибирь, где Сережа провел детство. Подростком участвовал в гражданской войне, да и потом жизнь его не баловала. Сергей Васильевич обладал высокими качествами организатора, отлично знал историю, философию, классику литературы, был прекрасным и высоко эрудированным собеседником, обладал незаурядными способностями музыканта. Кажется, не было такого музыкального инструмента, на котором он не мог бы играть, но одним из любимых инструментов была балалайка, игра на

которой вызывала восхищение слушателей. Его игра на ней вызывала гипнотическое воздействие даже на гитлеровцев. в какой-то мере смягчая обращение с пленными.

Прошло много лет после освобождения из плена и окончания войны. Сергей Березнер остался жив и часто приезжал с семьей ко мне на отдых в село Малиевцы Дзганаевского района Хмельницкой области, где я стал работать главным врачом областного детского противотуберкулезного санатория. Мы часто вспоминали трудные годы фашистской неволи, которые для него были особенно тягостными. ибо он не верил не только в свое выздоровление в условиях неволи, но и в то, что вообще останется жив. Судьба оказалась к нему благосклонной – семья радовалась возвращению мужа и отца с войны...» [2].

Дальше, как следует из его анкеты, до ноября 1945 года он продолжает оставаться в Германии на излечении.

В ноябре 1945 года Березнер возвращается в Москву, до 1947 года «не работает по болезни»¹¹, как сам о себе сообщает. Затем короткое время является старшим консультантом Центрального Кабинета культпросветработы, а в 1948 году уезжает в г. Старый Крым на должность директора Дома культуры, но в 1949 году вновь возвращается в Москву, где до 1951 года опять не работает.

Как мы видим, и после войны ему удается счастливым образом избежать ареста, не разделив судьбу многочисленных военнопленных, попавших из немецких концлагерей прямоком в советские лагеря. Что послужило причиной этого – очень слабое здоровье, на что он постоянно указывает во всех своих анкетах, или же замечательная способность жить так, чтобы не привлекать к себе повышенного внимания, сознательно умерив прошлые амбиции? Бывший партследователь не оставил после себя никаких воспоминаний, и мы можем строить на этот счет лишь собственные предположения.

Впрочем, у С. Березнера перед глазами всегда был удачный пример – его собственный тесть, один из организаторов октябрьского переворота 1917 года, знаменитый революционер и автор брошюры «1917 год», вышедшей лишь в период хрущевской «оттепели», Н. И. Подвойский. Вот как вспоминает своего деда в интервью газете «Известия» дочь Березнера, Оксана Сергеевна:

«Ленин и Троцкий много внимания уделяли теоретическим вопросам революции, Подвойский же – чистый практик, открытый, веселый и, как бы сейчас сказали, харизматичный, к нему тянулись и за ним шли. В одной из анкет в графе «профессия» написал: «Солдат революции». С этим чувством дед прожил до самого конца» [1].

Как известно, другой такой же «чистый практик» революции, с которым Н. Подвойский в со-

ставе «оперативной тройки» осуществлял захват Зимнего дворца, В. Антонов-Овсеенко, был расстрелян в 1938 году.

Последнее официальное место работы С. В. Березнера – мастер артели «Музрадио» (1951–55 гг.). Последняя запись в регистрационном листке члена КПСС: февраль 1955 года – не работает.

Сведения о его дальнейшей жизни и точной дате смерти неизвестны, можно лишь на основе вышеизложенного сделать вывод, что умер он хоть и в забвении, но все же в «своей постели», что для человека его поколения и его биографии можно считать несомненной удачей.

Библиографический список

1. Внучата Ильичей [Текст] // Известия. 7 ноября. – 2008.
2. Кшановский, С. А. Рядом со смертью [Текст] / С. А. Кшановский. – Киев, 2011.
3. Мандельштам, О. Собрание сочинений В 4-х т. : Т. 4. Письма [Текст] / сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М. : АРТ-Бизнес-Центр, 1997. – С. 134.

Bibliograficheski spisok

1. Vnuchata Il'ichej [Tekst] // Izvestija. 7 nojabrja. – 2008.
2. Kshanovskij, S. A. Rjadom so smert'ju [Tekst] / S. A. Kshanovskij. – Kiev, 2011.
3. Mandel'shtam, O. Sbranie sochinenij V 4-h t. : T. 4. Pis'ma [Tekst] / sost. P. Nerler, A. Nikitaev. – M. : ART-Biznes-Centr, 1997. – S. 134.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

¹ ГАРФ, Ф.Р5146, о.2, ед.хр.139.

² Там же.

³ РГАСПИ, Ф.17, о.99, учетно-партийные документы

⁴ РГАСПИ, Ф.613, оп.1, д.92-94, л.49.

⁵ ГАРФ, Ф.Р5146, о.2, ед.хр.139.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ РГАСПИ, Ф.17, о.99, учетно-партийные документы

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАСПИ, Ф.17, о.99, учетно-партийные документы

Н. Н. Иванов, О. Н. Скибинская

Эзотерика в художественном мире М. Горького

Авторы статьи актуализировали нераскрытые духовные смыслы в литературе русского неореализма. Установлена роль эзотерики как одного из факторов художественных поисков М. Горького. По-новому представлены известные тексты Горького: найдено отражение эзотерических идей в аллюзиях и ассоциациях, мотивах и архетипах. Анализируются межтекстовые переключки, глубинные связи произведений.

Ключевые слова: русский неореализм, М. Горький, его философия и эстетика.

N. N. Ivanov, O. N. Skibinskaya

Esotericism in M. Gorky's artistic world

The authors have highlighted unsolved spiritual meanings in the literature of Russian neo-realism. The role of esotericism as one of the factors of Maxim Gorky's artistic searches is substantiated in the article. The well-known texts by Gorky are presented in a new way: a reflection of esoteric ideas in allusions and associations, in motifs and archetypes can be found. Intertextual references and underlying connections of his works are analysed.

Key words: Russian neo-realism, Maxim Gorky, his philosophy and aesthetics.

Мировоззренческий контекст всегда соответствовал миссии русского писателя – он больше, чем только литератор. На рубеже XIX–XX столетий контекст стал шире: всяческие школы мудрости и знания, религиозные, философские учения, эзотерика, антропософия, теософия, оккультизм обогащали как символизм или акмеизм, что объяснимо, так и реализм. И если в отношении двух первых исследования ведутся [1; 9], то реализм, точнее – неореализм, все еще остается в стороне. Между тем полнота научных знаний об искусстве слова предполагает изучение связей, влияний на уровне и персоналий, и художественной типологии. Этой цели и служит анализ эзотерики как одного из факторов философии, эстетики М. Горького.

Эзотерика – синтетическое учение, одно из самых древних на Востоке и Западе. По легенде, первым эзотериком был Адам, получивший знания от Бога-Отца [10]. Эзотерическую мудрость развивали пифагорейцы, орфики, даосы, ведантисты; она росла на почве герметизма, неоплатонизма, гностицизма, учений розенкрейцеров и алхимиков, ее идеи совершенствовали Парацельс, Сен-Жермен, Беме, Све-

денборг; ее вершиной стали, что общепризнано, труды Р. Штайнера, Е. П. Блаватской.

Аккумулируя многие мистические традиции, эзотерика исходит из принципов неразъединения, а подобия и тождества микро- и макрокосма, Духа и Материи: земное – продолжение небесного, человек устроен, как мир. Принцип подобия в эзотерике базовый: и в медицине (холод лечат холодом), и в духовно-медитативных практиках, этике. Ответственности за мысли, слова, дела эзотерика отводит особую роль, поскольку они прямо или опосредованно провоцируют иные слова и дела, состояния и качество жизни. Подобие, проекции видимого и невидимого – предмет эзотерики, тогда как ее теория и практика направлены на коррекцию видимого через связи с потусторонним, через апелляцию к Высшим Силам. Эзотеризм допускает индивидуальные, социальные изменения в соответствии с иерархией духовных сил. Категории добра и зла имеют выверенные не только мистические, метафизические, но и психофизические характеристики. Поиск вселенской правды, гармонии, любви наполняют жизнь тем смыслом, который не

уничтожается смертью; сам факт физической смерти открывает новые врата. Познавая свои резервы, овладевая потенциями жизни, стихийными силами, люди совершенствуют себя, творчески преображают Мир. Потому для столь высокой миссии важны душевное богатство и мистический опыт личности, интуиция, прозрения, откровения религий, молитвенные практики и знания – древние и новые, научные.

Посвященные, причастные к тайным знаниям – эзотерики, в отличие от экзотериков – непосвященных. Посвященным в историю, теорию эзотерической мысли был и М. Горький, подтверждений чему нами обнаружено немало. Таковы, например, пометы на полях книг из личной библиотеки писателя. «Мир как воля и представление», «Духовидение» А. Шопенгауэра и «Рефлексы головного мозга» И. Павлова интересовали Горького как проводники к тайнам Духа и Разума [6].

Горький сам демонстрировал мощное эзотерическое мышление: в переписке, публицистике оно заявлено открыто, в творчестве реализовано более сложно. Еще в 1892 году, мечтая придать жизни «форму художественную», он поделился со своим нижегородским товарищем И. Картиковским: «Но что есть эта жизнь? Конечное нечто или же переходная форма к лучшему? Вопрос этот сломит меня» [8, Т. 1, с. 36]. Возможности «художественного», творческого преобразования действительности Горький связывал с освобождением внутренних резервов человека, с усилиями его мысли и души. В 1900 году он признался Л. Н. Толстому: «Человек – вместилище Бога живого, Бога же я понимаю как неукротимое стремление к совершенствованию, к истине и справедливости <...> существует только человек, все же прочее есть мнение. Всегда был, есть и буду человекопоклонником» [7, Т. 2, с. 377]. В 1904 году ответил Е. К. Малиновской: «Вера в силы мысли – живое, постоянно, вместе с мыслью растущее чувство, гордое и свободное – это вера человека в себя самого <...> Гармония в человеке – слияние чувства и мысли в одно пламя, в одну могучую сущность» [8, Т. 1, с. 250].

Эзотерическая составляющая просматривается и в оценках, которые Горький давал идейно

близким ему людям. Так, Н. К. Рериха он называл «прорицателем», «величайшим интуитивистом современности» [5]. Столь откровенные суждения архетипичны, они передают сакральный для М. Горького смысл отношений Человека и Мира, отношений творческих, действенных, улучшающих все стороны жизни. Общая тенденция означенных устремлений суммирована в очерке «О М. М. Пришвине» (1926). М. Пришвин, по убеждению Горького, принадлежит к тем людям, которые достигли «ощущения Земли как своей плоти» [2, Т. 24, с. 266], а духовной творческой энергией они обязаны земному богатству и стремятся вовлечь «в разум свой все тайные силы» его. «Мудрец» М. Пришвин был именно таким человеком, он писал «не о природе», а «о Земле, Великой Матери нашей» [2, Т. 24, с. 266]. В 1920–30-е гг. Горького увлекли идеи трансформации физической энергии в духовную, продления жизни через познание духовных тайн. Одним из проектов реализации столь смелых взглядов стал создаваемый в начале 1930-х гг. не без участия писателя Институт человека.

Означенные убеждения воплотились в системе мотивов, архетипах, аллюзиях, ассоциациях, микрообразности сочинений Горького, стали подтекстом его драматургии, прозы, публицистики. Персонажи пьесы «На дне» настойчиво варьируют мотивы устройства и творческого преображения жизни [4, с. 7]. Бубнов говорит о порядке и чистоте: «*Все хотят порядка, да разума нехватка*» [2, Т. 6, с. 122]. Противопоставляя знаниям талант, Актер вспомнил игру в театре, такую, что театр «*трещал и шатался от восторга публики*» [2, Т. 6, с. 110]. Он же: «*Я говорю – талант, вот что нужно герою. А талант – это вера в себя, в свою силу*» [2, Т. 6, с. 110]. Лейтмотивом пьесы стали афористичные реплики Луки о вере, Боге и человеке: «*Коли веришь, – есть; не веришь, – нет... Во что веришь, то и есть*» [2, Т. 6, с. 135], «*Человек – все может... лишь бы захотел*» [2, Т. 6, с. 131]. Последнее речение Луки («*Человек все может...*») резонирует с приведенным суждением Горького из письма Л. Н. Толстому: «Человек – вместилище Бога живого <...> существует только человек, все же прочее есть мнение», которое, в свою очередь, зеркально отражено в сакраментальном монологе Сатина: «*Человек – вот правда!*» [2,

Т. 6, с. 165]. «Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга» [2, Т. 6, с. 170].

Горький обобщил и судьбы персонажей, символично привязав их к мотиву игры – жизни. Одни партии сыграны красиво и ярко – будь то перевоплощение на сцене Актера в героя, или талантливое карточное шулерство Сатина, или комбинации с шашками Бубнова. «И одна – не бедна, коли умна... ходи!» [2, Т. 6, с. 129]. Другие – бездарно: Барон, Медведев, Клещ.

«Изумительная загадка: каким чудом неорганическое вещество превращается в живое <...> дает <...> сотни великих мыслителей, поэтов-работников по созданию второй природы, творимой нашей человеческой мыслью, нашей волею?» [2, Т. 24, с. 267]. «Изумительная загадка» мучила Горького многие годы, и вариантом ее разрешения могли бы стать слова о человеке, который «все может, лишь бы захотел», и тогда путь от мысли и воли к преобразованию «органического вещества» становится прогнозируемым вариантом авторских поисков. В финале повести «Исповедь» во время крестного хода сила веры и общее устремление людей (чудотворная икона символизирует единство) привели к чуду – «безногая» девочка пошла. Чудесное и невозможное, но мыслившееся как желанное преобразование плоти стало возможным, потому что материальное подчинилось духовному, идеальному.

В Окуровской диалогии, цикле рассказов «По Руси», горьковские интенции выразились в образах «мыслей сердца», «таинственной силы» человека, «невидимых земли и неба», «мощи необъятной» Земли и Души. И если «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» – это повествование о нереализованных людских возможностях, то рассказы «Ледоход», «В ущелье», «Покойник» и другие иллюстрируют мистические связи человека с силами земли и неба. Они воплотились в метафорических пейзажах, в мотивах «взаимоперетекания» земли и неба, неба и воды, символически передающих авторские раздумья о границах души и тела. «Вослед солнцу в небо поднимались тесною толпою сизые и белые, как снег, облака, их мягкие бугры отразились в тихой Оке, сотворив в ней иное небо, столь же глубокое и мягкое» («Губин») [3, Т. 4, с. 273].

Программным в этом ряду является рассказ «Ледоход». Его главный герой, Осип,

маленький, жалкий, с погасшими глазами и «странно открытым ртом», в трудную минуту преобразуется – идет по воде и льдинам. Осип, «старичок, похожий на Николая Чудотворца» [3, Т. 4, с. 304], играет с рекой, он вовлек в «разум свой» тайные силы природы, его путь направляет Святой. Демонстрируя чудо – умение человека держаться на воде, управлять стихиями, Горький настоял на ассоциациях Осипа с Николаем Чудотворцем и ... Христом. Эти смысловые аллюзии выразили мысль его о бесконечном совершенствовании духа человека. Будущий человек Горького – это Богочеловек, «вместилище Бога живого». Его красота и сила – в торжестве духа над плотью, в пробуждении скрытых сил, гармонии с природой. В рассказе «Ледоход» автор заявил о «мощи необъятной» земли и души, о духовном преобразении личности.

Изучение эзотерической составляющей в творчестве М. Горького кажется правомочным, поскольку раздвигает представления об эстетике русского неореализма.

Библиографический список

1. Богомолов, Н. А. Русская литература и оккультизм [Текст] / Н. А. Богомолов. – М., 2001.
2. Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. [Текст] / М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1949–1955.
3. Горький, М. Собр. соч. В 12 т. [Текст] / М. Горький. – М. : Современник, 1987.
4. Иванов, Н. Н. «Человек все может ... лишь бы захотел». Пьеса М. Горького «На дне» [Текст] / Н. Н. Иванов // Литература в школе. – М., 2003. – № 7. – С. 5–10.
5. Кузнецова, И. Н. А. М. Горький и Н. К. Рерих [Текст] / И. Н. Кузнецова // Максим Горький на пороге XXI столетия / Горьковские чтения, 1998 г. Том II. – Н. Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2000.
6. Личная библиотека А. М. Горького в Москве [Текст] / Описание в двух книгах. – М. : Наука, 1981.
7. Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х т. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М., 1987.
8. Переписка М. Горького. В 2-х т. [Текст]. – М. : Х.л., 1986.
9. Смирнова, Л. А. Русская литература конца XIX – начала XX века [Текст] / Л. А. Смирнова. – М., 2001.
10. Het Monster. Тринадцать врат. История эзотерических учений от Адама до наших дней. [Текст] / Перевод с английского. – Киев, 1997.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bogomolov, N. A. Russkaja literatura i okkul'tizm [Tekst] / N. A. Bogomolov. – M., 2001.
2. Gor'kij, M. Sobranie sochinenij. V 30 t. [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : GIHL, 1949–1955.
3. Gor'kij, M. Sobr. soch. V 12 t. [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : Sovremennik, 1987.
4. Ivanov, N. N. «Chelovek vse mozhet ... lish' by zahotel». P'esa M. Gor'kogo «Na dne» [Tekst] / N. N. Ivanov // Literatura v shkole. – M., 2003. – № 7. – S. 5–10.
5. Kuznecova, I. N. A. M. Gor'kij i N. K. Rerih [Tekst] / I. N. Kuznecova // Maksim Gor'kij na poroge XXI stoletija / Gor'kovskie chtenija, 1998 g. Tom II. – N. Novgorod : NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2000.
6. Lichnaja biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve [Tekst] / Opisanie v dvuh knigah. – M. : Nauka, 1981.
7. L. N. Tolstoj. Perepiska s russkimi pisateljami. V 2-h t. [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M., 1987.
8. Perepiska M. Gor'kogo. V 2-h t. [Tekst]. – M. : H. l., 1986.
9. Smirnova, L. A. Russkaja literatura konca XIX – nachala XX veka [Tekst] / L. A. Smirnova. – M., 2001.
10. Het Monster. Trinadcat' vrat. Istorija jezotericheskikh uchenij ot Adama do nashih dneij. [Tekst] / Perevod s anglijskogo. – Kiev, 1997.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

О. И. Северская

Поэтическая кулинария

В статье рассматриваются особенности такого современного поэтического жанра, как рецепт, на материале французской и русской поэзии XXI века. Методологической основой анализа является семиотическая теория Р. Барта, его положения об особом «кулинарном коде», «орнаментальной кулинарии» в сравнении с «орнаментальной» поэзией и прозой. Особое внимание уделяется прозаическим и поэтическим текстам Н. Азаровой.

Ключевые слова: поэтика, семиотика, кулинарный код, современная поэзия, речевой жанр, орнаментальная литература, художественный текст.

О. I. Severskaya

Poetic cooking

The article discusses the features of a modern poetic genre, the recipe, in the French and Russian poetry of the XXI century. The methodological analysis is based on R. Barthes' semiotic theory, its provisions on the special «culinary code», «ornamental cookery» in comparison with «ornamental» poetry and prose. Special attention is paid to prose and poetic texts of N. Azarova.

Key words: poetics, semiotics, culinary code, modern poetry, speech pattern, ornamental literature, literary text.

Кулинарная семиотика – особая область науки. Пожалуй, в XX в. наибольший вклад в нее внес Р. Барт. В частности, он ввел в оборот термин «орнаментальная кулинария», которым обозначается семиотическая система, соотносимая с «орнаментальными» же прозой и поэзией. «Орнаментализация, – замечает Р. Барт, – идет двумя противоположными путями, которые <...> диалектически примиряются. С одной стороны, это стремление уйти от природы в область бредово-прихотливой фантазии (нашпиговать лимон креветками, сделать цыпленка розовым, подать к столу разогретые грейпфруты), а с другой стороны, попытки вернуться к природе с помощью грубых подделок (покрыть рождественский торт грибами из безе и листьями остролиста, залить креветок белым соусом так, чтобы выступали одни головы)» [6, с. 170]. Пища, утверждает Р. Барт, служит для еды, но при этом имеет и символическое значение [6, с. 33; 76; ср.: 5, с. 369]: например, хлеб может обозначать неко-

торые ситуации (мягкий формовый хлеб подают на приемах, черный хлеб – знак некоторой сельской простоты и т. д.) [5, с. 369]. В его семиотической философии мотив еды связывается и с присвоением («усвоением», в пищеварительной терминологии) окружающего мира. Не случайно описания еды постоянно присутствуют и в его дневниках: «18 июля 1977г. <...> Вечером к обеду приходит Мир и готовит еду – суп и яичницу с перцем; она привезла шампанского и миндальных пирожных из Пейрорада» [4, с. 253]; «21 июля 1977г. На плите жарятся сало, лук, тмин и т. д. Все это потрескивает и чудесно пахнет. Но это не запах пищи, подаваемой на стол. Есть разные запахи – того, что едят, и того, что готовят <...>» [4, с. 254].

Современная поэзия наследует кулинарные пристрастия Р. Барта.

В частности, популярная у поколения 1980–2000-х гг. композиционная форма – это текст-рецепт. С. Соловьев осмысливает ее

поэтически: *«Зелень мелко нарезать / присыпать солью / мясо вымочить в молоке / край леса / одно солнце / на медленном огне / тушить / помешивать / снимать накипь / верить, пробовать, добавлять / звезд оранжевых капли / Ждать / дуть обжигая пальцы / черные как наждак / терпеть / петь / дать отстояться / Брать / золотые кольца / дрожащие как липит / солнце / вынуть из пены / к губам поднести / пить / Выключить / выжить / подле свернуться / ждать ждать ждать / Оклик услышать / успеть обернуться / и – не назвать»*. Э. Окар, у которого куски хлеба и куски речи слипаются, предлагает своему читателю уже рецепт реального блюда, которым можно сервировать любой из столов, упомянутых в его книге «*Théorie des Tables*»: *«На две порции. Залить 600 г морских петушков холодной водой. Сменить воду 2–3 раза. Поставить на огонь в небольшом количестве белого вина. Едва раскроются, вынуть. Бульон сохранить. Процедить. Распустить в кастрюле 40 г масла, добавить специи (перец горошком, но не соль). Добавить 2 ложки любой рыбы. Хорошенько перемешать. Влить бульон от варки петушков. Взбить. Добавить, продолжая взбивать, два желтка, петрушку и кориандр (1 щепотку), немного сметаны. В загустевший соус всыпать морских петушков. Закрывать и поставить ненадолго на самый слабый огонь. Подавать»*. У А. Делюи в стихах можно найти список покупок: *«Не забыть: салат, капусту, морковку...»*, читателю предлагается фантазировать, что можно приготовить из этих ингредиентов. А Р. Силлиман ограничивается упоминанием поданного ему блюда, которое «разбирает на составные части»: *«Салат состоит из желтого тунца и гигантских креветок, нарезанных одинаковыми кусочками. <...> Закуска затмевает основное блюдо»*. Можно только предположить, что внимание к этой форме вызвано как стремлением к «документальности» повествования, так и попыткой создать метафору «поэтической кухни».

Для Н. Азаровой поэтика кулинарии не «материал», а «код» и образ жизни. Не случайно на ее личном сайте присутствует раздел «Еда». Из одной из размещенных в нем статей следует, что для Н. Азаровой как

исследователя «образ страны (но и мира, отдельных его фрагментов – О. С.) предстает через кулинарию, через буквализацию и амплификацию кулинарной метафоры» [3, с. 361], а «использование пищевого кода <...> является знаком доверия к культуре, наличие пищевого кода, то есть того, что принимается внутрь, является подтверждением приятия, симпатии, согласия одной культуры с другой» [3, С. 361–362]. Она говорит о визуальных, звуковых образах еды и сущностей, связанных с едой, об их предикатах [Там же]; в фокусе ее исследовательского внимания оказывается и «оппозиция *еда воображаемая vs. еда реальная*» и происходящие в этих рамках метаморфозы [3, с. 365]. Но Н. Азарова и готовит как поэт. А потом препарировывает свои творения «*ножом / перевернутых глаз*» (эта цитата – из стихотворения, помещенного в разделе «Другие рецепты»).

Пожалуй, только у Н. Азаровой мы увидим симбиоз кулинарии и поэзии, кулинарную поэтику и поэтическую кулинарию – два в одном. Пример тому – ее салонные меню, воплощающие ту или иную тему. Например, в «Дневнике становления революционного сознания о еде» [2] представленные в меню (и на столе) блюда воплощают идеи утопической революционности Томаса Мора, Кампанеллы, Фурье, Андре Жида, а еще Троцкого и Че Гевары. «Ряд блюд основан на слоганах, вошедших в историю, – сообщает посетителям сайта автор кулинарной «революционной утопии», – например, мясо с червяками с броненосца “Потемкин” или “ешь ананасы, рябчиков жуй” Маяковского; нашли свое кулинарное воплощение и известные мифы о Ленине – мандарины, мандарины, мандарины детям или история о том, как Ленин съел шесть чернильниц» [2]. Приводятся и рецепты, включающие описание соответствующего концепта, с иллюстрациями, убеждающими в «пищевой ценности» этих художественных произведений. А в «Опыте кулинарной деконструкции» Н. Азарова четко прописывает: «Еда трактуется как литературный текст и подвергается деконструкции по тем же принципам, что и литература. Прежде всего деконструируется основной признак, который лежит в основе концепта самого блюда, <...> блюда сгруппированы по социальному

и социокультурному признаку – по очереди деконструируются традиционная русская кухня, советская столовая кухня, знаменитая книга о вкусной и здоровой пище, концепт “пища для бедных” и т. д. Но можно извлекать названия блюд и даже их рецепты из деконструкции языка <...>» [1]. В соответствии с обозначенными принципами в меню появляются *разобранная* солянка вместо *сборной* (дающая возможность «потребителю» самому создать ее «текст», варьируя и сочетая компоненты, проецируя «ось селекции» на «ось комбинации» – почти по Р. Якобсону [8]); из *бефстроганова* исчезает говядина – в соответствии с популярным американским лозунгом *were is the beef?* ее заменяет плотная рыба; появляются *килька – но съедобная* и *селедка на газете Financial Times; пареная репа* отнюдь не проста, ее сопровождает жареный бри с фисташками, а в раздел «деконструкции языковых идиом» попадают постное ассорти *ни рыба ни мясо, прикрытая фигами* баранина *с листками* и гарниром *в выжатых лимонах, чепуха и ерунда на постном масле* и другие деликатесы, протестированные и деконструированные языком (а точнее – языками, поскольку в некоторых случаях налицо перевод с русского на американский английский).

Это чем-то напоминает поэтический опыт А. Парщикова, написавшего: «Язык мой подробно смакует краба». Само значение слова язык: ‘Орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий ее вкусовые свойства. // Этот орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи. // Система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей. // Разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками; стиль. // Система знаков (звуков, сигналов), передающих информацию’ [7] – позволяет переводить «пищевые» коды в языковые.

Но если другие поэты конца XX века используют образы еды как знаки чувственности и усвоения реального мира в поэтическом, Н. Азарова работает на поэтической кухне по-

бартовски: и творя кулинарные мифы, и создавая тексты из ингредиентов сочиняемых блюд, и воплощая в своем кулинарном «нарративе» принцип орнаментальности.

Библиографический список

1. Азарова, Н. М. Опыт кулинарной деконструкции // Меню салонов 2005 [Электронный ресурс]. – URL: http://natalia-azarova.com/pdf/salon_deconstruction.pdf (дата обращения: 15.08.16).
2. Азарова, Н. М. Дневник становления революционного сознания о еде // Меню салонов 2006 [Электронный ресурс]. – URL: http://natalia-azarova.com/pdf/salon_revolution.pdf (дата обращения: 15.08.16).
3. Азарова, Н. М. Тема итальянской кулинарии в русском художественном тексте [Текст] / Н. М. Азарова // Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 9–11 июня 2011 г.). – М.: ООО «Инфотека», 2013. – С. 361–373.
4. Барт, Р. Дневник [Текст] // Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / сост., пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. – М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002. – С. 246–261.
5. Барт, Р. К психосоциологии современного питания [Текст] // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с. – С. 199–204.
6. Барт, Р. Мифологии [Текст] / пер. с фр. и вступит. статья и комм. С. Н. Зенкина. – М.: ИД «Академический проект», 2008. – 351 с.
7. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 15.08.16). – СПб.: Норинт, 2014.
8. Якобсон, Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений [Текст] / пер. с англ. Н. В. Перцова // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 110–132.

Bibliograficheskiy spisok

1. Azarova, N. M. Opyt kulinarnoj dekonstrukcii // Menju salonov 2005 [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://natalia-azarova.com/pdf/salon_deconstruction.pdf (data obrashhenija: 15.08.16).

2. Azarova, N. M. Dnevnik stanovlenija revoljucionnogo soznaniya o ede // Menju salonov 2006 [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://natalia-azarova.com/pdf/salon_revolution.pdf (data obrashhenija: 15.08.16).

3. Azarova, N. M. Tema ital'janskoj kulinarii v russskom hudozhestvennom tekste [Tekst] / N. M. Azarova // Dialog kul'tur: «Ital'janskij tekst» v russskoj literature i «russskij tekst» v ital'janskoj literature: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Institut russskogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 9–11 ijunya 2011 g.). – M. : OOO «Infoteka», 2013. – S. 361–373.

4. Bart, R. Dnevnik [Tekst] // Bart R. Rolan Bart o Rolane Barte / sost., per. s fr. i poslesl. S. N. Zenkina. – M. : Ad Marginem; Stalker, 2002. – S. 246–261.

5. Bart, R. K psihosociologii sovremennogo pitaniya [Tekst] // Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury. – Per. s fr., vstup. st. i sost. S. N. Zenkina. – M. : Izdatel'stvo im. Sa-bashnikovyh, 2003. – 512 s. – S. 199–204.

6. Bart, R. Mifologii [Tekst] / per. s fr. i vstupit. stat'ja i komm. S. N. Zenkina. – M. : ID «Akademicheskij proekt», 2008. – 351 s.

7. Kuznecov, S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russskogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashhenija: 15.08.16). – SPb.: Norint, 2014.

8. Jakobson, R. O. Dva aspekta jazyka i dva tipa afaticheskikh narushenij [Tekst] / per. s angl. N. V. Percova // Teorija metafory: Sbornik: Per. S angl., fr., nem., isp., pol'sk. jaz. / Vstup. st. i sost. N. D. Arutjunovoj; Obshh. red. N. D. Arutjunovoj i M. A. Zhurinskoj. – M. : Progress, 1990. – S. 110–132.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373.43

В. И. Жельвис

«Всё слова, слова, слова...»: мысли о неологизмах

Анализируются современные англо- и русскоязычные неологизмы, отмечается их увеличивающееся количество, называются способы их образования и причины возникновения. Указывается доминирующее влияние на этот процесс электронной революции, резких изменений в жизни общества потребления и особенности словосложения анализируемых языков.

Ключевые слова: неологизмы, английский язык, русский язык, морфология, перспективы.

LINGUISTICS

V. I. Zhelvis

«Words, words, words ...» On neologisms

The article analyzes modern English and Russian neologisms, draws attention to their increasing number, names the various ways they are being formed, and offers the author's view on the reasons of their popularity. Among the domineering factors pertaining to this phenomenon mention is made of the victorious advance of electronic revolution, drastic growth of consumerism along with peculiar features of word formation in the languages analyzed.

Key words: neologisms, Russian and English, morphology, perspectives.

В статье www.learn-english-today.com/new-words/new-words-in-english1.html, авторы пишут:

The English language is notoriously fast in adapting to the changing world. New words enter English from every area of life where they represent and describe the changes and developments that take place from day to day (Английский язык небезызвестен своей способностью быстро адаптироваться к нуждам современного мира. Новые слова приходят в английский из всех сфер жизни, отражая все происходящие в мире изменения).

Будем считать, что писавший этот текст англоязычный лингвист употребил здесь слово notorious (небезызвестный, печально известный,

известный не с самой лучшей стороны) с некоторой долей скромности и юмора, ибо даже беглый обзор современных английских неологизмов поражает своей величиной и разнообразием.

Рассмотрим английские неологизмы с двух позиций: морфологической и семантической.

Неологизмы представлены в списках в виде:

- однокоренных слов,
- сложных слов,
- сочетаний из двух слов.

Последние трудно отграничить от сложных слов, так как нередко они отличаются только написанием: слитно, отдельно, через дефис. В этом – серьезное отличие от русского языка, так что порой приходится сравнивать один

русский однословный неологизм с английским словосочетанием.

Особенно популярны в английском языке *blends*, они же *portmanteau / telescopic words*, то есть слова, образованные от двух корней, полных или разнообразно усеченных:

– *chatroom* – *chat* + *room*, где оба корня сохранены полностью. Так называется интернет-пространство для общения и обмена печатными сообщениями;

– *daycation* – *day* + *vacation* – первое слово сохранено полностью, второе лишилось первого слога. Однодневное путешествие или отдых без ночевки;

– *cronut* – *croissant* + *doughnut*, комбинация из первого слога первого слова и второго слога второго слова. Значение – нечто вроде русского бублика.

Сокращаться могут оба составляющие слова: *financial literacy* → *finlit*. Владение языком финансовых документов и соответствующая литература.

Неологизм может образовываться от сочетания слова и суффикса или префикса: *fandom* (сообщество болельщиков), *impactful* (нечто, производящее большое впечатление или резкое выражение), *spinnish* (язык пиарщиков, политтехнологов, стремящихся представить нечто в наиболее выгодном свете), *onesie* (ночная пижама-комбинация), *sindie* (единный доход, подвергшийся разделу).

Роль префикса может исполнять первое слово бленда:

infomania ← *information* + *mania*. Неудержимое желание непрерывно просматривать свою электронную почту. *Infomercial* ← *information* + *commercial*. Спонсированный коммерческий фильм-реклама. *Infotainment* ← *information* + *entertainment*. Тип ТВ-программы, объединяющей информацию и развлечение.

Возможны довольно сложные операции с составными частями нового слова:

e-lancer ← *electronic* + *freelancer*, где начальный *e-* соотносится и со слогом *free* второго слова. Это профессионал, работающий на дому и предоставляющий свои услуги Интернету.

Одно из составляющих слов может искажаться, но так, чтобы ощущалась ассоциация с оригиналом: *female* + *free* →

freemale. Женщина, сознательно не вступающая в брак во имя независимости.

Одно из слов может рифмоваться с тем, вместо которого использовано, ради сохранения ассоциации: *nightmare* + *flight* → *flightmare*. Смысловой связи тут нет. Речь идет о неприятностях во время путешествия (потерявшийся багаж и т. п.).

Своеобразная игра слов, где обыгрывается значение одного из составляющих слов: *Internet* → *outernet* – традиционные массмедиа, противопоставленные Интернету.

Обыгрываются названия женских предметов одежды и туалета, когда к ним прибегают лица противоположного пола:

bikini → *mankini*, *eyeliner* (карандаш для подведения глаз) → *guyliner* (мужской макияж).

Общество потребления создало для себя множество предметов одежды и прочее. Соответственно формируются и слова, имеющие к этой сфере жизни отношение. Людей, особенно молодых, носящих капюшоны, много и в русской культуре, но в английском языке для подобных случаев создаются слова, например, *hoodie / hoody*.

Приобрело популярность слово *literati* в значении «образованные люди», «эрудиты». Соответственно *illiterati* – люди малообразованные или не сведущие в определенной области.

Одними блендами образование неологизмов не ограничивается. Ср.: *geek*, некто «зацикленный» на каком-либо предмете, например, гаджетах: *it (girl)*, *grrrl* (= *girl*), *jigsaw family*. Тип семьи, в которой живут дети от предыдущего брака одного из них и дети от обоих супругов.

Интересный пример использования местоимения *it* в сочетаниях типа *it bag* или *it girl* в значении, приблизительно соответствующем русскому разговорному одобрительному «самое то». *It bag* – реклама дамской сумочки, *it girl* говорится о девушке, добившейся известности благодаря интенсивной рекламе.

Появилось нечто вроде нового суффикса наречия, причем это все тот же универсальный *s*: *obs* ← *obviously*, *totes* ← *totally*, *whateves* ← *whatever*.

Появились новые междометия: *meh* – выражение безразличия, вроде пожатия

плечами, ср.: *mediocre, d'oh* – выражает досаду на глупую оплошность, чаще свою собственную, *woot* – выражение восторга.

Из тематических групп «рассадников» неологизмов выделяется сфера электроники, что неудивительно. Однако обращает на себя внимание стремление назвать буквально все, что к этой сфере относится. Впрочем, это легко объяснимо той огромной ролью, которую электроника играет в жизни западного общества. Ср.:

hotspot – место, где открыт доступ к Интернету (аэропорт, гостиница, железнодорожная станция и т. п.), *hyperconnected* – тот, кто имеет возможность немедленной связи через Интернет с помощью электронных средств.

Неологизмы могут отражать повышенное внимание общества к некоторым осуждаемым моделям поведения. Таков бленд *humblebrag* – говорить что-то, внешне звучащее как выражение скромности (*humble*), но на самом деле означающее самопохвальбу (*brag*).

Наконец, отметим огромное количество акронимов, чрезвычайно популярных в Интернет-общении. Часть из них известна едва ли с появления электронной связи, часть регулярно создается чуть ли не ежедневно. Часть из них дополняется «ребусным методом». Приведем только несколько не столь частых примеров:

AFAIC – *as far as I'm concerned, as far as I care, as far as I can*

AFAIK – *as far as I know*

AFAIR – *as far as I remember / recall*

AFK – *away from my keyboard*

GJ – *good job*

HAND – *Have a nice day*

JJ или JK – *just joking, just kidding*

Ребус + акроним:

B2B – *business to business*

*X > ** – *X (любой объект) is better than everything (*)*

Рисунок, выполненный с помощью знаков и символов:

$\langle 3$ – *love*, нечто, зрительно напоминающее сердце. Соответственно $I \langle 3$ и.

Написание по принципу стенографии:

L8 – *late*

U – *you*

ur – *you're*

w8 – *wait*

thx – *thanks*, с вариантами: *kthx* – *OK, thanks*, *plz/thx* – *please, OK, thanks* и *kthxbye* – *OK, thanks, goodbye*.

Использование звучания буквы вопреки правописанию:

CU – *see you*

RU – *are you?*

Возможны попытки передачи разговорного стиля:

WDUWTA – *What do you wanna talk about?*

Среди акронимов встречаются вульгаризмы:

STFU – *shut the fuck up*

WTF – *what the fuck*

Приведенные примеры позволяют утверждать, что английский язык переживает период активного словарного обогащения и несомненного влияния на языки и культуры мира, чему содействует мощная словообразовательная техника английского языка, позволяющая создавать самые разнообразные комбинации из знакомых слов и вспомогательных элементов.

Одновременно несомненно и другое, не столь радужное для английской языковой культуры обстоятельство. Анализируя значения длинного списка новых английских слов, легко заметить, что очень многие из них отражают некоторую пресыщенность общества потребления, поиск новых ощущений и нового времяпрепровождения, далеко не обязательно связанного с истинными ценностями человечества.

И дело здесь вовсе не в том, что соответствующая сущность отсутствует в другой, хотя бы и русской, культуре. В конце концов, вполне можно себе представить русскую женщину, не вступающую в брак во имя собственной независимости, но русское общество явно не нуждается в слове типа *freemale*. Вряд ли есть необходимость обозначать по-русски мужской макияж (англ. *guyliner*) или незнакомого человека, который неожиданно возникает перед объективом вашего фотоаппарата и портит ваш снимок (*photobomb*). Очевидно, что в западном

обществе подобные явления стали настолько обыденными, что понадобилось их однословное обозначение.

Так, потребовалось слово для обозначения человека среднего возраста, внешне привлекательного, энергичного, преуспевающего, предпочтительно широко известного. В 2011 г. президента Обаму называли *quintastic*, блендом из прилагательного *fantastic* и префикса *quin*.

Особые металлические приспособления, укрепляемые на низких стенках, скамьях, ступенях и т. п. с целью воспрепятствовать скейтбордистам через них прыгать, называются *skatestoppers*, *skateboard deterrents* или попросту *pig's ears*.

Словом *funemployed*, блендом от *fun* и *employed* называют того, кому нравится не работать, чтобы иметь больше свободного времени для развлечений.

Frostjacking – кража автомобиля в то время, когда владелец запускает мотор, чтобы разморозить стекла.

Wonky veg – это овощи неправильной формы, которые приходится продавать по сниженной цене.

Genevacation – отпуск, который проводят вместе взрослые дети и их родители за счет последних.

Из новых словосочетаний хотелось бы назвать *accidental fur* – меха из кожи животных, погибших в автокатастрофах и поэтому не вызывающих протесты защитников прав животных.

С моральной и правовой точек зрения вызывает интерес *secondary ticketing* – официально разрешенная в Великобритании перепродажа билетов на концерты и проч. по повышенной цене. В России это считалось бы спекуляцией.

Число подобных примеров легко увеличить. В большинстве своем они отражают особенности быта и менталитета англоязычных народов, дающих возможность лучше понять образ жизни наших соседей по планете.

Сравним теперь англоязычную ситуацию с русской. Отметим для начала довольно многочисленные заимствования из английского языка: *хэйтэг, мем, нетбук, подкаст, селфи, ситком, троллинг, вебинар, рингтон, флэшмоб*. Эти заимствования тем более показательны, что

и «исконно русские» новообразования большей частью строятся по англоязычной модели.

В вышедшей в 2016 г. обширной монографии «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции» ее автор, профессор В. И. Шаховский, предлагает дробную классификацию русских блендов и словосочетаний, которые он называет креатемами. Автор представляет материал в виде фреймовой категоризации креатем:

Фрейм 1: «Характеризация современного человека»:

Слот 1: «Технологическая обусловленность»: *хвастогрэм, видиот, лайкбище*.

Слот 2 «Сексуальная обусловленность»: *нелюбвижу, репутана, экстазм*.

Слот 3: «Алкогольная обусловленность»: *пятница, буходные, алконавт*.

Слот 4: «Интеллектуальная ущербность»: *олигофренд, свинтурист, ублюди*.

Слот 5: «Поведенческая обусловленность»: *сатаньяк, доносема, печалька*.

Слот 6: «Интеллектуальная обусловленность»: *креакл, интеллигеня*.

Фрейм 2: «Политика»:

Слот 1 «Внутренняя политика»: *взбесившийся принтер, новые бедные, демшиза*.

Слот 2 «Внешняя политика»: *евромайдан, майданутые, вежливые люди*.

Слот 3 «Экономическая политика»: *экономикадзе, гривро, бананотехнология*.

Фрейм 3: «СМИ»:

Слот 1: «Характеризация журналистов»: *трепортер, информафия, журналюга*.

Слот 2: «Характеризация информации»: *диссергейт, антиязык, ээхономика*.

Фрейм 4: «Социальная сфера»:

Слот 1 «Транспорт»: *ё-мобиль, дуруги, автостервиз*.

Слот 2: «Разное»: *пищевой геноцид, квартирания, бомжмаркет*. [1, с. 223–224].

Сравнение англоязычных и русских «креаклов» (термин В. И. Шаховского) наглядно демонстрирует социальные, политические и эмоциональные процессы, характерные для соответствующих национальных культур. Обоим языкам нельзя отказать в изобретательности и стремлении откликаться

на острые вопросы бытия. И в то же время разница бросается в глаза. Англоязычные неологизмы охватывают едва ли не все сферы жизни «общества потребления», и, что особенно заметно, в большинстве они экологически нейтральны или позитивны. В то же время русские примеры за редким исключением неэкологичны. Как пишет В. И. Шаховский, «<...> в последние 2–3 года русский язык уже перешел грань «нервного срыва», о которой писал М. Кронгауз, и стремительно удаляется от нее в истерию» [1, с. 208].

Библиографический список

1. Шаховский, В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции [Текст] / В. И. Шаховский. – Волгоград, 2016.

Bibliograficheski spisok

1. Shahovskij, V.I. Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii [Tekst] / V. I. Shahovskij. – Volgograd, 2016.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

О. Е. Иванова

К проблеме орфографической кодификации терминологии

В статье орфография терминологии анализируется с двух точек зрения: с позиции терминологического узуса и нормы, с одной стороны, и в соотношении с кодифицированными нормами правописания общеупотребительных слов, с другой. Неизбежность орфографического варьирования в терминологии обусловлена целым рядом объективных и субъективных причин: традицией употребления, системным фактором, субъективным фактором, расширением сферы функционирования термина, самой принадлежностью слова к терминосфере. При этом все типы отклонений в написании терминов от кодифицированных норм являются не системными, а индивидуальными, «словарными». Особый интерес представляют случаи, когда термины начинают употребляться вне специальной сферы, и поэтому требуется их нормирование в орфографическом словаре общего типа. В связи с этим описываются применяемые в настоящее время к терминам стратегии кодификации, определяется возможная сознательная тактика кодификаторов по регулированию терминологического узуса.

Ключевые слова: орфография, термин, терминология, правила правописания, исключение из правила, орфографический словарь, кодификация, узус.

О. Е. Ivanova

To the problem of spelling codification of terminology

The paper examines spelling forms of terminology from two points of view: as part of terminology system and as part of common language, its common obligatory norms. It is shown that the multiple objective and subjective causes determine the inevitability of spelling variation in terminology and that all types of deviations from standards concerns vocables, not rules. Of greatest interest are the cases where the terms begin to be used not only in specialized texts, but in commonly used texts too, sometimes in common usage the term changes its spelling form. So it becomes necessary to codify them in general spelling dictionary. The author analyzes the previous codifications of terminology in general spelling dictionary, estimates it as a part of common norm and proposes some possible deliberate tactics how to codify terms without destructing common system.

Key words: spelling, term, terminology, spelling rules, exception to the rule, spelling dictionary, codification, usage.

Приметой современной языковой эпохи является постоянный рост количества специальных слов, вовлекаемых в общее употребление, что ведет, с одной стороны, к столкновению профессионального письменного узуса и орфографической нормы общего языка, а с другой – расшатывает нормированное письмо самих терминосфер. С процессом активизации терминологии на поле общего письма связана значимая тенденция к расширению представленности терминов в орфографическом словаре общего типа. В предисловии к первому изданию «Русского орфографического словаря» (1999; далее – РОС) указывалось на «особое внимание» составителей к церковно-религиозной лексике, терминологии рынка, бизнеса, банковского дела, программирования, вычислительной техники.

Тенденция развивать словник (в том числе и за счет терминов) продолжилась во 2-м и 4-м дополненных изданиях словаря (2005, 2012), мотивация такова: «Поскольку их (терминов – О. И.) употребление активизировалось и выходит за рамки узкоспециальных текстов, нормативный орфографический облик этих слов должен фиксироваться не только в специальных терминологических словарях» [17, с. III]. Разумеется, объемы и принципы словарной фиксации терминов требуют обсуждения.

Исследования второй половины прошлого века ввели в научный оборот материал, свидетельствующий об особенностях лексической, словообразовательной, грамматической подсистем терминологии в сравнении с общелитературным языком. Высказывалась мысль, что «за

терминологией можно признать право на определенную самостоятельность во всех ее основных лингвистических характеристиках и тенденциях развития (по сравнению с общелитературной, неспециальной лексикой)» [9, с. 7]. Поэтому делается вывод: «Языковая норма в терминологии должна учитывать особенности терминов как знаков специальных понятий <...>. Часто то, что необычно в общеупотребительной лексике, актуально и целесообразно в терминологии» [Там же, с. 27].

Мы исходим из традиционного для русистики представления о терминологии как подсистеме общелитературного русского языка. Считаем, что к ней справедливо применять те же стратегии письменной кодификации, которые выработаны для слов общего языка, поскольку в орфографии как ортологической науке правила правописания формулируются для языка во всем его объеме и нормы письма воспринимаются как единые¹.

Чертой, которая роднит общелитературный язык и терминологии, является высокая вариативность², в том числе и вариативность орфографическая, которая признается естественной [10; 11]. Наличие орфографических вариантов терминов объективно подпитывается, во-первых, постоянным изменением лексического состава специальных языков (как и общего языка) – и за счет внутренних языковых резервов, и за счет активного заимствования; во-вторых, различными субъективными факторами – личностными и социальными, среди которых, например, передача в термине информации о культурно-исторической эпохе (устаревшие термины) [10, с. 17], отражение в форме записи термина уровня грамотности автора, возможно, отражение в каком-либо конкретном написании координат «свой-чужой» и некоторых других.

В связи со всем этим многообразием факторов влияния на терминологию зададимся вопросом: можно ли корректировать орфографический терминологический узус и какова сегодня политика орфографистов в сфере кодификации терминологии? Ответ складывается на основе анализа ряда типичных случаев в написании терминов различных наук.

Особенности орфографии термина объясняются традицией употребления. Явления, которые мы условно называем

орфографическими аномалиями терминологии, охватывают написание терминов, отклоняющиеся от кодифицированной нормы письма и не имеющие никаких оснований для такого написания, кроме традиции употребления в своих областях знания. Академический словарь, вводя эти термины, узаконивает их орфографически выраженную терминологичность; в правилах же эти случаи надо давать как исключения. Несколько известных примеров: таково слитное написание прилагательного *синезеленый* в составе термина *синезеленые водоросли*³, притом что норма написания через дефис названий цветов и – шире – оттенков качества в общей орфографии оформилась уже в XIX в., а в своде 1956 года получила статус отдельного правила § 81 п. 3 [16, с. 42]. Слитное написание *молочноцветковый* (*колокольчик*, *пион*) противоречит уже частной норме орфографии – норме словарной, в соответствии с которой сложные прилагательные с первой частью *молочно* при подчинительном отношении основ пишутся через дефис. Еще пример: химические термины *транс-изомер*, *транс-изомерия*, *транс-форма* (даны в РОС-2012; *транс-форма азобензола*), *транс-бутен*, *транс-пентен*, пишущиеся через дефис. *Транс...*, восходящее к лат. приставке *trāns* «через, насквозь, за пределами», как приставка (*трансатлантический*, *транскультурный*) и как первая сокращенная часть сложносокращенных слов (*трансагентство*) по правилам пишется слитно; это соответствие правилам выдерживается в других терминах, например: в химии – *трансаминирование* (в узусе редко – дефис), *трансураны*, в медицине – *трансабдоминальный*, *трансдермальный*, *трансфузия*, в молекулярной биологии – *транспептидация*, в слове *транзакция*, принадлежащем политической, юридической, финансовой терминологиям (и *транзакция* – также в информатике, психологии). То есть дефисное *транс-* является исключением даже среди терминов. Но в системе химической терминологии оно существует не изолированно, а соотносено с компонентом *цис-*, а кроме того, может быть сопоставлено с дефисными же терминами *мета-...*, *орто-...* и *пара-положение*, которые пишутся так вопреки правилу о слитном написании первых, самостоятельно не

употребляющихся иноязычных частей сложных существительных на гласную (см. § 78 п. 1 «Правил» 1956). Представленность подобных слов в словаре требует от составителей правил учитывать их как исключения. Таким образом, данные примеры показывают, что расширение лексической базы словаря и правил идет за счет отклонений, исключений из общих и хорошо работающих правил, а это объективно не способствует устойчивости традиционной орфографической системы. С точки зрения стратегических целей кодификации подобные единицы должны включаться в словарь выборочно и постепенно, по мере их выхода из узкоспециализированной зоны употребления в широкий узус, как, например, употребление терминов ботаники и ландшафтного дизайнера в газетных статьях и журналах для садоводов-любителей.

Особенности орфографии термина объясняются системным (языковым) фактором. Общезыковой феномен асимметрии формы и содержания виден в возможности различной мотивации письменного знака: формально выраженное на письме явление (например, гласная на стыке двух частей сложной единицы) может иметь разное содержание (соединительная гласная / окончание / гласная основы), а это влияет на различное орфографическое оформление слова. Например, написание сложных существительных опирается на понятие соединительной гласной, однако для слов с первой частью на *-o*, *-e* (*какао*, *кофе*, *эго*, *эмо*, *эхо*) финальная гласная первой основы может иметь неоднозначную трактовку: это может быть соединительная гласная, окончание самостоятельного слова (*эхо*), гласная основы (*какао*, *кофе*). Выбор трактовки важен для определения написания, так как сложные существительные с соединительными гласными *o* или *e* по правилу пишутся слитно (*кофемашина*, *эгофутурист*, *эхолот*), а в соответствии с другим правилом – как сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся существительные и обе части или только вторая часть склоняется, – пишутся через дефис (*кофе-пресс*, *эго-психология*, *эхо-камера*) [3, с. 181–184]. Возможность неоднозначной интерпретации, заданная языком, ведет не только к возникновению в узусе разных написаний слов с од-

ной и той же первой частью или даже одних и тех же слов, но и к закреплению вариативности в кодификации. Так, часть *эго* в РОС-2012 дается слитно в старых словах *эгоцентризм*, *эгофутурист* и их производных, а современный термин *эго-психология* приводится уже в дефисном оформлении, следуя за узусом специальных текстов. А еще есть с подавляющим преобладанием дефисной передачи *эго-идентичность* (англ. *ego identity*) и *эго-состояния*, которые пока в словарь не попали. Кодификаторы в ситуации неоднозначной трактовки пытаются корректировать процесс орфографического освоения приходящих слов, прибегая к перекодификации. И если РОС-2005 [17] слова с первой частью *эхо* давал в обоих написаниях (*эхокардиограмма*, *эхолокатор*, *эхолот* – *эхо-импульс*, *эхо-камера*, *эхо-метод*, *эхо-волна*), что отражало преобладающую узуальную тенденцию, то в издании РОС-2012 принято единое кодификационное решение, опережающее письменную практику, и все слова даны только слитно (как в [19]). Таким образом, объективная неоднозначность содержательной трактовки слова или компонента слова может приводить к лингвистически оправданной вариативности в написании. И поскольку исключить возможность различного понимания нельзя, то нельзя избежать и вариативности в узусе для слов такого типа. А узуальная вариативность неизбежно проникает в словарь, создавая нежелательную кодификационную вариативность. Вот тут перед лингвистами и встает во весь рост непростая задача согласования словарной нормы и «рассогласованного» с ней живого профессионального узуса.

Особенности орфографии термина объясняются субъективным фактором. Современные филологи нередко пишут *морфосемантический*, *морфо-функциональный*, *фономорфологический*, *лингво-психологический*, *лингво-семиотический*, *социо-игровой*, *социокультурный*, *социо-лингвистический*, *социопсихолингвистический* и прочее, при давно закреплённых в словарях слитных написаниях слов с первыми иноязычными несамостоятельными частями на гласную. Спорадическое предпочтение дефисного написания можно расценивать, во-первых, как намерение отразить на письме равноправное по смыслу отношение корней в сложном

прилагательном, что поддерживается давлением на орфографическую кодифицированную норму современной «дефисной моды» (при этом авторы часто не настаивают на своем написании). Во-вторых, расчленение слова дефисом может трактоваться как «тенденция к усложнению морфологической структуры терминов, обусловленная стремлением точнее номинировать соответствующий языковой феномен <...> и тем самым увеличить степень семантической мотивированности специального слова» [10, с. 18]. По мнению Р. В. Гарифуллиной, «именно дефисное написание сложного термина способствует передаче точной, краткой и однозначной информации, то есть способствует выполнению когнитивной функции термина» [6, с. 64]. Наконец, в-третьих, как писала О. С. Ахманова, «используя различные орфографические варианты слова, пишущий может варьировать "внутреннюю форму слова"» [1, с. 210]. Но явное преобладание в лингвистическом узусе нормативных слитных написаний заставляет считать дефисные написания ошибочными. С нашей точки зрения, ни авторские вкусовые пристрастия, ни мода на дефис не являются теми существенными основаниями, которые могут оправдать отклонения в написании термина от кодифицированной нормы письма. Колебания же слитного/дефисного написания сложных прилагательных с первой бессуффиксальной частью и семантически равноправным отношением частей являются колебаниями в словарной зоне письма, которая традиционно регулируется нормативным словарем [3, с. 191–193]. В подобных случаях дело поддержания орфографической правильности находится в руках редакторов научных текстов.

К числу субъективных (не системных языковых) факторов, порождающих орфографическое варьирование терминов, можно причислить и намерение сохранить в производном термине форму производящего. Яркий пример – прилагательное *темо-рематический*, которое в 80-е гг. прошлого века писалось с соединительной гласной *о*⁴ – как многие другие термины и нетермины-прилагательные с бессуффиксальной основой существительного в первом компоненте, производные от парных сочетаний: *звуко-*

буквенный (звук-буква), *темо-рематический* (тема и рема, тема-рема), *видо-временной* (вид и время), *родо-видовой*, *родо-племенной* (какого роду-племени), *спуско-подъемный* (спуск-подъем), *приходо-расходный* (приход-расход), *физико-математический* (физика и математика), *весо-ростовой* (вес-рост), *кирилло-мефодиевский* (Кирилл и Мефодий). Современные же лингвистические тексты массово дают написание *тема-рематический* (в соотношении 1:4), что по распространенности можно считать узальной нормой, противопоставленной кодифицированной норме «Русского орфографического словаря». Аналогии такому образованию единичны, например, прилагательное *сход-развальный* (от *сход-развал* в автоделе) с нулевой соединительной гласной, сетевой окказионализм с первой частью от существительного муж. рода на *-а* – *папа-мамин праздник*. Поскольку в данном виде термин нарушает общеязыковую словообразовательную модель, то можно лишь предположить, что здесь «принцип сохранения графического облика оказывается важнее принципа системности» [12, с. 186]. Асистемность этого случая позволяет настаивать на правильности формы с соединительной гласной *о* – как *физико-математический*⁵, а не *папа-мамин*. Считаем актуальным мнение В. П. Даниленко, которая выводила за пределы нормы в терминологии «все то, что противоречит регулярным правилам создания слов или форм слов, даже если конкретные термины, образованные с нарушением норм, получают определенное распространение» [8, с. 162].

Особенности орфографии термина объясняются расширением сферы его функционирования.

Орфографическое варьирование терминов в определенной мере зависит от факторов общественной жизни, от все расширяющейся сферы интернет-коммуникации, от все большей вовлеченности в бытовое, повседневное письмо терминов достаточно узких профессиональных сфер. Так, в прежде устойчивой группе терминов-исключений, обозначающих сложные единицы измерения, появляются такие, которые в силу экстралингвистических обстоятельств выходят за рамки своей специальной области

употребления и становятся достоянием широкого узуса. Например, динамика жизни привела к расширению социальной базы слов *машино-место, норма-час, самолето-вылет*, и в неспециальных областях (объявления, рекламные тексты, заметки, газетные статьи, ненормированная письменная речь в блогах) они активно начинают писаться слитно **машиноместо, *нормочас, *самолетовылет*, то есть подравниваются под общее правило⁶ слитного написания существительных с соединительной гласной. «Выходя за рамки узкоспециальной сферы употребления, слова в большей мере подпадают под действие общего правила. Именно поэтому варианты в узусе появляются для тех слов, которые в силу определенных условий стали широко употребляться и за пределами профессиональной речи» [5, с. 9]. Возможно и иное, когда отношение частей в термине, перенесенном в бытовую сферу, начинает пониматься носителями языка иначе, и поэтому пишут *койка-день, норма-час, машина-место*, что по существу соответствует другому правилу⁷.

Особенности орфографии термина объясняются самой его принадлежностью к терминиферу. Принадлежность единицы специальной или неспециальной сфере употребления обуславливает и ее различное орфографическое оформление, например, представляющее на письме как сопоставленность сложного слова и словосочетания: *плотнаселенный* – это термин демографии, пишется слитно, *плотно заселенный* термином не является и при одинаковом значении с предыдущим словом пишется иначе. Причиной стремления к более тесному объединению частей словосочетания, преодоления раздельного написания является именно терминологический статус лексической единицы, когда появляется потребность приблизить «конструкцию к типу сложного слова, где взаимоотношения между элементами отражены менее отчетливо», поскольку словосочетание, например, *абсолютно-сухой материал* «нельзя понимать буквально» [14, с. 45]: оно больше чем сумма значений компонентов. Однако новые слитные или дефисные написания многокомпонентных терминов возникают выборочно, случайно,

«словарно». И так же выборочно они попадают в орфографический словарь, придавая пестроту лексикографическому ряду. В работе [2, с. 342-343], посвященной сложным прилагательным, показано, что для слитного-дефисного-раздельного написания первой наречной части на *-о* или *-е* со второй частью правила-алгоритма создать невозможно и что конкретное написание каждой первой части со вторыми частями осуществляется по индивидуальному словарному правилу, а в исключения к этим частным правилам попадают прежде всего термины. Например: первые части *вечно, встречно, резко, собственно, умеренно* пишутся в норме (узусальной и кодифицированной) раздельно как наречия: *вечно молодой, вечно сомневающийся; встречно расположенный, встречно вращающийся; резко континентальный, резко обособленный; собственно научный, собственно русский; умеренно влажный, умеренно левый, умеренно выраженный*, а слитные или дефисные исключения – это термины: *вечнозеленый, вечноцветущий, вечномерзлый, вечноснежный; встречносмещенный; резкопересеченный (местность), резкощелочной; собственноличный и собственно-возвратный (глагол); умеренно-диссимилятивный*⁸. По отношению к общезыковым нормам письма данные термины обнаруживают особенности орфографического оформления только тогда, когда возникла потребность добавить их в словарь, поставить рядом с другими подобными, то есть когда терминология вышла за пределы собственно специального употребления.

Рассмотренные выше типичные случаи вариативности и отклонений в написании терминов различных наук обуславливают применение различных стратегий кодификации. При этом не все они продуктивны с точки зрения целей поддержки сложившейся системы письма, не все ведут к идеальной цели упорядочения правописания.

1. Можно придерживаться стратегии закрепления специфической орфографической формы термина, признавая ее традиционной и принятой в данной науке (как в случае с *транс-изомерия*) или учитывая собственно языковые (то есть, объективные) основания варьирования (например, *корень*

магнет/магнит имеет закрепившееся написание в разных словах). Такой сценарий может привести к появлению в словаре исключений, наличие которых объективно способствует расшатыванию общей нормы.

2. В других случаях можно избрать стратегию изменения написания термина в соответствии с требованиями общей нормы и общезыковых закономерностей и применять ее как к терминам достаточно новым, недавно вошедшим в словарь (*эховолна*), так и к терминам, имеющим длительную традицию употребления (*геолого-разведочный, разыскной*). Выбор этой линии нормирования чреват конфликтом установлений словаря со сложившимися навыками письма, подобная стратегия действенна при условии высокого авторитета в обществе словаря и, соответственно, деятельности лингвистов.

3. Возможна стратегия следования за динамичным и развивающимся узусом, что ведет к включению в словарь и закреплению разных написаний однотипных слов-терминов (*эгоцентризм / эго-психология*). Такой сценарий действий кодификаторов, конечно, не способствует стабилизации будущей нормы, закрепляет ситуацию постоянного выбора.

4. Стратегия постоянства, неизменности установленных в словаре написаний эффективна при появлении колебаний уже кодифицированных терминов и требует не менять вслед за подвижным узусом существующие рекомендации (*машино-место, социокультурный*).

Все рассмотренные случаи типичных отклонений в написании терминов различных наук объединены одним общим качеством: они охватывают слова, функционирующие в соответствии с индивидуальными орфографическими нормами, так называемый словарный материал. Основная масса терминов пишется в соответствии с общими законами языка и общими правилами, а те написания, которые нарушают системные отношения в языке, отступают от релевантных для них правил, можно и нужно корректировать, принимая во внимание традиции и узус терминосферы. В связи с этим одним из рычагов воздействия на терминопотребление является сознательная политика кодификаторов как субъектов орфографического процесса. Суть

такой политики в рассматриваемом вопросе – включать в словари только те термины, которые стали шире употребляться, стали функционировать в разных типах текстов, а не орфографические «экзотизмы», живущие только внутри своей терминосистемы. С точки зрения перспектив поддержания стабильности орфографической системы, важно не закреплять в качестве кодифицированной нормы те узусные предпочтения, которые формируются в письме «здесь и сейчас» в период активных изменений и усиленной работы адаптационного механизма языка.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957.
2. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Лексикографическое описание орфографического оформления сочетаний единиц на *-o*, *-e* с последующим прилагательным или частью сложного прилагательного (*активно действующее вещество* и *сильнодействующее вещество*) [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. I. – М., 2014. – С. 329–357.
3. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011.
4. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Сложные существительные и сочетания с приложениями как объект орфографического описания [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Русский язык в научном освещении. – 2010. – № 2 (20). – С. 57–76.
5. Бешенкова, Е. В., Иванова, О. Е. Современная орфографическая вариативность: тенденция к унификации / дифференциации написаний [Текст] / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Язык и социальная действительность. Научный журнал. – № 1. – Красноярск, 2011. – С. 5–19.
6. Гарифуллина, Р. В. Дефис в системе терминообразования (на примере физико-математических терминов) [Текст] / Р. В. Гарифуллина // Вестник РУДН, серия «Русские и иностранные языки и методика их преподавания». – 2009. – № 3. – С. 64–70.
7. Даниленко, В. П. Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии [Текст] /

В. П. Даниленко // Терминология и норма. – М. : Наука, 1972. – С. 5–32.

8. Даниленко, В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания [Текст] / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977.

9. Даниленко, В. П., Скворцов, Л. И. Нормативные основы унификации терминологии [Текст] / В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов // Культура речи в технической документации. – М. : Наука, 1982. – С. 5–35.

10. Иванова, Г. А. Орфографическая вариантность лингвистических терминов [Текст] / Г. А. Иванова // Вестник МГОУ. Русская филология. – № 1. – 2009. – С. 16–21.

11. Иванова, Г. А. Терминологическая вариантность в языке лингвистики: нормативный аспект [Текст] / Г. А. Иванова // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.) / Отв. ред. докт. филол. наук С. Д. Шелов. – М., 2013. – С. 340–348.

12. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] / М. А. Кронгауз. – М. : Знак, Языки славянских культур, 2008.

13. Лопатин, В. В. Упорядочение орфографических правил: итоги и перспективы [Текст] / В. В. Лопатин // Вопросы культуры речи. Вып. 10 / Отв. ред. А. Д. Шмелев. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. – С. 155–165.

14. Лотте, Д. С. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов [Текст] / Лотте, Д. С. / Отв. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1969.

15. Панов, М. В. Об усовершенствовании русской орфографии [Текст] / М. В. Панов // Вопросы языкознания. – 1963. – № 2. – С. 81–93.

16. Правила русской орфографии и пунктуации [Текст]. – М., 1956.

17. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов [Текст] / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2005.

18. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов [Текст] / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.

19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ahmanova, O. S. Ocherki po obshej i russkoj lek-sikologii [Tekst] / O. S. Ahmanova. – M. : Uchpedgiz, 1957.

2. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Leksikograficheskoe opisanie orfograficheskogo oformlenija sochetanij edinic na -o, -e s posledujushhim prilagatel'nym ili chast'ju slozhnogo prilagatel'nogo (aktivno dejstvujushhee veshhestvo i sil'nodejstvujushhee veshhestvo) [Tekst] // Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. I. – M., 2014. – S. 329–357.

3. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Russkoe pis'mo v pravilah s kommentarijami [Tekst] / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. – M. : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2011.

4. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Slozhnye sushhe-stvitel'nye i sochetanija s prilozhenijami kak ob'ekt orfograficheskogo opisanija [Tekst] // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. – 2010. – № 2 (20). – S. 57–76.

5. Beshenkova, E. V., Ivanova, O. E. Sovremennaja orfograficheskaja variativnost': tendencija k unifikacii / differenciacii napisanij [Tekst] // Jazyk i social'naja dejstvitel'nost'. Nauchnyj zhurnal. – № 1. – Krasnojarsk, 2011. – S. 5–19.

6. Garifullina, R. V. Defis v sisteme terminoobrazovanija (na primere fiziko-matematicheskikh terminov) [Tekst] // Vestnik RUDN, serija «Russkie i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija». – 2009. – № 3. – S. 64–70.

7. Danilenko, V. P. Lingvisticheskie trebovanija k standartizuemoj terminologii [Tekst] // Terminologija i norma. – M. : Nauka, 1972. – S. 5–32.

8. Danilenko, V. P. Russkaja terminologija: Opyt lingvisticheskogo opisanija [Tekst] / V. P. Danilenko. – M. : Nauka, 1977.

9. Danilenko, V. P., Skvorcov, L. I. Normativnye osnovy unifikacii terminologii [Tekst] // Kul'tura rechi v tehničeskoj dokumentacii. – M. : Nauka, 1982. – S. 5–35.

10. Ivanova, G. A. Orfograficheskaja variantnost' lingvisticheskikh terminov [Tekst] // Vestnik MGOU. Russkaja filologija. – № 1. – 2009. – S. 16–21.

11. Ivanova, G. A. Terminologicheskaja variantnost' v jazyke lingvistiki: normativnyj aspekt [Tekst] // Terminologija i znanie. Materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, 8–10 ijunja 2012 g.) / Отв. ред. докт. филол. наук С. Д. Шелов. – М., 2013. – С. 340–348.

12. Krongauz, M. A. Russkij jazyk na grani

nervnogo sryva [Tekst] / M. A. Krongauz. – M. : Znak, Jazyki sla-vjanskih kul'tur, 2008.

13. Lopatin, V. V. Uporjadochenie orfograficheskikh pravil: itogi i perspektivy [Tekst] // Voprosy kul'tury rechi. Vyp. 10 / Otv. red. A. D. Shmelev. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2011. – S. 155–165.

14. Lotte, D. S. Obrazovanie i pravopisanie treh-jelementnyh nauchno-tehnicheskikh terminov [Tekst] / Otv. red. S. G. Barhudarov. – M. : Nauka, 1969.

15. Panov, M. V. Ob usovershenstvovanii russkoj orfografii [Tekst] // Voprosy jazykoznanija. – 1963. – № 2. – S. 81–93.

16. Pravila russkoj orfografii i punktuacii [Tekst]. – M., 1956.

17. Russkij orfograficheskij slovar': okolo 180 000 slov [Tekst] / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova / O. E. Ivanova, V. V. Lopatin (otv. red.), I. V. Nechaeva, L. K. Chel'cova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M., 2005.

18. Russkij orfograficheskij slovar': okolo 200 000 slov [Tekst] / Pod red. V. V. Lopatina, O. E. Ivanovoj. Izd. 4-e, ispr. i dop. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2012.

19. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov [Tekst] / RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Otv. red. N. Ju. Shvedova. – M. : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2007.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

¹ Отвечая на критику нового академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» 2006 г., В. В. Лопатин, в частности, пишет: «...правильно надо писать не только общепотребительные

и стилистически нейтральные слова, а все слова, независимо от их стилистической окраски, от сферы употребления и вообще от употребительности» [13, с. 159].

² «Терминологии свойственна такая же широко развитая вариантность, как и всей лексике языка в целом. Но поскольку от вариантности по возможности необходимо терминологию освободить, то встает вопрос о принципах выбора варианта» [7, с. 32].

³ На самом деле синезеленые водоросли – это бактерии, скопления которых имеют цвет от светло-зеленого до темно-синего; долгое время рассматривались в составе растений.

⁴ Так слово пишется, например, в работах Г. А. Золотовой; также: Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988; Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985 (переиздано: Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2010); Леонард Бэбби. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., Прогресс, 1985; Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Изд. 2-е. – М.: URSS, 2007.

⁵ А также: ритмико-интонационный, семантико-гносеологический, технико-экономический, экономико-гуманитарный, эпико-драматический и мн. др.

⁶ Говоря словами М. В. Панова: «Расширение демократической основы письма всегда связано с устранением некоторых избыточных орфографических норм» [15, с. 82].

⁷ Напомним это правило: «Сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся существительные и обе части или только вторая часть склоняется, пишутся через дефис, напр.: агент-банк, альфа-частица, атташе-кейс, аудит-контроль, баба-яга...» [4, с. 67], также см. Правила 1956 г. § 79.

⁸ Индивидуальный характер исключений виден в том, что в этот ряд не попали другие термины из списка: встречно вращающийся, умеренно влажный, резко континентальный.

А. П. Ушакова

Структура и семантика синтаксических фразеологизмов с постоянным компонентом *нет чтобы*

В статье описаны особенности функционирования в современном русском языке синтаксических фразеологизмов, построенных по модели «нет чтобы + инфинитив». Приведены примеры пунктуационного оформления и трансформации подобных конструкций (распространение их структуры факультативными элементами или представление переменного компонента иными частями речи или сочетаниями слов).

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, постоянный и переменный компоненты.

А. P. Ushakova

The structure and semantics of syntactical idioms with component «нет чтобы»

The article deals with the problem of describing the productive models of syntactical idioms with component «нет чтобы» in the modern Russian language. The author gives a detailed analysis and an example of change of the syntactical idioms structure.

Key words: the syntactical idioms, constant and variable components.

Синтаксические фразеологизмы (СФ) представляют собой конструкции – следы когда-то свободных и расчленяемых построений [7, с. 94]. Для них характерна асимметричность между означающим и означаемым, «когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания» [2, с. 30–31].

Модель синтаксических фразеологизмов «*Нет чтобы + инфинитив*» включает постоянный компонент *нет чтобы*, всегда расположенный в абсолютном начале конструкции, и переменный компонент, лексически варьируемый, чаще всего представляющей собой инфинитив.

Н. Ю. Шведова относит синтаксические фразеологизмы подобного типа к синтаксическим образованиям, «в которых сочетание компонентов не отражает существующих в современном языке типов связей и является с точки зрения существующих норм немотивированным» [7, с. 95]. Подобные построения обязательно имеют в своем составе формы, генетически связанные с местоимением *что*, но не обнаруживающие тут ни местоименного, ни союзного значения.

В. Ю. Меликян отмечает, что синтаксический фразеологизм с постоянным компонентом «*нет чтобы*» построен на основе предложения такого типа – *Экое золото у меня этот Митенька... Нет того, чтобы нельзя. Я же этого терпеть не могу. Все можно* (Л. Н. Толстой). Данное выражение используется для констатации отсутствия чего-либо. В процессе функционирования данной модели в русском языке из ее состава вычленяется компонент *того*, но значение конструкции не изменилось. «Этимологическая связь между фразеологизированным и синтаксическим свободным производящим предложением не воспринимается говорящим» [4, с. 160].

Синтаксические фразеологизмы типа «*нет чтобы + переменный компонент*» не несут информации о сообщаемом явлении, а являются реакцией говорящего на какую-либо ситуацию, воспринимаемую информацию, они всегда употребляются «в связи с чем-то», «по поводу чего-то». То есть понимание СФ зависит не только от лексического наполнения, но и от контекста, в котором они функционируют.

Синтаксические фразеологизмы исследуемой модели реализуют значение «осуждения, недовольства по поводу того, что делается нечто, противоположное необходимому и естественно ожидаемому» [7, с. 97]: *Затя на первый взгляд совершенно дурацкая – нет чтобы просто применить электронагреватель* (КП, 2013). Вторая часть предложения (синтаксический фразеологизм) содержит информацию о предлагаемом выходе из сложившейся ситуации. В контексте приобретает иное значение – ожидаемое действие. Наблюдается асимметрия между структурой и значением. В предложении в целом реализуется оценочное значение. Оценивается не отдельный элемент описываемой ситуации, а вся ситуация в целом. Предмет речи и ситуация представлены в синтаксическом фразеологизме как «плохие» (имеется отрицание – *нет чтобы*), в контексте же они приобретают коннотацию желательности.

Переменный компонент характеризуется вариативностью лексического наполнения (*проверить, поработать, перевоспитать, сыграть, принять и т. п.*), однако грамматически он является устойчивым – представляет собой инфинитив. Ср.: *Подумал еще, зачем? Нет чтобы проверить! Хозяин жилья, который сдал квартиру, со слов обитателей дома, ушел в очередной запой* (КП, 2012); *Нет чтобы дать людям поспрашивать, а потом разбираться!* (КП, 2012); *И нет, чтобы поработать с человеком, перевоспитать его* (КП, 2013); *Очаровательное воплощение всего французского. Нет чтобы сыграть какую-нибудь отъявленную мошенницу! – А вы разве не поняли, что я совсем не такая?!* (КП, 2013); *Поздно стало спохватилось наше финансовое ведомство – нет, чтобы принять такую программу в разгар кризиса, когда для поддержания на плаву отечественной экономики в частные компании вбухивались немалые государственные «вспомоществования»* (КП, 2013).

С женой разводятся – идут к юристу. (Нет чтобы душу излить товарищам по работе.) Сны рассказывают психоаналитикам. (Как будто им трудно другу позвонить среди ночи.) И так далее (С. Довлатов). В первом предложении задано осуждаемое обстоятельство, ситуация, которая противопоставлена представлению говорящего.

Акцентирование внимания на желаемом отношении к ситуации указывает заключение синтаксического фразеологизма в скобки. Опорный компонент выражен не одиночным инфинитивом, как предполагает модель построения, а фразеологическим оборотом *душу излить (излить душу)*, имеющим значение «рассказывать о сокровенных мыслях, чувствах» [10]. Синтаксический фразеологизм в целом имеет оценочное значение. Как указано в словаре, компонент *душа* восходит к мифопоэтическому представлению о душе. Фразеологизм в составе конструкции может быть заменен инфинитивом, таким образом, структура синтаксического фразеологизма не нарушается.

Синтаксические отношения между компонентами неактуальны, несмотря на понятность конструкции в целом. Деактуализированы и семантические отношения за счет десемантизации опорного компонента.

В зависимости от характера оценки, заключенной в синтаксическом фразеологизме, можно выделить два типа предложений.

1) В предложении отрицается факт, который формально утверждается, содержится оценка предмета речи как предпочтительного, желаемого, но не осуществившегося. Иногда подобные конструкции сопровождаются удивлением, неодобрением, осуждением. Ср.: *Показал Изольде, мол, смотри, какую печатают ерунду, просто фотографии с подписями, нет чтобы издать что-нибудь человеческое* (М. Шишкин); *Воздух там спертый, дышать нечем. И нет чтобы сразу уйти! Стало жалко, что столько денег заплатили за билет!* (М. Шишкин); *Как говорится, обидеть художника может каждый – нет, чтобы вознаградить его материально* (КП, 2013); *Год тогда нелепый был и бурный. Нет, чтобы работать, – на трибунах тусовались* (КП, 2013)

2) В предложении утверждается факт, который формально отрицается, выражается оценка предмета речи как предпочтительного, желаемого, но не осуществившегося: – *Нет чтобы не ворчать! Так еще больше заводится!*

Исследуемые синтаксические фразеологизмы имеют различия в пунктуационном оформлении, слово *нет* и союз *чтобы* могут разде-

ляться запятой. Ср.: **Нет, чтобы просто сказать – возьми там-то – и все** (Е. Гришковец); **А ты такой безответный... такой выслушаешь и промолчишь?.. Нет, чтобы остановиться вовремя** (Е. Гришковец); **И нет, чтобы просто-напросто удивиться, так он сразу ужаса нагнал** (Т. Соломатина); **И нет, чтобы сдержаться, раз уж виноват, шофер маршрутки (пожилой мужчина, а не какой-нибудь пацан), стал назло обгонять грузовик** (КП, 2010). Мы полагаем, что примеры с запятой в составе опорного компонента этимологически ближе к исходному свободному производящему предложению (*нет того, чтобы...*), так как выделяют *чтобы* как подчинительный союз. Они широко распространены в разговорной речи и «в отражающих эту речь жанрах художественной литературы и публицистики» [3, с. 80].

Наиболее продуктивны синтаксические фразеологизмы без запятой внутри опорного компонента. Ср.: – **Нет чтобы учиться, так они только клязничают...** (КП, 2012); **Показал Изольде, мол, смотри, какую печатают ерунду, просто фотографии с подписями, нет чтобы издать что-нибудь человеческое** (М. Шишкин); **Нет чтобы обезьянок посмотреть, она прилипнет к стеклу, тычет пальчиком на ужа и говорит: «Бабуль, посмотри, какой хорошенький»** (Труд-7, 2008).

В современном русском языке модель синтаксических фразеологизмов «нет чтобы + инфинитив» подвергается изменениям. Может распространяться дополнительными элементами синтаксической структуры, переменный компонент может выражаться другой частью речи (не инфинитивом), сочетанием слов, прямой речью. Возможна элиминация переменного компонента (инфинитива): *Можно поймать представителя авиакомпании, дозвониться в головной офис, да хоть самому большому начальнику – никто ничего конкретно не скажет. Нет чтобы: «Граждане пассажиры рейса 555! Мы задержали ваш вылет, потому что иллюминатор треснул, а в левом двигателе хомут полетел...»* (КП, 2012) (Ср.: *Нет чтобы сказать «Граждане...»*).

В процессе коммуникации синтаксические фразеологизмы с опорным компонентом *нет чтобы* реализуют негативное значение. Распространение их структуры факультативными элементами или представлением переменного ком-

понента иными частями речи или сочетаниями слов способствует «актуализации и интенсификации общего фразеологического значения высказывания, а также детализации его коммуникативного смысла» [5, с. 67].

Передача говорящим своего отношения к предмету речи и ситуации с помощью синтаксических фразеологизмов делает их важным средством устно-разговорной формы диалогической речи, которая, в свою очередь, влияет на письменную, усиливая в письменных текстах экспрессивное начало.

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка Е. Н. Телия [Текст] / М., 2006. (в тексте – БФСТ).
2. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа. – 640 с.
3. Кайгородова, И. Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка) [Текст] / И. Н. Кайгородова. – Астрахань, 1999.
4. Калинин, А. Ф. Структура и семантика русских фразеологизированных предложений типа Вот так сюрприз! [Текст] // Русский язык в школе. – 2013. – № 7. – С. 80–84.
5. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология [Текст] : учебное пособие / В. Ю. Меликян. – М., 2014. – 232 с.
6. Меликян, В. Ю. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом – полнозначительным словом: структурно-семантический и функциональный аспекты [Текст] // Русский язык в школе. – 2014. – № 8. – С. 63–69.
7. Русская грамматика: в 2 т. : Т. 2. Синтаксис [Текст] / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1980.
8. Шведова, Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи [Текст] // Вопросы языкознания. – 1958. – № 2.
9. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] // РАН Институт русского языка. – М. : Азбуковник, 2003. – 378 с.
10. Шмелев, Д. Н. Избранные труды по русскому языку [Текст] / Д. Н. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 887 с.

Bibliograficheski spisok

1. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo

jazyka E. N. Telija [Tekst] / M., 2006. (v tekste – BFST).

2. Vinogradov, V. V. Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M. : Vysshaja shkola. – 640 s.

3. Kajgorodova, I. N. Problemy sintaksicheskoy idiomatiki (na materiale russkogo jazyka) [Tekst] / I. N. Kajgorodova. – Astrahan', 1999.

4. Kalinin, A. F. Struktura i semantika russkih frazeologizirovannyh predlozhenij tipa Vot tak sjurpriz! [Tekst] // Russkij jazyk v shkole. – 2013. – № 7. – S. 80–84.

5. Melikjan, V. Ju. Sovremennyy russkij jazyk. Sintaksicheskaja frazeologija [Tekst] : uchebnoe posobie / V. Ju. Melikjan. – M., 2014. – 232 s.

6. Melikjan, V. Ju. Frazeosintaksicheskie shemy s opornym komponentom – polnoznamenatel'ny

slovom: strukturno-semanticheskij i funkcional'nyj aspekty [Tekst] // Russkij jazyk v shkole. – 2014. – № 8. – S. 63–69.

7. Russkaja grammatika: v 2 t. : T. 2. Sintaksis [Tekst] / gl. red. N. Ju. Shvedova. – M., 1980.

8. Shvedova, N. Ju. O nekotoryh tipah frazeologizirovannyh konstrukcij v stroe russkoj razgovornoj rechi [Tekst] // Voprosy jazykoznanija. – 1958. – № 2.

9. Shvedova, N. Ju. Oчерki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi [Tekst] // RAN Institut russkogo jazyka. – M. : Azbukovnik, 2003. – 378 s.

10. Shmel'ov, D. N. Izbrannye trudy po russkomu jazyku [Tekst] / D. N. Shmelev. – Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 887 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

Г. Т. Хухуни, А. А. Осипова

О межъязыковой передаче одного новозаветного обращения

В статье рассматривается вопрос о репрезентации в различных переводах Священного Писания обращения $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\tau\epsilon\ \Theta\epsilon\acute{o}\phi\iota\lambda\epsilon$, содержащегося в начале Евангелия от Луки. Этому же лицу адресованы «Деяния апостолов», однако уже без какого-либо эпитета ($\acute{\omega}\Theta\epsilon\acute{o}\phi\iota\lambda\epsilon$), поскольку, с одной стороны, какие-либо положительные данные о нем отсутствуют, а с другой – сама лексема $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\tau\epsilon$, применяемая также в «Деяниях апостолов» по отношению к римским прокураторам, может интерпретироваться несколько по-разному и передаваться в существующих переводах не вполне совпадающими эквивалентами.

Ключевые слова: Библия, Евангелие, текст, оригинал, перевод, обращение, эквивалент, совпадение, расхождение, дефиниция, значение, словарь.

G. T. Khukhuni, A. A. Osipova

On the translation of one form of address in the New Testament

The article is dedicated to the analysis of the representation in different Holy Writ translations the form of address $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\tau\epsilon\Theta\epsilon\acute{o}\phi\iota\lambda\epsilon$ in the beginning of the Gospel according to St. Luke. The same person is also the addressee of the Acts of the Apostles, but in the latter his name is given without any title ($\acute{\omega}\Theta\epsilon\acute{o}\phi\iota\lambda\epsilon$). On the one hand, there is not any positive information about this person; on the other, the word $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\tau\epsilon$ (used also in the Acts of the Apostles towards Roman Procurators) may be interpreted in different ways. This fact stipulates the use of different equivalents in the existing versions of New Testament.

Key words: Bible, the Gospel, original, translation, form of address, equivalent, coincidence, divergence, definition, meaning, dictionary.

Анализируя специфику обращений, авторы классического труда, посвященного межъязыковой передаче реалий, отмечали, что «они являются <...> характерными элементами речевого этикета, доставляющими немало неприятностей любому переводчику. <...> Обращения соответственно общественному и социальному положению <...> могут поставить в тупик переводчика» [7, с. 298; 305].

Естественно, что специфика, присущая обращениям, ярко проявляется в случаях так называемого хронологического / диахронного перевода (о нашем понимании указанных понятий см. [18]), поскольку в данном случае к собственно национально-культурному компоненту добавляется дистанция во времени, то есть соответствующая единица представляет собой как своего рода экзотизм, так и историзм. С другой стороны, если в некоторых случаях на чужеродность указывает сам иноязычный облик соответствующей лексемы (достаточно назвать хрестоматийные *лорд*, *синьор*, *хаджи* и т. п.), то

в других она затеняется тем фактом, что для передачи иноязычного обращения используется *своей* функциональный аналог, эквивалентность которого исходному слову, естественно, всегда вносит в той или иной степени редуцированный характер.

В связи со сказанным, на наш взгляд, представляет определенный интерес рассмотрение того, как в различных переводах Священного Писания интерпретируется содержащееся в начале Евангелия от Луки (Лука 1:3) обращение к некоему Феофилу: $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\tau\epsilon\ \Theta\epsilon\acute{o}\phi\iota\lambda\epsilon$. С обращения к нему же начинаются и «Деяния апостолов» (Деяния 1:1), авторство которых также традиционно приписывается святому Луке, однако предшествующий имени эпитет здесь опущен $\acute{\omega}\Theta\epsilon\acute{o}\phi\iota\lambda\epsilon$, что дало основание для предположения: «в период между составлением Евангелия и Деяний Ф. стал христианином» [2].

Вопрос о личности упомянутого Феофила всегда привлекал внимание исследователей,

однако, как вынуждено было признать большинство занимавшихся этой проблемой авторов, «подробностей о нем никаких неизвестно» [19, с. 2417]. Указанный момент послужил причиной для появления ряда гипотез. Несколько таких предположений представлены в популярном «Путеводителе по Библии» А. Азимова, отмечавшего: «Некоторые говорили, что Феофил был чиновником римского суда, который судил апостола Павла, и что Евангелие от Луки было, в сущности, кратким изложением защиты, подготовленным близким другом Павла и его помощником. Оно было предназначено для ознакомления суда с тем фактом, что Павел был не предателем Рима, а посланником Бога. Существуют также предложения, что Феофил (это имя означает «любящий Бога») не был человеком вообще, но аллегорически представлял потенциальных обращенных» [1].

Не останавливаясь на других выдвигавшихся различными авторами версиях (их обзор, в частности, см. в [21], [22] и др.), можно констатировать, что по отношению к ним также сохраняет свою справедливость замечание, высказанное более столетия назад: «Много предположений делали о происхождении, профессии и месте жительства этого Феофила, но все эти предположения не имеют для себя достаточных оснований» [13]. Однако для темы, которой посвящена предлагаемая статья, особый интерес представляет тот факт, что большинство гипотез, относящихся к личности Феофила, в той или иной степени опиралось как раз на приведенный выше эпитет: «Название <...> которое прилагает св. Лука Феофилу в своем Евангелии, несомненно указывает на его высокое общественное положение» [12, с. 335]. Именно так в «Деяниях апостолов» адресуются и к представителям высшей римской власти: прокуратору Иудеи Марку Антонию Феликсу (Деяния 23:25; 24:3) и сменившему его Порцию Фесту (Деяния 26:25). Таким образом, вопрос об интерпретации указанного обращения и его репрезентации в различных версиях Священного Писания представляет интерес как в собственно лингвистическом, так и в лингвокультурном отношении.

Если обратиться к наиболее полному в отечественной традиции древнегреческо-русскому словарю И. Х. Дворецкого, то статья,

посвященная интересующему нас слову, выглядит следующим образом:

«**κράτιστος** (ᾶ), эп. **κάρτιστος** 3 [superl. *u elati* *u. k. krátos*]

1. чрезвычайно сильный, сильнейший: κ. πετεηνῶν Hom. (орел), сильнейшее из пернатых; κ. Ἑλλήνων Soph. = Ἀχιλλεύς; κ. θεῶν Pind. = Ζεῦς; καρτίστη μάχη Hom. жесточайшая битва; δεσμὸς κ. Plat. крепчайшая связь;

2. (наи)лучший: κ. τὴν ψυχὴν Thuc. лучший по душевным качествам; κ. ἔν τι *u* πρὸς τι Xen., εἶς *u* περὶ τι Plat. лучший в чем-л., в каком-л. отношении; οἱ κράτιστοι Xen. знатнейшие из граждан; τὰ κράτιστα τῆς χώρας Xen. лучшая часть страны; δυνάμεως τὸ κράτιστον Xen. лучшая часть, цвет армии; διαβάλλειν τε καὶ ἀπολύσασθαι διαβολᾶς κ. Plat. весьма искусный как в клевете, так и в опровержении клеветы; φυγῆειν κάρτιστον ἀπ' αὐτῆς Hom. от нее (Скиллы) лучше всего бежать; ἀπὸ τοῦ κράτιστου Polyb. самым серьезным образом» [8].

Таким образом, данный эпитет применительно к рассматриваемому нами тексту потенциально может обозначать, во-первых, указание на власть и могущество, во-вторых, на душевные качества и, в-третьих, на знатность. Поскольку перечисленные семы при определенной близости не могут считаться тождественными, в процессе межъязыковой передачи, естественно, возникал вопрос либо о подборе в переводном языке такой единицы, объем которой целиком соответствовал бы исходной греческой лексеме (что полностью практически вряд ли достижимо), либо о необходимости отдать предпочтение каким-либо из указанных значений с некоторой элиминацией или, во всяком случае, затенением остальных. Естественно, что тот или иной выбор будет сказываться и на читательском восприятии того лица, которому адресованы Евангелие от Луки и «Деяния апостолов» – что представляется достаточно существенным в свете выдвигавшихся относительно него гипотез.

Если обратиться к латинскому переводу Библии (так называемой Вульгате Иеронима), то можно увидеть, что адресат Евангелия от Луки именуется в ней «*optime Theophile*» [20] (как и римские прокураторы в «Деяниях апосто-

лов»). В формально-грамматическом отношении приведенная лексема, как и ее греческий прототип, представляет собой превосходную степень имени прилагательного (*bonus*). Что касается собственно семантики, то латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого выделяет у данного слова ряд значений, пересекающихся с греческим *κρίσιτος* (хороший, добрый, благородный, славный, искусный, знатный, благородный, значительный, справедливый, честный и некоторые другие) [9, с. 105]. Однако, по нашему мнению, представляет интерес тот факт, что первое значение греческого слова (сильнейший) отдельно в упомянутом словаре не выделяется. Таким образом, латинская версия фиксирует внимание на знатности, известности, душевном благородстве адресата, в то время как представление о силе в собственно лексическом плане оказывается несколько отодвинутым.

Обратимся теперь к отечественной традиции передачи интересующего нас обращения. Здесь, в первую очередь, естественно обратиться к церковнославянскому тексту Елизаветинской Библии, где находим «*державный* Феофиле» [6].

Если руководствоваться словарями современного русского языка, лексема *державный* толкуется как «обладающий верховной властью, могущественный» [17, с. 192]. Таким образом, нынешний читатель церковнославянского текста, скорее всего, соотнесет интересующий нас эпитет именно с силой и мощью (причем, не столько в физическом, сколько в государственно-административном плане). Но в церковнославянском словаре Г. Дьяченко (где, правда, в соответствующей статье нет интересующего нас примера) палитра значений гораздо более разнообразна («сильный, могущественный, избранный, превосходный, усладительный <...> великий, важный, знаменитый, вельможный, властитель, обладатель <...>» [10]. Однако поскольку существительное, от которого данное прилагательное образовано, определяется в данном словаре как «сила, власть, утверждение, укрепление» [там же], «силовой» параметр и в церковнославянской версии явно доминирует над остальными. Возможно, указанное обстоятельство в какой-то степени обусловило тот факт, что при создании уже русской

Библии – Синодального перевода 1876 года, хотя уже столетие назад его язык нередко характеризовался как «искусственно сближенный со славянским» [11], данную лексему использовать не стали, а автор Евангелия от Луки именуется своего адресата «*достопочтенный* Феофил» (аналогично обстоит дело и в соответствующих местах «Деяния апостолов» по отношению к представителям римской власти в Иудее) [5].

Таким образом, из имеющихся в греческом слове семантических характеристик на передний план в данном случае выдвигаются моменты, связанные со знатностью адресата и почтительным отношением к нему (что вполне соответствует акцентированию в большинстве предположений о личности Феофила его высокого социального статуса), однако не обязательно указывающие на его официальное положение в государственной иерархии. В Евангелии от Луки такое решение – учитывая отсутствие каких-либо положительных данных на сей счет – пожалуй, можно признать оправданным: однако там, где обращение адресовано римским прокураторам Иудеи, данная единица представляется несколько занижающей статус последних.

Любопытно решен данный вопрос в версии Нового Завета, принадлежащей К. П. Победоносцеву [16], который вообще считал необходимым максимально «славянизировать» русский текст Священного Писания даже по сравнению с Синодальным переводом. К своему адресату Лука обращается «*досто-чтимый* Феофил». Что же касается «Деяний апостолов», то в одном случае (Деяния 23:25), находим «*достопочтенному* правителю Феликсу» (то есть использована та же лексема, что в Синодальном переводе), в двух других (Деяния 24:3; Деяния 26:25) – «*державный* Феликс» и «*державный* Фест» (применен церковнославянский эквивалент). Однозначно объяснить указанное различие мы не беремся; возможно, сыграло роль то обстоятельство, что первая лексема употреблена в письме, вторая – в устной коммуникации при обращении к упомянутым римским прокураторам.

Не лишено интереса, что аналогичное «разнесение» двух эпитетов – по отношению к адресату Евангелия от Луки и представителям государственной власти – мы находим

и Современном русском переводе Российского библейского общества [4]. Основу новозаветной части составляет в нем «Радостная весть» В. Н. Кузнецовой, выполненная с подчеркнуто «антитрадиционалистских» позиций и вызвавшая весьма неоднозначную реакцию. К Феофилу автор Евангелия обращается так же, как это имеет место в версии К. П. Победоносцева: «*досточтимый* Феофил»; по отношению к римским чиновникам используются «*сиятельный* прокуратор Феликс», «*сиятельный* Феликс», «*сиятельный* Фест» (Деяния 23:25, Деяния 24:3; Деяния 26:25), то есть принцип «раздельного обращения» (с выдвиганием на передний план в первом случае уважительного отношения к адресату в личном плане, во втором – с подчеркиванием его значимости в официальной иерархии) – здесь проведен с большей последовательностью (хотя использоваться данный титул (лат. *illustis*) по отношению к высшим сановникам стал, вероятно, несколько позже описываемых в Новом Завете событий).

Завершая разговор о репрезентации интересующего нас обращения в русских переводах, остановимся еще на двух версиях Нового Завета, создатели которых избрали, в известном смысле, противоположную стратегию его передачи.

Первая [14] выполнялась в 50–60-е гг. прошлого века за рубежом под руководством епископа Кассиана (в миру – С. С. Безобразов), принадлежавшего к так называемому Русскому экзархату Константинопольского Патриархата. Не касаясь сейчас вызванной этим переводом дискуссии, отметим, что интересующее нас обращение передано в нем путем своего рода единообразной семантической кальки: «*превосходнейший* Феофил»; «*Превосходнейшему* правитель Феликсу», «*Превосходнейший* Фест» (отметим, что для различия адресатов использован графический элемент: эпитет, прилагаемый к Феофилу, начинается со строчной буквы, обращения к Феликсу и Фесту – с прописной). Формально подобная репрезентация может считаться вполне эквивалентной (ср. латинскую Вульгату); однако, как представляется, для современного русского читателя она выглядит несколько искусственной и даже несет некоторый оттенок иронической фамильярности.

Вторая версия, созданная под редакцией М. П. Кулакова, представляет собой результат деятельности адвентистского Института перевода Библии (в настоящее время вышел в свет и перевод всей Библии, являющийся совместным изданием упомянутого Института перевода Библии при Заокской духовной академии и Библейско-богословского института св. апостола Андрея [3]). Здесь «атомизация значений» греческого слова (то есть использование в каждом контексте отдельной лексемы) представлена в большей степени, причем некоторые предложенные в переводе решения выглядят достаточно нестандартными.

Применительно к адресату Евангелия от Луки (в рассматриваемой версии – Евангелия *по* Луке), правда, предлагается вполне традиционный вариант: «*досточтимый* Феофил», которым, как мы видели, пользовались и столь отличные по своим принципам переводчики, как К. П. Победоносцев и В. Н. Кузнецова. Однако в «Деяниях апостолов» картина уже иная. Автор письма римскому прокуратору (Деяния 23:25) титулуется последнего «*Его Превосходительство*». Обвинитель апостола Павла, выступая перед «Его Превосходительством» (Деяния 24:3), обращается к нему уже иначе: «*Высокочтимый* Феликс», – что не слишком отличается от «досточтимого» Феофила. Аналогично сам апостол Павел, произнося речь перед преемником Феликса (Деяния 26:25), также использует обращение «*высокочтимый* Фест». Если применение данной лексемы в целом тоже лежит в русле традиционного «библейского языка» (*достопочтенный/досточтимый*), то «*Его Превосходительство*» в сознании подавляющего большинства российских читателей явно вызовет ассоциацию не столько с римской античностью, сколько с дореволюционной Россией (или, во всяком случае, с гораздо более поздней эпохой в любой стране), что может произвести впечатление анахронизма.

Таким образом, даже тот ограниченный материал, который был нами рассмотрен, достаточно наглядно показывает те сложности, которые связаны с межъязыковой передачей обращений, и подтверждает целесообразность дальнейшей разработки связанных с ней

вопросов. Здесь вновь хотелось бы вспомнить замечание авторов того труда, цитата из которого приведена в начале настоящей статьи: «При перенесении разных обращений из языка в язык переводчик должен прежде всего думать о естественности тона (ведь они встречаются преимущественно в прямой речи!), о функциональной равнозначности перевода. Механический подход, какие-либо твердые правила здесь легко могут внести фальшивую ноту» [7, с. 309].

Библиографический список

1. Азимов, А. Путеводитель по Библии. Новый Завет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/putevoditel-po-biblii-read-334766-1.html>.
2. Библейская энциклопедия Брокгауза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://logosenc.org/brokgauz/feofil.html>.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе [Текст] / Под ред. М. П. Кулакова и М. М. Кулакова. – М. : Издательство ББИ, 2015. – 1856 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод [Текст]. – М. : Российское библейское общество, 2011. – 1408 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. Перепечатано с издания Московской Патриархии [Текст]. – М. : Российское библейское общество, 2013. – 1346 с. + Приложения (не нумерованы).
6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами [Текст]. – М. : Российское библейское общество, 1993. – 1660 с. (нумерация кириллическими буквами).
7. Влахов, С., Флорин, С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Высшая школа, 1986. – 416 с.
8. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь. // Alphaonline / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html/> Дата обращения 17.01.2016.
9. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык – Медиа, 2003. – 846 с.
10. Дьяченко, Г. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). // Азбука веры / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar.html.
11. Евсеев, И. Е. Собор и Библия // Викитека / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Собор_и_Библия_\(Евсеев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Собор_и_Библия_(Евсеев)).
12. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. В 2-х книгах. Книга 2. [Текст]. – М. : Типография А. И. Снегиревой, 1891. – 498 с.
13. Лопухин, А. П. Толковая Библия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bible.by/lopuhin-bible/read-com/42/00/>.
14. Новый Завет (перевод под ред. еп. Кассиана Безобразова) // Предание.ру. Православный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://predanie.ru/kassian-bezobrazov-episkop/novyy-zavet-perevod-pod-red-ep-kassiana-bezobrazova-1/#/book/>.
15. Новый Завет (перевод под ред. Кулакова М. П.). // Предание.ру. Православный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/67500/>.
16. Победоносцев, К. П. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе // ЕНИП – Электронная библиотека «Научное наследие России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=43232750>
17. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / Отв. редактор Н. Ю. Шведова. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
18. Хухуни, Г. Т., Валуйцева, И. И. Межкультурная адаптация художественного текста [Текст] / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева. – М. : Прометей, 2003. – 172 с.
19. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. Репринтное издание. [Текст]. – М. : Концерн «Возрождение», 1992. – Стлб. 1131–2464.
20. Vulgata. Biblia Sacra iuxta Versionem. II. [Текст]. – Stuttgart : Württembergische Bibelanstalt, 1975. – P. 955–1580.
21. WhoisTheophilus? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theophilus.org/theoname.html>.
22. Who was Theophilus at the beginning of Luke and Acts? // gotQuestions.org. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gotquestions.org/Theophilus-Luke-Acts.html>.

Библиографический список

1. Azimov, A. Putevoditel' po Biblii. Novyj Zavet [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rulit.me/books/putevoditel-po-biblii-read-334766-1.html>.
2. Biblejskaja jenciklopedija Brokgauza. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://logosenc.org/brokgauz/feofil.html>.
3. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta v sovremennom russkom perevode [Tekst] / Pod red. M. P. Kulakova i M. M. Kulakova. – M. : Izdatel'stvo BBI, 2015. – 1856 s.
4. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. Sovremennyj russkij perevod [Tekst]. – M. : Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 2011. – 1408 s.
5. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta s parallel'nymi mestami i prilozhenijami. Perepechatano s izdanija Moskovskoj Patriarhii [Tekst]. – M. : Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 2013. – 1346 s. + Prilozhenija (ne numerovany).
6. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta na cerkovnoslavjanskom jazyke s parallel'nymi mestami [Tekst]. – M. : Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 1993. – 1660 s. (numeracija kirilliche-skimi bukvami).
7. Vlahov, S., Florin, S. Neperevodimoe v perevode [Tekst] / S. Vlahov, S. Florin. – M. : Vysshaja shkola, 1986. – 416 s.
8. Dvoreckij, I. H. Drevnegrecheskoruskij slovar'. // Alphaonline / [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> / Data obrashhenija 17.01.2016.
9. Dvoreckij, I. H. Latinsko-russkij slovar' [Tekst] / I. H. Dvoreckij. – M. : Russkij jazyk – Media, 2003. – 846 s.
10. D'jachenko, G. Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar' (so vnesenijem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vyrazhenij). // Azbuka very / [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar.html.
11. Evseev, I. E. Sobor i Biblija // Vikiteka / [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.wikisource.org/wiki/Sobor_i_Biblija (Evseev).
12. Illjustrirovannaja polnaja populjarnaja biblejskaja jenciklopedija. V 2-h knigah. Kniga 2. [Tekst]. – M. : Tipografija A. I. Snegirevoj, 1891. – 498 s.
13. Lopuhin, A. P. Tolkovaja Biblija. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://bible.by/lopuhin-bible/read-com/42/00/>.
14. Novyj Zavet (perevod pod red. ep. Kassiana Bezobrazova) // Predanie.ru. Pravoslavnyj portal. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://predanie.ru/kassian-bezobrazov-episkop/novyy-zavet-perevod-pod-red-ep-kassiana-bezobrazova-1/#/book/>.
15. Novyj Zavet (perevod pod red. Kulakova M. P.). // Predanie.ru. Pravoslavnyj portal. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://predanie.ru/lib/book/67500/>.
16. Pobedonoscev, K. P. Novyj Zavet Gospoda nashego Iisusa Hrista v novom russkom perevode // ENIP – Jelektronnaja biblioteka «Nauchnoe nasledie Rossii». [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=43232750>
17. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov [Tekst] / Otv. redaktor N. Ju. Shvedova. M. : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2008. – 1175 s.
18. Huhuni, G. T., Valujceva, I. I. Mezkul'turnaja adaptacija hudozhestvennogo teksta [Tekst] / G. T. Huhuni, I. I. Valujceva. – M. : Prometej, 2003. – 172 s.
19. Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij jenciklopedicheskij slovar'. T.II. Reprintnoe izdanie. [Tekst]. – M. : Koncern «Vozrozhdenie», 1992. – Stlb. 1131–2464.
20. Vulgata. Biblia Sacra iuxta Versionem. II. [Tekst]. – Stuttgart : Württembergische Bibelanstalt, 1975. – P. 955–1580.
21. WhoisTheophilus? [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.theophilus.org/theoname.html>.
22. Who was Theophilus at the beginning of Luke and Acts? // gotQuestions.org. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.gotquestions.org/Theophilus-Luke-Acts.html>.

*Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016*

А. А. Талицкая

Концепт «жизнь» в художественном тексте (на материале поэзии Н. А. Заболоцкого)

В статье рассматриваются способы языковой репрезентации концепта «жизнь» в художественном мире Н. А. Заболоцкого. Описывается пять концептуальных моделей, которые отражают особенности мировосприятия поэта, специфику осмысления концепта «жизнь» индивидуальным сознанием. Концептуальная модель «жизнь как цепь бесконечных метаморфоз» реализует концепцию всеобщих превращений человека и природы. Концептуальная модель «жизнь как история души» связана с восприятием жизни как процесса духовного становления. Концептуальная модель «жизнь как свеча» развивается на основе традиционной метафоры жизнь-свеча. Концептуальная модель «жизнь как «густое пекло бытия»» связана с представлением о наполненности мира вещами и бытовыми предметами. Концептуальная модель «жизнь как существование природы» показывает неразрывную связь человека и природы. В статье также описываются языковые средства, с помощью которых концепт «жизнь» воплощается в произведениях поэта. Наибольшее распространение получают такие приемы, как анафора, метаморфоза, сравнение, олицетворяющая деталь, поэтический перифраз. Анализ концептуальных моделей позволяет сделать вывод о том, что Н. А. Заболоцкий отталкивается от традиционного восприятия жизни в рамках национальной картины мира и создает концепцию постоянных изменений человека и природы.

Ключевые слова: концепт, жизнь, концептуальная модель, метаморфоза, художественный мир, природа, душа, свеча.

А. А. Talitskaya

The concept «life» in literary text (based on the poetry of N.A. Zabolotsky)

In the article, the methods of representing the concept «life» in the poetic world of N. A. Zabolotsky are considered. Five conceptual models that reflect the particular worldview of the poet and understanding the specifics of the concept «life» by individual consciousness are described. The conceptual model «life as a chain of endless metamorphoses» implements the concept of general transformation of man and nature. The conceptual model «life as the history of the soul» is linked to the perception of life as a process of spiritual formation. The conceptual model «life as a candle» is developed on the basis of the traditional metaphor for life-candle. The conceptual model «life as «thick hell of being»» is associated with the idea of the world full of things and household items. The conceptual model «life as the existence of nature» shows the inextricable link between man and nature. The article also describes the language means by which the concept «life» is embodied in the works of the poet. The most common are such methods as anaphora, metamorphosis, comparison, personification of the item, the poetic paraphrasis. The analysis of these conceptual models allows to conclude that N. A. Zabolotsky, basing on the traditional perception of life in the framework of the national picture of the world, creates the concept of constant changes of man and nature.

Key words: concept, life, conceptual model, metamorphosis, poetic world, nature, soul, candle.

Современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы и ориентируется на переход от позитивного знания к глубинному на путях «целостного синтетического постижения языка как антропологического феномена» [2, с. 25].

Активное развитие смежных областей лингвистического знания во многом обусловлено необходимостью дать многоаспектное описание

индивидуального мировосприятия автора и представить вербальное выражение этого восприятия. Одним из наиболее эффективных способов представления особенностей мироощущения художника слова является моделирование индивидуальных концептов. Особенно важным представляется описание художественного мышления автора, способов оценки

и осмысления им реалий окружающего мира и абстрактных сущностей.

Концепт «жизнь» входит в ядро языкового сознания русского человека, занимает центральное место среди культурных концептов и является одним из базовых концептов русской национальной концептосферы.

В статье рассматриваются особенности восприятия и вербальной репрезентации универсального концепта «жизнь» в поэзии Н. А. Заболоцкого. В рамках индивидуальной картины мира поэта концепт «жизнь» получает языковое воплощение с помощью 28 лексем: *жизнь, житье, живой, живущий, жилой, житейский, жить, родить(ся), крестить, крестик, душа, бытие, не умирать, не умереть, существовать, воскреснуть, зародыш, бессмертный, нетленный, рожденный, не умирающий, бессмертие, животворный, животворящий, живительный, жилец, рождение, тело*. Эти средства образуют объемные концептуальные поля, включающие слова как в прямом, так и в переносном значении.

Существуют различные способы описания языковой репрезентации концептов и их сущностного осмысления. В статье нами выбран метод рассмотрения концептуальных моделей, с помощью которых концепт «жизнь» воплощается в творчестве Н. А. Заболоцкого.

Исследование поэтического наследия Н. А. Заболоцкого позволило выявить пять концептуальных моделей, служащих средствами вербализации концепта «жизнь»: «жизнь как цепь бесконечных метаморфоз», «жизнь как история души», «жизнь как «густое пекло бытия», «жизнь как существование природы», «жизнь как свеча».

Концептуальная модель «жизнь как цепь бесконечных метаморфоз» оказывается универсальным выражением поэтической концепции постоянных метаморфоз человека и природы, которая является ценностным стержнем художественного мира Н. А. Заболоцкого.

Восприятие жизни как процесса, наполненного множеством различных превращений, начинает формироваться уже в начале творческого пути Н. А. Заболоцкого: в стихотворении «В жилищах наших» (1926) поэт описывает превращение людей в деревья:

*Вот мы нашли поляну молодую,
Мы встали в разные углы,
Мы стали тоньше. Головы растут,
И небо приближается навстречу.
Затвердевают мягкие тела,
Блаженно дервенеют вены,
И ног проросших больше не поднять,
Не опустить раскинутые руки.
Глаза закрылись, времена отпали.*

Разные этапы этого процесса передаются с помощью глаголов и причастий, причем начальные этапы характеризуются глаголами несовершенного вида, а окончание изменений – глаголами и причастиями совершенного вида: *расти, затвердевать, дервенесть – проросший, раскинутый, закрыться*. Такое варьирование глагольных форм обусловлено необходимостью передать длительность, процессуальность ряда изменений и показать завершение, итог всех изменений.

Метаморфоза человек-дерево отражается также на словообразовательном уровне: показателем нового состояния становится фонетически измененный корень -дерв- (алломорф корня дерев-).

В стихотворении «Меркнут знаки Зодиака» (1929) значимо использование префиксоида полу-, который служит средством указания на промежуточное состояние, переходный этап в процессе метаморфоз: «*Полузвери, полубоги – Засыпаем на пороге Новой жизни молодой*».

Эпитеты *новой* и *молодой* оказываются ассоциативно связанными, причем их положение в пре- и постпозиции по отношению к лексеме *жизнь* создает впечатление объемной, универсальной характеристики жизни.

Образ «новой жизни» развивается в стихотворении «Венчание плодами» (1932): «*...мы породили вас Для новой жизни и для высших правил*», в котором выражается важная в творчестве Н. А. Заболоцкого мысль о необходимости разумного воздействия человека на природу, реализуемая с помощью анафоры:

*Когда землей невежественно правил
Животному подобный человек...
Теперь, когда, соперничая с тучей,
Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей...*

Первый союз *когда* вводит описание жизни на земле. Отрицательная оценка такой жизни представлена лексемой *невежественно* (сема «отсутствие знаний») и лексическим сравнением (*Животному подобный человек*), отождествляющим человека с миром неодухотворенной природы, не подчиняющейся законам и правилам и наделенной признаком «дикий» (*природы дикой*).

На начало «новой жизни» указывают второй союз *когда* и наречие *теперь*, обозначающее новое время, а следовательно, и новое жизненное состояние, оцениваемое поэтом чрезвычайно высоко: *жизни наилучшей*. Семантическую нагрузку обретает морфологическая форма эпитета: форма превосходной степени задает самую высокую степень проявления признака и усиливается присоединением приставки *наи-*.

Стихотворение «Метаморфозы» (1937) является отражением основных особенностей восприятия Н. А. Заболоцким концепта «жизнь» в рамках рассматриваемой концептуальной модели. Идея жизни оформляется через использование краткого прилагательного *жив* в роли предиката, который сочетается со словами разной семантики: «*А я все жив!, Жива природа, Жив среди камней И знак живой, и мертвый мой гербарий*». Носителями признака «живой» являются человек, чудные твари, природа, камни и т. д., то есть весь окружающий мир в самых разнообразных своих проявлениях.

Всеобщность жизни подчеркивается через реализацию приема анафоры, создаваемого повторением союза *и*, который указывает на равенство признаков «живой» и «мертвый», и усиленного использованием инверсии (*знак живой*), позволяющей соединить эти признаки в поэтической строке. Прием оксюморона (*жив... мертвый мой гербарий*) выражает мысль о тесном взаимопереплетении форм жизни и смерти.

Н. А. Заболоцкий активно использует стилистический прием метаморфозы, которая способна обозначить переходные формы:

*... Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком...*

Этот прием служит в лирике Н. А. Заболоцкого активным стилистическим средством, позволяющим передать различные ступени процесса метаморфоз:

*И туловище мужика
вдруг принимает очертания жука,
скатавшего последний шарик мысли...
и предки равнодушною толпой
сидят в траве и кажутся травой.*

(«Осень», 1932)

*В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла.*

(«Бетховен», 1946)

Концептуальная модель «жизнь как история души» впервые реализуется в стихотворении «Незрелость» (1928): *Так он урок живой науки Душе несчастной преподал*. Наука наделяется признаком «живой», что свидетельствует о ее особой роли в жизни человека: именно с помощью науки душа девочки – героини стихотворения – также обретает этот признак. Эта мысль реализуется путем насыщения валентностей глагола *преподать*: объект действия выражен винительным падежом – *урок живой науки*, адресат действия выражен дательным падежом – *душе несчастной*.

Жизнь души осмысливается Н. А. Заболоцким как условие реализации творческого потенциала человека:

*Так на заре просторных зимних дней
Под сенью замерзающих растений
Нам предстают свободней и полней
Живые силы наших вдохновений.*

(«Еще заря не встала над селом», 1946)

Употребление абстрактной лексики *вдохновение* (сема творческой деятельности) в форме множественного числа способствует конкретизации ее семантики: вдохновение начинает восприниматься как одна из вещей окружающего мира, как нечто материальное и реально существующее.

Раскрытие творческого потенциала человека возможно только в тесной взаимосвязи с природой, на что указывает появление лексем семантического класса «Природа» в пределах одной поэтической строфы: *заря, зимний, растение*.

Образ души, как и образ жизни, создается через описание мира природы: «*А снег уже*

*блистает перламутром, И все яснее
чувствуется связь Души моей с холодным этим
утром».*

Связь поэтических строф (описание души и природы – описание жизни и природы) осуществляется с помощью лексем семантического класса «Зима»: *снег, холодный – зимний, замерзающий*. Семантическая связь лексических единиц задает и связь внеязыковых реалий, то есть жизнь человека осознается как история жизни его души.

Душа, достигшая определенного предела развития, интерпретируется Н. А. Заболоцким как догорающая свеча. Подобное понимание объективируется в концептуальной модели «жизнь как свеча». Жизнь всегда заканчивается смертью – таков вечный закон мироздания.

Образ постепенно догорающей свечи, создаваемый при помощи союзного сравнения *как свечи*, воплощает мысль о наличии обязательного итога жизни:

*Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь все страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.*

(«Старость», 1956)

Конец жизни осмысливается Н. А. Заболоцким как особый этап, который номинируется лексемой *теперь*, имеющей значение «не так, как раньше». На завершение жизни указывает лексема *последний* (семы завершения, конца).

Смысл последнего жизненного этапа состоит в избавлении от страданий, в обретении чувства душевного равновесия и гармонии. Эта мысль выражается сочетанием *страшное ушло* (лексема *страшный* содержит в своем значении сему отрицательной оценки, а выбранная поэтом морфологическая форма – средний род – как бы охватывает в силу своей неопределенности все тревоги, горести, заботы человеческой жизни. Лексема *уйти* указывает на исчезновение, удаление всех признаков, названных лексемой *страшный*) и лексемой *легче*, характеризующей новое состояние героев стихотворения.

В стихотворении «Старая сказка» (1952) образная параллель *жизнь-свеча* дается имплицитно:

*Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.*

Глагол *догорать* содержит ядерные семы «свет, горение», что связывает эту лексему со словом *свеча*. Значение света выражает также деепричастие *светясь*, что создает семантическую плотность образа жизни.

Приставка *до-* указывает на окончание, завершение действия, которым в контексте стихотворения оказывается смерть, являющаяся обязательным итогом жизни и обозначенная поэтическим перифразом *неизбежная участь*.

Завершение жизни характеризуется метонимическим совмещением категорий пространства и времени: лексема *догорать* указывает на определенный промежуток времени, в течение которого осуществляется называемое ею действие, а лексема *край* служит обозначением определенного пространства и семантически поддерживается местоименным наречием *здесь*, также формирующим пространственные представления. Отметим, что данное пространство наделено определением *заповедный*, реализующим семы «неприкосновенный», «хранимый в тайне».

Итак, окончание жизни воспринимается Н. А. Заболоцким как особое, не всегда понятное для человека время, протекающее в особом пространстве, закрытом для окружающего мира.

Еще одним образным воплощением жизни в рамках концептуальной модели «жизнь как свеча» становится образ поздней гостьи, создаваемый творительным сравнением: *«Наступили месяцы дремоты... То ли жизнь действительно прошла... Поздней гостьей села у стола»*.

Особое осмысление последнего этапа жизни выражено метонимией *месяцы дремоты*, задающей состояние ожидания смерти. Мысль о наступлении конца жизни выражена лексемой *пройти*, в значении которой заложена сема прекращения, завершения.

Концептуальная модель «жизнь как “густое пекло бытия”» является ведущей в поэтическом сборнике «Столбцы», так как в нем «Н. Заболоцкий рисует гротески нэпмановского, мещанского быта, торжество грубой материи,

отвратительной, самодовольной плоти» [3, с. 303].

В рамках этой модели жизнь трактуется как пустая, нелепая, полная недоразумений и гротесков. Основной мыслью при характеристике жизни является мысль о том, что жизнь подобна смерти и наделена признаками мертвенности, разложения. Живое и мертвое меняются местами:

*И грянул на весь оглушительный зал:
«Покойник из царского дома бежал!»
Покойник по улицам гордо идет...*

(«Офорт», 1927)

Лексема *покойник* содержит в своем значении ядерную сему «смерть», однако покойник наделяется способностью к совершению физических действий, выраженных глаголами движения *бежать* и *идти*, глаголом физического действия *вздымать* и глаголом речи *петь*. В то же время следует отметить, что интеллектуальная деятельность покойнику недоступна, так как она в художественном мире Н. А. Заболоцкого является принадлежностью настоящей, полноценной жизни, а покойник в стихотворении остается носителем признака «мертвый», что явствует из следующего контекста: *переполнен до горла подземной водой*, в котором словосочетание *подземной водой* можно, на наш взгляд, рассматривать как номинацию некой субстанции, наполняющей человека после его смерти.

Наделяя покойника способностью к совершению различных физических действий, Н. А. Заболоцкий показывает окружающих его живых людей как мертвецов. Как отмечает А. Юнгрен, «жители города, сопровождающие всадника-покойника в торжественном шествии и ведущие под уздцы его лошадь, названы “постояльцами”». Такой лексический сдвиг, выделяющий значение “кратковременность местопребывания”, отсылает к представлению о том, что человек – гость на земле» [Цит. по: 1, с. 221–222].

Концептуальная модель «жизнь как “густое пекло бытия”» в лирике Н. А. Заболоцкого наиболее четко и полно выражается метафорой, легшей в основу наименования данной модели:

*Народный Дом, курятник радости,
Амбар волшебного житья,
Корыто праздничное страсти,
Густое пекло бытия!*

(«Народный Дом», 1928)

Символическое значение образа Народного Дома создается однородным бессоюзным рядом, состоящим из метафор, которые можно охарактеризовать как оксюморонные, так как они строятся на соединении слов абстрактной и конкретной, высокой и низкой семантики: *курятник, амбар, корыто – радость, волшебный, праздничный*.

Заключительная метафора указывает на амбивалентность восприятия Н. А. Заболоцким жизни, наполненной разнообразными вещами (признак заполненности реализуется с помощью эпитета *густое*). Если лексемы *радость, волшебный, праздничный* задают позитивное восприятие жизни в духе гротесков Рабле, означают полное приятие жизни во всей ее предметности и конкретике, то лексема *пекло*, вызывающая ассоциативные представления об аде, адских мучениях, свидетельствует о неприятии поэтом ценностей такой жизни.

Концептуальная модель «жизнь как существование природы» возникает как альтернатива концептуальной модели «жизнь как “густое пекло бытия”»: Н. А. Заболоцкий противопоставляет бездуховному и погрязшему в быте мещанину спокойное и чистое существование природного мира. В «Поэме дождя» (1931) образ природы строится на совмещении нескольких олицетворяющих деталей: *сарафан, голова, игра на органе*:

*Природа в стройном сарафане,
Главою в солнце упершись,
Весь день играет на органе.
Мы называем это: жизнь.*

Появление лексемы *жизнь* свидетельствует о том, что именно наличие природы – главное условие бытия всех остальных форм живой и неживой материи.

В поэзии Н. А. Заболоцкого признаком жизни наделяются все составляющие мира природы: *сцены из жизни растений, сто наблюдателей жизни животных, математики жизни деревьев, наблюдает жизнь коров, жил-*

был кот, жил в Америке индюк, в них ястребы живут, вороны в них ночуют.

Различные объекты природы также могут обладать человеческими способностями, что подтверждается использованием приема олицетворения и сравнительного оборота, в котором в качестве объекта сравнения выступает лексема *живой*: «Дремлют горы, темны и туманны, Кипарис, как живой, говорит... И багровое солнце, пылая... Улыбнется печали твоей» («Тбилисские ночи», 1948).

Основной закон существования природы выражается в художественном мире поэта в следующих строках: *Жизнь над ними в образах природы Чередою двигалась своей* («Где-то в поле возле Магадана», 1956). Притяжательное местоимение *свой* становится указанием на независимость и самостоятельность природного мира. Жизнь природы воспринимается как многоликая и разнообразная, что доказывается употреблением лексемы *образ* в форме множественного числа.

Человек как высшее эволюционное звено природы также составляет часть природного мира. Отметим, что близостью к природе оказываются наделены в поэзии Н. А. Заболоцкого представители разных социальных слоев: *В Переделкине дача стояла, В даче жил старичок-генерал* («Генеральская дача», 1958); *Жил крестьянин старинного времени По прозванию Иван Тимофеевич* («Исцеление Ильи-Муромца», 1952).

Таким образом, в поэзии Н. А. Заболоцкого концепт «жизнь» репрезентируется с помощью пяти концептуальных моделей, вербализация которых осуществляется как с помощью традиционных устойчивых символов (например,

жизнь-свеча, восприятие догорающей свечи как указания на приближение смерти), так и с помощью индивидуально-авторских средств: анафор, олицетворяющих деталей, оксюморонных метафор, метаморфоз, поэтических перифразов и др.

Библиографический список

1. Лоцилов, И. Феномен Николая Заболоцкого [Текст] / И. Лоцилов. – Helsinki, 1997. – 311с.
2. Постовалова, В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) [Текст] / В. И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
3. Семенова, С. Г. Человек, природа, бессмертие в поэзии Николая Заболоцкого [Текст] / С. Г. Семенова // Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. – М. : Советский писатель, 1989. – С. 299–317.

Bibliograficheskiy spisok

1. Loshhilov, I. Fenomen Nikolaja Zabolockogo [Tekst] / I. Loshhilov. – Helsinki, 1997. – 311s.
2. Postovalova, V. I. Lingvokul'turologija v svete antropologičeskoj paradigmy (k probleme osnovanij i granic sovremennoj frazeologii) [Tekst] / V. I. Postovalova // Frazeologija v kontekste kul'tury. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – S. 25–33.
3. Semenova, S. G. Chelovek, priroda, bessmertie v poezii Nikolaja Zabolockogo [Tekst] / S. G. Semenova // Preodolenie tragedii: «Vechnye voprosy» v literature. – M. : Sovetskij pisatel', 1989. – S. 299–317.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

Е. С. Зиновьева

Изучение дискурса в рамках медиалингвистики

В статье дается определение медиалингвистики как актуального научного направления по изучению языка массмедиа. Сравниваются понятия «массовая коммуникация» и «средства массовой информации», подчеркиваются функции СМИ, рассматриваются понятия «медиадискурс» и «медiateкст» как основные объекты изучения медиалингвистики, выделяются различные подходы к общей характеристике дискурса, приводится система параметров для анализа медиатекста, подчеркивается различие между «темой» и «топиком», рассматриваются методы анализа медиатекста, а также признаки массмедиального дискурса.

Ключевые слова: медиалингвистика, массовая коммуникация, дискурс, медиатекст, медиадискурс, тема, топик.

E. S. Zinovieva

The study of discourse within media linguistics

The article defines media linguistics as the current research direction for the study of mass-media language. We compare the concept of «mass communication» and «mass-media», highlight the media functions, consider the concept of «media discourse» and «media text» as the main objects of studying media linguistics, emphasize different approaches to general characteristics of the discourse, outline the system of parameters for media text analysis, highlight the difference between «theme» and «topic», consider the methods of analyzing a media text, as well as the signs of mass-media discourse.

Key words: media linguistics, mass communication, discourse, media text, media discourse, theme, topic.

Средства массовой информации как одна из культурно-социальных практик активно формируют современную языковую картину мира. Язык СМИ и текст как фактурная реализация этого языка стали объектом внимания медиалингвистики. Благодаря новым эпистемологическим методикам, вошедшим в научный обиход в последние годы, язык СМИ как объект автономизировавшейся дисциплины рассматривается как в междисциплинарных, так и в философско-научных аспектах нелинейности, многофакторности, многофункциональности, то есть в сложных аспектах научного проникновения в феноменальную сущность явления, далеко оторвавшихся от упрощенного структурально-функционального подхода. Традиционно новая дисциплина называется по объекту исследования; соответственно медиалингвистика, по мнению Т. Г. Добросклонской, определяется как дисциплина, занимающаяся изучением «функционирования языка в сфере массовой комму-

никации» [3, с. 13]. В широком понимании массовая коммуникация «представляет собой институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации» [15, с. 219].

По определению М. Р. Желтухиной, «массовая коммуникация – систематическое распространение сообщений (через печать, радио, телевидение, кино, звукозапись, видеозапись и другие каналы передачи информации) среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью информирования и оказания идеологического, политического, экономического, психологического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей». Составляющей частью массовой коммуникации исследователь считает «средства массовой информации – организационно-технические комплексы, обеспечивающие быструю передачу и массовое тиражирование

словесной, образной, музыкальной информации» [7, с. 15]. Т. Г. Добросклонская также отмечает, что к средствам массовой коммуникации могут быть отнесены «пресса (газеты, журналы, книги), радио, телевидение, кинематограф, звукозапись и видеозапись, видеотекст, телетекст, рекламные щиты и панели, домашние видеоцентры» [3, с. 15]. Необходимость концентрации усилий при изучении языка медиа она обосновывает тем, что СМИ взяли на себя функции «формирования общественного мнения, создания определенного идеологического фона, пропаганды той или иной системы ценностей, движения языковой нормы, состояния национальной культуры» [3, с. 19].

Медиалингвистика занимается изучением всей сложной структуры текстов СМИ – «влиянием способов создания и распространения медиатекстов на их лингво-форматные особенности, вопросами функционально-жанровой классификации, фонологическими, синтагматическими и стилистическими характеристиками, интерпретационными свойствами, культуроспецифическими признаками, идеологической модальностью, прагмалингвистической ценностью» [3, с. 269]. Известный немецкий исследователь языка СМИ Г. Бургер определяет медиалингвистику также через научный объект: «Объектом медиалингвистики являются все виды текстов, которые циркулируют в средствах массовой информации» [14, с. 64]. Медиалингвистика исследует функционирование языка в средствах массовой информации наряду с другими гуманитарными науками, что порождает новые подходы и классификации. Активное распространение концепции дискурса и дискурсивного анализа сделало медиатекст и медиадискурс основными объектами изучения медиалингвистической науки.

Массмедийный дискурс неотделим от общей концепции дискурса, который является сложным коммуникативным явлением, включающим всю совокупность экстралингвистических факторов, задействованных в процессе коммуникации (отправитель сообщения, адресат, особенности производства, распространения и восприятия информации, виды контекста, культурно-идеологический фон и т. д.) [2, с. 78]. При анализе массмедийного дискурса актуальны три основных подхода к общей характеристике дискурса: структурный, функциональный и тема-

тический. Структурный подход наглядно представлен в коммуникативной схеме, предложенной в 1949 г. американскими учеными-кибернетиками Шэнноном и Вивером. Современный «универсальный» вариант коммуникативной модели учитывает все базовые компоненты коммуникации: (1) – отправитель сообщения; (2) – его получатель; (3) – само сообщение; (4) – канал; (5) – обратная связь; (6) – процесс кодирования информации; (7) – процесс ее декодирования; (8) – контекст (ситуация общения) (см. **Схему 1**) [5, с. 22].

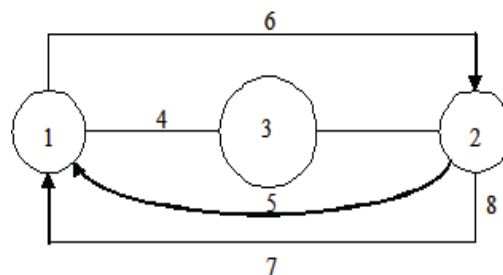

Схема 1. «Универсальный» вариант коммуникативной модели

Анализ дискурсивных практик с позиций структурного подхода дает представление о том, как из отдельных компонентов складывается целостная картина коммуникации, отражающая определенный культурно-социальный контекст, и в чем разница между текстом, медиатекстом и дискурсом, медиадискурсом. На основе универсальной коммуникационной модели можно классифицировать текст как сообщение, медиатекст как сообщение плюс канал, дискурс как сообщение в событийном контексте, а медиадискурс как сообщение, включающее все компоненты и участников коммуникации. Используя визуальную метафору, можно предположить, что текст – это фотографическое отображение действительности, медиатекст – это видеоизображение, а дискурс – это голографическое изображение, дающее всестороннее представление об объекте, в нашем случае о речевой деятельности [4, с. 47]. С позиций функционального подхода устанавливается взаимосвязь различных сфер человеческой деятельности и речеупотребления. На основе дискурсообразующих характеристик текстов и речевых практик в разных сферах жизни и науки выделяются разные виды дискурса: политический, юридический, научный, медицинский, массмедийный и т. д. Функциональный подход

позволяет определить медиадискурс как совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации. Тематический подход предлагает группировать письменные и устные тексты по определенным социально значимым темам, например, иммиграция, терроризм, феминизм, расовые отношения. Выступая за одновременное применение трех названных подходов, Т. Г. Добросклонская считает, что «медиадискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [4, с. 47]. Основной составляющей теории медиадискурса является разграничение понятий текст – медиатекст, дискурс – медиадискурс. В традиционной лингвистике текстом считается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и целостность» [11, с. 507]. Смысловое наполнение термина медиа (от лат. «media», «medium» – средство, способ, посредник) позволяет называть медиатекстом любой носитель, вид и жанр информации. В отличие от текста словесного, образованного последовательностью вербальных единиц, медиатекст содержит объединенное общим смыслом сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней и является базовым компонентом массмедийного дискурса, который реализуется в конкретных медиатекстах. В медиалингвистике принято считать медиатекст дискретной единицей медиадискурса, которая позволяет упорядочить и структурировать движение медиапотока в условиях информационного общества.

Если принять дискурс как «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте», то медиадискурс – это текст, который участвует в реальных условиях коммуникации; учитывает социальные, психологические, культурные факторы; адресован конкретной аудитории [1, с. 27]. Итак, медиатекст – это последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных – в различных сочетаниях, продиктованных спецификой канала массовой информации. Он характеризуется

«нелинейностью», объемом, благодаря многоуровневой структуре, способной разворачиваться сразу в нескольких измерениях (вербальном, медийном, гипертекстуальном).

Исходя из концепции медиатекста как объемного многоуровневого явления, для его анализа можно использовать определенную систему параметров, отражающую особенности производства, канал распространения и лингвоформативные признаки. В нее входят: 1) способ производства текста (авторский – коллегиальный); 2) форма создания (устная – письменная); 3) форма воспроизведения (устная – письменная); 4) канал распространения (носитель СМИ: печать, радио, телевидение, интернет); 5) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарии, публицистика, реклама); 6) тематическая доминанта или принадлежность к устойчивому медиатопику [3, с. 44]. Современной лингвистикой «топик» рассматривается как специальный объект прагмалингвистики, по смыслу близкий понятию «тема». «Тема» как часть высказывания, выражающая уже известное, является отправной точкой для развертывания сообщения, для передачи нового в коммуникативном «топике». Топики образуют особую систему топов как единиц текста. Эта система объединяет сумму всех языковых знаков с типологией высказывания и образует «структурно-смысловые (то есть структурирующие смысл) единицы, имеющие отношение как к внутренней структуре языка, так и к внешнему миру, его отражению в речи [12, с. 98].

В сфере массовых коммуникаций медиатемы, наиболее значимые для общества и регулярно обсуждаемые в медиадискурсе, получили название медиатопиков. Средства массовой информации организуют все множество медиатекстов, то есть медиаконтент, отражающее динамично меняющуюся картину мира с помощью устойчивой системы медиатопиков, или регулярно воспроизводимых тем [6, с. 43]. В современной информационной среде существует устойчивая тематическая структура, в рамках которой постоянно создается бесконечное разнообразие медиатекстов на актуальные темы. Предлагаемые средствами массовой информации крупные тематические блоки (политика, экономика, образование, культура, спорт, погода) в процессе разработки и конкретизации распадаются на более мелкие,

образуя многоуровневую систему тематического дискурса. В зависимости от продолжительности и интенсивности представления информации медиатопики подразделяются на темы универсального освещения (например, постоянно присутствующая в СМИ тема глобального потепления) и темы интенсивного освещения (например, активно обсуждаемые и имеющие заметные последствия крупные катастрофы, землетрясения и т. д.).

Анализ тематической структуры медиадискурсов разных стран позволяет определить их региональную специфику, поскольку в медиатекстах происходит своеобразное наложение характерной национально-культурной и общемировой информационных картин. С учетом нарастающей интеграции медиаконтента и совершенствования информационно-коммуникационных технологий в рамках медиалингвистики выработан интегрированный подход к исследованию массмедийного дискурса и его дискретной единицы – медиатекста. Анализ медиатекста проводится на основе комплекса междисциплинарных методов:

1) методы лингвистического анализа, позволяющие выявить базовые свойства и характеристики текста на различных языковых уровнях: лексическом, синтагматическом (сочетаемость), стилистическом (использование тропов, сравнений, метафор и др. стилистических приемов), социалингвистическом;

2) метод контент-анализа, или анализа содержания, предполагающий статистический подсчет специально выбранных текстовых единиц;

3) метод дискурсивного анализа, основанный на концепции дискурса и позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической сторонами текста;

4) метод критической лингвистики, помогающий определить скрытую политико-идеологическую составляющую медиатекста и оценочные, отражающие определенные идеологические установки компоненты;

5) метод когнитивного анализа, основанный на изучении концептуального аспекта медиатекстов, сопоставлении различных вариантов интерпретации событий в СМИ и направленный на выявление соотношения реальной действительности и ее медиарепрезентаций;

6) метод лингвокультурологического анализа, включающий определение культурозначимых компонентов текста (реалий, заимствований, иностранных слов, единиц безэквивалентной лексики) и позволяющий составить представление о культурологическом аспекте того или иного произведения медиаречи, его национально-культурной специфике;

7) метод собственно медиалингвистический, предполагающий анализ текста с точки зрения устойчивой системы параметров описания медиатекста, таких как способ его создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип, тематическая доминанта и т. д.

Анализ медиатекстов дает возможность рассматривать массмедийный дискурс как массовое явление современной культуры, отражающее актуальные социальные идеи и влияющее на социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества.

Высокий воздействующий потенциал средств массовой информации, по определению В. П. Конечной, заключается в способности актуализировать перед массовой аудиторией «самые разнообразные ситуации, которые получают либо положительную, либо отрицательную оценку, – люди принимают систему социальных норм поведения, этических и нравственных ценностей, которые желательны с точки зрения данного общества. В ряде случаев это приводит к “конверсии” взглядов на образ жизни и стиль поведения». Обеспечивая взаимодействие между социальными субъектами, средства массовой коммуникации опосредованно способствуют возникновению или развитию различных общественных изменений и, напротив, могут их предотвратить [10, с. 237–239]. В процессе производства общего информационного контента (значений, образов, метафор и т. д.) массмедиа через информационно-смысловые потоки воздействуют на массовое сознание и оказывают ценностно-ориентированное, мировоззренческое влияние на массовую аудиторию.

Основным культурным, идеологическим и маркетинговым проектом, а также ключевым дискурсом средств массовой коммуникации,

реализующим движение социальной мысли, формирующим концептуальную картину мира современного человека, является производство и управление информацией как носителем когнитивно-прагматических смыслов. Дискурсивный подход к анализу медиасообщений, позволяющий оценить текст сообщения и экстралингвистические условия его реализации, опирается на представление, что роль «медиа» не ограничивается посреднической функцией. «Это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [9, с. 22]. Следует отметить, что пресса, как и вся массовая коммуникация, широко использует приемы информационной манипуляции как метода идеологического воздействия на аудиторию с целью навязывания каких-либо идей, мнений или осознанного введения в заблуждения.

В определении М. Р. Желтухиной отражено общее научное понимание термина «массмедиаальный дискурс» как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [7, с. 132]. В качестве основных признаков массмедиаального дискурса исследователь выделяет:

1) *групповая соотнесенность* (адресант разделяет взгляды и ценностные ориентиры своей группы);

2) *публичность* (открытость, ориентированность на массового адресата);

3) *диссенная ориентированность* (создание положения диссенса – противоречия, несогласия – с последующей дискуссией);

4) *инсценированность и массовая направленность* (целенаправленное воздействие на несколько групп одновременно) [7, с. 132].

В. И. Карасик рассматривает массмедиаальный дискурс как вид институциональной коммуникации, содержащей конститутивные компоненты: участников, хронотроп, цели, ценности, тематику [8, с. 12]. Ученый выделяет три группы признаков, характерных для массмедиа-

ального дискурса:

– *конститутивные признаки* включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, то есть коммуникантов в их статусно-ролевых отношениях, сферу общения, цели, стратегии, канал, тональность, режим и жанры общения, тексты и/или невербальные знаки;

– *признаки институциональности* фиксируют ролевые характеристики участников институтов, типичные хронотопы, речевые клише. Специфика массмедиаального дискурса раскрывается в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании связан с институциями СМИ и наделяет определенными функциями людей, объединенных общественными ритуалами, поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании [8, с. 11-20];

– *нейтральные признаки* включают характеристики медийного дискурса, типичные для любого вида коммуникации, признаки других типов дискурса, вплетенных в ткань массовой коммуникации. Сложность массмедиаального дискурса заключается в возможности отражения в нем всех других видов институциональной коммуникации.

В массмедиаальном дискурсе основными участниками процесса массовой коммуникации являются представители СМИ и массовая аудитория. К основным этапам этого процесса относятся: **целеполагание** (субъект деятельности – издатель, редактор), **отражение, моделирование** социальной действительности (субъект деятельности – коммуникатор), **тиражирование** и **распространение** массовой информации (субъект деятельности – технический персонал СМИ), **восприятие** и **потребление** массовой информации (субъект деятельности – аудитория). Исходя из институциональных характеристик и функций массмедиаального дискурса, основной его целью можно считать донесение до массовой аудитории отражения реального мира посредством разнообразных форм представления информации. Среди важнейших функций массмедиаального дискурса отметим следующие:

1) *информативную*;

2) *регулятивную*, включающую в себя

идеологическую функцию и функции социального контроля и манипуляции общественным сознанием;

3) образовательную;

4) развлекательную;

5) *фатическую*, то есть функцию установления контакта между изданием и аудиторией в связи с необходимостью ориентации первого на «своего» читателя [13, с. 50];

6) *рекламную*.

Массмедиаальный дискурс как коммуникативный феномен реализует свою сущность с помощью передачи смыслов как дискурсивных событий, дискурсивных формул, трансляции именованных, метафор, понятий, образов, оценок, мифологем, идеологем и др. на широкую, признаково неоднородную аудиторию с целью формирования общих мировоззренческих принципов. Поскольку ключевыми концептами массмедиаального дискурса являются «информация» и «знание», участники общения получают доступ к информации разных видов, овладевают и обмениваются ею. В зависимости от содержания и целей использования информация разделяется на предметно-логическую (объективную, концептуальную, фактуальную), не связанную с ситуацией и участниками общения, и прагматическую (оценочную, субъективную), основной функцией которой является воздействие на реципиента и передача ему своего отношения к предмету речи.

Основными дискурсивными практиками, то есть распознаваемыми речемыслительными типами деятельности, реализующими цели дискурса, являются **распространение** – обеспечение доступности информации для широкой аудитории; **тиражирование** – увеличение количества репрезентаций одной и той же информации, ее повторяемость; **репликация** – воспроизведение того же информационно-идеологического содержания в другой форме; **ротация** – регулярно-периодическое обновление информации; **перекодирование** – воспроизведение того же информационно-идеологического содержания в другой знаковой (кодовой) системе (вербальной, аудиальной, визуальной, синтетической); **реферирование** как прием аналитического свертывания; **развертывание** логико-смысловое, образно-

метафорическое и др.; **аппроксимация** (аппроксимирование) – приближенное представление, изложение сложного смысла в доступной аудитории форме; **информационно-идеологическое сопровождение** – регулярная актуализация информации, ее оптимизация (корректировка содержания и формы с целью повышения эффективности), комментирование, продвижение или оппонирование.

Указанные выше характеристики массмедиаального дискурса и перечисленные дискурсивные практики применимы к анализу содержания любых печатных изданий, в том числе глянцевого журналов об образе жизни.

Библиографический список

1. Богуславская, В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов [Текст] / В. В. Богуславская. – М. : УРСС Эдиториал, 2008. – 280 с.
2. ванн Дейк, Т. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. ванн Дейк. – М., 1989. – 312 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: (опыт исследования современной английской медиаречи) [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 288 с.
4. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики [Текст] / Т. Г. Добросклонская // «Медиалингвистика» международный научный журнал (<http://medialing.spbu.ru/part10/>). – 2015. – № 1 (6). – С. 45–57.
5. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации [Текст] / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. – 2006. – Серия 10. – № 2. – С. 20–33.
6. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь» [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
7. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / М. Р. Желтухина. – М., 2004. – С. 132.

8. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – 12 с.
9. Кириллова, Н. Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну [Текст] / Н. Б. Кириллова. – М. : Академический проект, 2006. – 448 с.
10. Конецкая, В. П. Социология коммуникации [Текст] / В. П. Конецкая. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. – 435 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1990. – 687 с.
12. Пастухов, А. Г. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования [Текст] / А. Г. Пастухов // Мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. БелГУ 1-4 апреля 2014 г. / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. – Белгород : Константа, 2014. – С. 93–106.
13. Чернышова, Т. В. Фатическая речь как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ) [Текст] / Т. В. Чернышова // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, филология, философия и педагогика». – 2004. – № 4 (44). – 50 с.
14. Burger, H. Mediensprache: Eine Einf. in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien [Текст] / H. Burger. – 3. vcll. neu bearb. Aufl. – B., N.Y., 2005. – 486 S.
15. Thompson, J. B. Ideology and Modern Culture [Текст] / J. B. Thompson. – Oxford: Polity Press, 1990. – 353 p.
4. Dobrosklonskaja, T. G. Massmedijnyj diskurs v sisteme medialingvistiki [Tekst] / T. G. Dobrosklonskaja // «Medialingvistika» mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal (<http://medialing.spbu.ru/part10/>). – 2015. – № 1 (6). – S. 45–57.
5. Dobrosklonskaja, T. G. Mediadiskurs kak ob#ekt lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii [Tekst] / T. G. Dobrosklonskaja // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2006. – Serija 10. – № 2. – S. 20–33.
6. Dobrosklonskaja, T. G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediorech'» [Tekst] / T. G. Dobrosklonskaja. – M. : Flinta: Nauka., 2008. – 264 s.
7. Zheltuhina, M. R. Specifika rechevogo vozdejst-vija tropov v jazyke SMI: dis. ... d-ra filol. nauk [Tekst] / M. R. Zheltuhina. – M., 2004. – S. 132.
8. Karasik, V. I. O tipah diskursa [Tekst] / V. I. Karasik // Jazykovaja lichnost': institucional'-nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. – Volgograd: Peremena, 2000. – 12 s.
9. Kirillova, N. B. Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu [Tekst] / N. B. Kirillova. – M. : Akademicheskij projekt, 2006. – 448 s.
10. Koneckaja, V. P. Sociologija kommunikacii [Tekst] / V. P. Koneckaja. – M. : Mezhdunar. un-t biznesa i upravlenija, 1997. – 435 c.
11. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Tekst]. – M., 1990. – 687 s.
12. Pastuhov, A. G. Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovanija [Tekst] / A. G. Pastuhov // Mat-ly I Mezhunar. nauch.-prakt. konf. BelGU 1-4 aprelja 2014 g. / pod red. E. A. Kozhemjakina, A. V. Polonskogo, A. G. Hodeeva. – Belgorod : Konstanta, 2014. – S. 93–106.
13. Chernyshova, T. V. Faticeskaja rech' kak social'nyj simvol kommunikacii (na materiale tekstov pechatnyh SMI) [Tekst] / T. V. Chernyshova // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istorija, filologija, filosofija i pedagogika». – 2004. – № 4 (44). – 50 s.
14. Burger, H. Mediensprache: Eine Einf. in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien [Tekst] / H. Burger. – 3. vcll. neu bearb. Aufl. – B., N.Y., 2005. – 486 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Boguslavskaja, V. V. Modelirovanie teksta: lingvosociokul'turnaja koncepcija. Analiz zhurnalistskih tekstov [Tekst] / V. V. Boguslavskaja. – M. : URSS Jeditorial, 2008. – 280 s.
2. vann Dejk, T. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Tekst] / T. vann Dejk. – M., 1989. – 312 s.
3. Dobrosklonskaja, T. G. Voprosy izuchenija media-tekstov: (opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj mediarechi) [Tekst] / T. G. Dobrosklonskaja. – 2-e izd., ster. – M. : Editorial URSS, 2005. – 288 s.

15. Thompson, J. B. Ideology and Modern Culture [Tekst] / J. B. Thompson. – Oxford: Polity Press, 1990. – 353 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008 (091)

В. А. Летин, Я. Э. Потапова

В. Шекспир в пространстве некрасовского «Современника»

В статье впервые исследуется опыт освоения творчества Шекспира некрасовским «Современником» в период с 1847 по 1866 гг. Обращения к авторам публикаций систематизируются (критические, историко-литературные, переводы) и интерпретируются с точки зрения актуального историкокультурного контекста второй половины XIX в. В результате чего выявляются как основные тенденции «прочтения» шекспировских пьес, так и перекодировки жанров, особенности восприятия их читательской аудиторией того времени.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, В. Шекспир, «Современник», А. Н. Островский, Офелия, Гамлет.

CULTURAL SCIENCE

V. A. Letin, Ya. E. Potapova

W. Shakespeare in the space of Nekrasov's «Sovremennik»

The article investigates the experience of publishing Shakespeare's works in Nekrasov's magazine «Sovremennik» from 1847 to 1866. Publications are systematized (critical, historical and cultural, translations) and interpreted from the point of view of the actual historical and cultural context at the end of XIX century. The author shows the main tendencies of both «reading» Shakespeare's plays and re-coding genres, as well as their perception by the readers at that time.

Key words: N. A. Nekrasov, W. Shakespeare, «Sovremennik», A. N. Ostrovsky, Ophelia, Hamlet.

В некрасоведении о Шекспире вспоминают как об одном из авторов мировой литературы, повлиявшем на формирование его личности.

Актуальность данного исследования видится в привлечении внимания к проблеме взаимодействия литературных традиций, в частности рецепции шекспировского творчества опытом отечественной литературы второй половины XIX века на примере одного из ведущих ее представителей. Здесь мы впервые обращаемся к определению места творчества В. Шекспира в пространстве журнала «Современник», издаваемого Н. А. Некрасовым в период с 1847 по 1866 гг.

Сопряжение этих имен в некрасоведении имеется, однако не носит «стратегического»

характера. Кроме историко-биографических комментариев к фрагменту поэмы «Мать», это литературоведческие статьи, посвященные анализу стихотворения «Офелия» (1847) [10].

Между тем обращения к творчеству Шекспира присутствуют на протяжении практически всего времени издания Н. А. Некрасовым «Современника». И это притом, что выбор произведения для публикации того или иного автора обуславливался не только художественной ценностью, но еще и актуальным звучанием в контексте социально-политических проблем. Так на волне антикрепостнических настроений в «Современнике» в № 1 за 1858 год появляется публикация романа Г.-Э.-Б. Стоу «Хижина дяди

Тома» (1852). Стоит сказать, что этот роман был опубликован даром. Публикация характеризовалась издателем как «чрезвычайный расход». Тем не менее, «как скоро это было объявлено, подписка поднялась. Надо заметить, что это пришлось очень кстати: вопрос этот у нас теперь в самом ходу относительно наших домашних негров», – писал сам Н. А. Некрасов [16, с. 375].

Однако был один иностранный автор, который тем или иным образом постоянно присутствовал от первых до последних номеров некрасовского «Современника», вне зависимости от конъюнктуры момента. Это В. Шекспир. При детальном анализе издательской политики журнала становится заметным, что обращение к его творчеству в «Современнике» занимало далеко не последнее место.

Первым опытом «журнального» шекспироведения стали заметки относительно кетчеровских переводов. С 1841 по 1850 гг. вышли в свет переводы шекспировских пьес, осуществленные Н. Х. Кетчером. В библиографическом разделе «Современника» можно увидеть критическую реакцию на эти тексты. До публикаций Н. Х. Кетчера разрозненно существовали различные варианты переводов избранных (наиболее популярных на сцене) пьес В. Шекспира. Авторы «Современника» следили за выходящими пьесами, выражая надежду «иметь полный русский перевод Шекспира». О пристальности и пристрастности их взгляда свидетельствует «мгновенная» реакция на очередную книжку Н. Х. Кетчера. Эти переводы были прозаическими. Их отличала «строгая добросовестность», то есть следование переводчика авторскому тексту, без каких-либо уступок современным эстетическим принципам или политическим мотивам, что неоднократно имело место быть в более ранних и, естественно, более вольных переводах. Сориентированные на читателя-разночинца эти книги были компактны, печатались «не роскошно, но опрятно» и продавались «дешево». Публикации оцениваются как личная инициатива Н. Х. Кетчера. Журнальные заметки носят не только анонсирующий, но и критический характер. Так, автор публикации о восемнадцатом издании Н. Х. Кетчера замечает: «говорить здесь о Шекспире и достоинстве его произведений считаем неудобным» [18, С. 90–91]. Несомненно,

эти переводы имеют более историческую, нежели художественную ценность. По мнению А. А. Аникста переводы Н. Х. Кетчера и вовсе «лишены художественных достоинств и напоминают подстрочник» [7]. Можно заметить, что к Шекспиру авторы «кетчеровских заметок» относятся с большим пиететом, отмечая сложность, метафоричность и поэтичность его творчества. «Конечно, г. Кетчер переводит довольно медленно, но не надо забывать, что Шекспира переводить нелегко, что г. Кетчер переводит один – и весьма добросовестно. По нашему мнению, самая эта медленность служит ручательством в прочности дела, доведенное переводчиком в настоящее время до половины». К 1850 году было переведено уже восемнадцать пьес В. Шекспира. Заметим, что, несмотря на читательскую популярность этих переводов, ни один не удостоился публикации в «Современнике». Возможно, это объясняется самостоятельностью издательской деятельности Н. Х. Кетчера и пониманием редакцией журнала художественных недостатков этого «проекта». Тем не менее, инициатива Н. Х. Кетчера стала импульсом к созданию поэтических или поэтически-прозаических вариантов.

Так, в период редакторства Н. А. Некрасова, «Современник» на своих страницах опубликовал несколько пьес В. Шекспира. Это стало новым этапом «журнального» шекспироведения. «Король Лир» во второй половине XIX века являлся, несомненно, одной из наиболее популярных в России трагедий Шекспира. В 1856 году А. В. Дружинин познакомил читателя с «Королем Лир» в своем переводе. Трагедия в пяти действиях была полностью размещена в разделе «Словесность». Эта публикация в некрасовском журнале появляется после одобрения И. С. Тургеневым дружининских и самого перевода, и особенно вступительной статьи. Позднее на страницах «Современника» появились переведенные А. В. Дружининым историческая хроника «Ричард III» (1860) и драма «Жизнь и смерть короля Джона» (1865).

Первой шекспировской комедией в «Современнике» был опубликован «Сон в летнюю ночь» в переводе Н. Сатина. Правда, название комедии здесь трансформировалось в «Сон в Иванову ночь». По мнению

переводчика, события пьесы развиваются купальской ночью. При этом в чудесах, происходящих в залитом лунным светом лесу, им микшируется «низовая» природа, свойственная вполне брутальным и чувственным эльфам и феям оригинального текста комедии. Вместо этого создается романтически идеализированный образ волшебного мира. Это единственный перевод шекспировской пьесы, выполненный Н. Сатиным, который был опубликован на страницах некрасовского «Современника».

А вот переводы, вышедшие вне редакции журнала, оценивались его сотрудниками по-разному. Так в во второй половине 1860-х годов П. И. Вейнбергом переведены «Генрих VIII» (1864), «Тимон Афинский» (1864) и «Венецианский купец» (1866). Эти поэтико-прозаические переводы П. И. Вейнберга были совершеннее кетчеровских. Они так же пользовались популярностью у читающей публики. Однако «Современник» на них никак не среагировал. Перевод же «Юлия Цезаря», выполненный А. А. Фетом, опубликованный в мартовском номере 1859 года в журнале «Библиотека для чтения», подвергся сокрушительному разгрому. Это можно объяснить и качеством самого перевода, и отношением к изданию-конкуренту, «посягнувшему на одну из любимых тем «Современника». Уже в июньском номере «Современника» того же года в рецензии на фетовский перевод Д. Л. Михайловский указывает на «грамматические промахи» Фета, проводя постоянные «сличения с первоисточником». Эпиграфом к этой достаточно ядовитой статье служат слова самого А. А. Фета: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик». Эти слова «выписаны» автором статьи для того, чтобы показать, что «едва ли можно их приложить к хорошему переводчику драматического произведения». Несостоятельность Фета-переводчика резюмируется в финальном парафразе слов из эпиграфа: «В самом деле, – едва ли должен браться за перевод Шекспира тот, кто чувствует себя в состоянии броситься вниз головой с седьмого этажа, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху. Хороший перевод требует терпеливого изучения и глубокого внимания к своим словам и к их соответ-

ствию со словами подлинника; лирические *salto mortale* с седьмого этажа тут *не* помогут. Вот почему мы нимало не удивились, когда, начавши читать перевод «Юлия Цезаря» г. Фета, с первых страниц увидели, что наш лирик не совсем удачно передал русской публике творение великого драматурга» [6].

«Сличения с первоисточником» носят у Михайловского до обидного дотошный характер. Отвергая любую поэтизацию, он требует буквального соответствия с текстом оригинала даже в ущерб поэтическому звучанию. Например: «...г. Фет перевел статуя (*statua*) словом *лик*, и этот *лик* у него *точит кровь* из сотни желобов!..

Цезарь. Ей нынче мой приснился лик, / Как бы колодец во сто желобов / Точил он кровь... и проч.

Деций. Виденье это к радости и к счастью; / *Твой лик, точащий кровь из желобов*, – и проч.

В подлиннике:

Caesar. She dreamt to night she saw my *statua* / Which like a fountain, with a hundred spouts, / Did run pure blood; et cet. (Ей снилась в эту ночь моя статуя, которая подобно Фонтану, имеющему сто трубочек, изливала чистую кровь).

Такие «сличения» продолжают на протяжении всей статьи и являют ее основной объем. В итоге – приговор: «... для многих броситься вниз головой из седьмого, даже девятого, даже пятнадцатого этажа – несравненно легче, нежели удачно перевести один монолог из Шекспира» [6, с. 260]. «Уничтожив» переводчика, автор делает акцент на великолепии первоисточника, отдавая дань таланту Шекспира.

Галерею шекспировских переводов во второй половине XIX в. продолжает А. Н. Островский. В 1865 году в «Современнике» была опубликована комедия «Усмирение своенравной», с которой началась переводческая деятельность Островского. Еще в 1850 году он представил в драматическую цензуру прозаический сокращенный перевод под названием «Укрощение злой жены». Комедия была запрещена как «неприличная». Тем не менее, в 1865 году он переводит ее снова, на этот раз стихами, по предложению Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, готовивших полное собрание драматических произведений В. Шекспира. Перевод, озаглавленный

«Усмирение своенравной», появился почти одновременно и в журнале, и в собрании сочинений. Уже по названию видно, как меняются акценты в пьесе. В исполнении Островского мотивации поступков героев становятся более психологизированными, и произведение меняет жанровое своеобразие: из комедии положений переходит в разряд более органичной, как для творчества самого драматурга, так и для его эпохи в социально-бытовую комедию на грани водевиля.

Самым существенным этапом этого «журнального» шекспироведения становится цикл историко-литературных по содержанию просветительских по духу материалов, рассказывающих о жизни и специфике творчества Шекспира. Несмотря на их некоторую, по сравнению с последующими обширными изысканиями в этой области, наивность именно эти материалы и станут тем субстратом, на котором впоследствии и произрастет шекспироведение М. М. Морозова, С. А. Венгерова и др.

В роли историка литературы и театра английского Ренессанса в некрасовском «Современнике» выступил В. П. Боткин. «Публика остыла. Остыл интерес», – писал он в статье «Литература и театр в Англии до Шекспира», опубликованной в «Современнике» в 1853 году. И целью своих материалов он считал именно возбуждение интереса к переводной, в том числе и шекспировской, драматургии, через знакомство современников с ней посредством исторических экскурсов. Во вступительной части к этой статье В. П. Боткин рассуждает о природе «переводных» спектаклей, как о неких подражаниях русской культуры. Автор считает, что охлаждение публики, к зарубежной драматургии спровоцировано появлением истинно русского репертуара на театральных подмостках (Н. В. Гоголь, А. Н. Островский). А Ф. Шиллер, В. Шекспир и многие другие авторы, по мнению Боткина, оказываются, не востребованы широкой театральной публикой, что идет в разрез со всенарастающим интересом к читательскому интересу к ним в литературно-образованных кругах. Так, Боткиным констатируется парадокс восприятия произведений классиков зарубежной драматургии (кстати сказать, вновь

открываемых современниками) в первую очередь как текстам для чтения. Такое отношение обусловлено процессами, идущими на драматической сцене, в которых набирают силу тенденции психологического реализма. В этой связи ориентированный на романтический классицизм «Юлий Цезарь» «в исполнении» А. А. Фета вызывает резкую критическую реакцию в кругах литераторов-реалистов, а «водевильность» и мелодраматизм «Укрощения своенравной» от А. Н. Островского вполне органично вписывается в актуальные представления о комическом.

Наконец, венчает «журнальную» шекспириану выпуск Собрания сочинений. Издание «вынужденное», поскольку осуществлялось еще и с целью компенсации подписчикам последних номеров журнала, закрытого цензурой. Тем не менее, именно Н. А. Некрасову совместно с Н. В. Гербелем принадлежит первенство в издании полного стихотворного собрания сочинений В. Шекспира в России. Оно вышло в 1865 году в четырех томах и кроме текста пьес содержало еще статьи и примечания. Собрание сочинений включало в себя самые «свежие» переводы. Так что его можно назвать итогом этой «журнальной» шекспирианы.

Говоря об этом Собрании, более пристально остановимся на трагедии «Гамлет, принц датский» А. Кронеберга. Здесь в большей, чем где-либо степени текст жанрово переосмысливается в контексте популярных театральных тенденций. Открывающая Второй том «Собрания...», пьеса о Гамлете начинается здесь со сцены в доме Полония, с его беседы с дочерью. Напомним, что оригинальный текст трагедии начинается со сцены смены караула на террасах Эльсинора: *«Эльсинор. Площадка перед замком. Полночь. Франциско на страже. Входит Бернардо»*. В ходе этой сцены принц узнает от Призрака отца о преступлении дяди и... ступит на тропу мести. Здесь же внимание акцентируется на взаимоотношениях отца и дочери, причем в патриархально-домостроевской тональности: «Я буду вам послушна, господин мой». Перестановка эпизодов ведет к перекодировке жанра: трагедия, воспринимаемая этим поколением литераторов-реалистов, как архаика, наследие классицистской традиции, а потому –

негативно. И... заменяется на популярную мелодраму, исследующую природу современного человека, его психологические переживания во всем их разнообразии.

Но перестановка этих эпизодов, возможно, имела для Н. А. Некрасова еще и личный мотив. Начиная трагедию с подачи образа Офелии, он делает акцент на ней как на одном из главных персонажей. Образ Офелии – знаковый образ в творчестве поэта.

В журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» за 1840 год было помещено стихотворение «Офелия». В сезон 1839–40 гг. на сцене Александринского театра «Гамлет» в переводе Н. А. Полевого ставился четыре раза. Роль Гамлета исполнял В. А. Каратыгин, роль Офелии – В. Н. Асенкова. Тогда-то Некрасов и написал свое стихотворение «Офелия». В одном из отзывов современников встречаем следующую характеристику: «В Офелии Асенкова была поэтически хороша... Бледная, с неподвижными чертами лица, с распущенными волосами и с пристально устремленным вниз взглядом, душу раздирающим голосом пела Асенкова. ...и невольные слезы были лучшею наградою артистки» [10, С. 29–30]. Образ Офелии, видимо, привлекал внимание Н. А. Некрасова не только как одно из самых поэтических созданий Шекспира. Дочь, вырвавшаяся из плена родительской опеки навстречу любви и ...погибшая (детали не имеют значения), вполне рифмовался в его сознании с образом матери, Елены Андреевны Некрасовой (урожд. Закревской).

Призрак / дух матери (!) дается Некрасовым в пространстве сумрачного сада и в тональности Офелии – Асенковой: «Тиха, как ночь, и легкая, как тень, / Ты, мать моя, бродила каждый день». Хронотоп второй части поэмы: ночной сад. Мать бродит «одна в саду», «глухая ночь! Иду поспешно в сад...» – говорит лирический герой, «Луна взошла и сад осеребрила». Мать, подобно Офелии, должна сделать выбор: «Решай сама, бери судьбу любую: / Вернись в семью, будь родине верна – / Или, отцом навеки проклятая / И навсегда потерянная мной».

Героиня поэмы выбрала любовь. Вспоминая о матери, Некрасов пишет: «Потом, когда читал я Данта и Шекспира, / Казалось, я встречал знакомые черты: / То образы из их живого

мира / В моем уме напечатлела ты. / И стал я понимать, где мысль твоя блуждала, / Где ты душой, страдала, жила». И... круг замкнулся. Только биографический мотив неоконченной поэмы в контексте «журнальной» шекспирианы воспринимается богаче. А именно судьба матери переосмысливается им сквозь «художественную» призму: шекспировскую образность (Офелия) и непосредственные театральные впечатления (игра В. Асенковой).

Как видим, шекспириана на страницах некрасовского «Современника» предстает в качестве явления динамичного, одновременно связанного самым непосредственным образом с актуальным литературно-театральным контекстом эпохи и биографическими мотивами его «главного героя» – Н. А. Некрасова. На протяжении всего существования феномена некрасовского «Современника» Шекспир так или иначе присутствовал на его страницах. Начав с критических заметок относительно кетчеровских переводов и закончив изданием Собрания сочинений, «Современник» знакомил (приучал) российских читателей к европейской культурной традиции, вводя в их кругозор, в том числе и драматургию В. Шекспира. Проанализировав разнообразие «шекспировских» материалов (критические и историко-литературные статьи, переводы), аккумулированное в «Современнике» за годы издательской деятельности Н. А. Некрасова, мы констатируем, что пространство этого журнала стало базой отечественного шекспироведения.

Библиографический список

1. <Бабст И. К.> Шекспир В. (пер. с англ. Н. Кетчера). Вып. пятнадцатый: «Кориолан» [Текст] // «Современник» – М., 1848. – № 7. – С. 40–41.
2. <Белинский В. Г.> Шекспир. (пер. с англ. Н. Кетчера). Вып. четырнадцатый. «Все хорошо, что хорошо кончилось» [Текст] // «Современник» – М., 1847. – № 4. – С. 126–127.
3. <Боткин В. П.> Литература и театр Англии до Шекспира [Текст] // «Современник» – М., 1853. – № 11. – С. 1–62.
4. <Боткин В. П.> Первые драматические опыты Шекспира [Текст] / <Боткин В. П.>. – М., 1855. – № 3. – С. 1–36.

5. <Михайловский Н. М.> Драматические сочинения Шекспира (пер. с англ. Н. Кетчера) <...> Часть 5-я. [Текст] // «Современник» – М., 1858. – С. 73–74.

6. <Михаловский Д. Л.> Шекспир в переводе г. Фета. (Юлий Цезарь, трагедия В. Шекспира, пер. А.Фета. «Библиотека» для чтения», март 1859 г.). Подп.: М. Лавренский [Текст] // «Современник». – М., № 6. – 1859. – С. 255–288.

7. Аникст, А. Первые издания Шекспира. Собрание сочинений на русском языке [Текст] / А. Аникст. – М., Книга, 1974.

8. Боград, В. Э Журнал «Современник» 1847–1866: Указатель содержания [Текст] / В. Э. Боград. – М. : Госполитиздат, 1959.

9. Карлейль, Т. Героическое значение поэта. Шекспир. Пер. <В. Боткина> [Текст] / Т. Карлейль. – М., 1856. – № 2. – С. 92–104.

10. Научный бюллетень № 16–17 / Статьи, материалы, рефераты, сообщения [Текст] / ред. Калесник, С. В. / Куделько, Н. И. О стихотворении Некрасова «Офелия» / Н. И Куделько. – Ленинград : Ленинградский Государственный орден Ленина университет, 1947. – С. 28–31.

11. Некрасов, Н. А. Литературное наследство 51–52 Т. 2. [Текст] / Н. А. Некрасов. – М. : Издательство академии наук СССР, 1949. – С. 28–29, 196, 238, 378.

12. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 1; Офелия [Текст] / Н. А. Некрасов. – Ленинград : «НАУКА» – Ленинградское отделение, 1982. – С. 280–281.

13. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 4; Из поэмы «Мать» [Текст] / Н. А. Некрасов. – Ленинград : «НАУКА» – Ленинградское отделение, 1982. – С. 251–259.

14. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 4; Из поэмы «Мать», Другая редакция [Текст] / Н. А. Некрасов. – Ленинград : «НАУКА» – Ленинградское отделение, 1982. – С. 507–517.

15. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 4; Из поэмы «Мать», Комментарии [Текст] / Н. А. Некрасов. – Ленинград : «НАУКА» – Ленинградское отделение, 1982. – С. 616–620.

16. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений : В 12-ти т. : т. 10 [Текст] / Н. А. Некрасов. – М., 1948–1953. – с. 375

17. Шекспир В. Король Лир. Трагедия в пяти действиях. (Пер. А. Дружинин) [Текст] / «Современник». – М., 1856. – № 12. – С. 169–342.

18. Шекспир В. С (пер. англ. Н. Кетчера) выпуск семнадцатый: «Два веронца», выпуск осьмнадцатый: «Антоний и Клеопатра» [Текст] // «Современник» – М., 1851. – № 2. – С. 90–91.

19. Шекспир В. «Много шуму из ничего» (пер. А. Кронеберг) [Текст] // «Современник». – М., 1847. – № 12. – С. 229–302.

Bibliograficheskiy spisok

1. <Babst I. K.> Shekspir V. (per. s angl. N. Ketchera). Vyp. pjatnadcatyj: «Koriolan» [Текст] // «Sovremennik» – М., 1848. – № 7. – С. 40–41.

2. <Belinskij V. G.> Shekspir. (per. s angl. N. Ketchera). Vyp. chetyrnadcatyj. «Vse horosho, chto horosho konchilos'» [Текст] // «Sovremennik» – М., 1847. – № 4. – С. 126–127.

3. <Botkin V. P.> Literatura i teatr Anglii do Shekspira [Текст] // «Sovremennik» – М., 1853. – № 11. – С. 1–62.

4. <Botkin V. P.> Pervye dramaticheskie opyty Shekspira [Текст] / <Botkin V. P.>. – М., 1855. – № 3. – С. 1–36.

5. <Mihajlovskij N. M.> Dramaticheskie sochinenija Shekspira (per. s angl. N. Ketchera) <...> Chast' 5-ja. [Текст] // «Sovremennik» – М., 1858. – С. 73–74.

6. <Mihalovskij D. L.> Shekspir v perevode g. Feta. (Julij Cezar', tragedija V. Shekspira, per. A.Feta. «Biblioteka» dlja chtenija», mart 1859 g.). Podp.: M. Lavrenskij [Текст] // «Sovremennik». – М., № 6. – 1859. – С. 255–288.

7. Anikst, A. Pervye izdanija Shekspira. Sobranie sochinenij na russkom jazyke [Текст] / А. Аникст. – М., Книга, 1974.

8. Bograd, V. Je Zhurnal «Sovremennik» 1847–1866: Ukazatel' soderzhaniya [Текст] / V. Je. Bograd. – М. : Gospolitizdat, 1959.

9. Karlejl', T. Geroicheskoe znachenie pojeta. Shekspir. Per. <V. Botkina> [Текст] / Т. Карлейль. – М., 1856. – № 2. – С. 92–104.

10. Nauchnyj bjulleten' № 16–17 / Stat'i, materialy, referaty, soobshhenija [Текст] / red. Kalesnik, S. V. / Kudel'ko, N. I. O stihotvorenii Nekrasova «Ofelija» / N. I Kudel'ko. – Lenigrad : Leningrad-skiy Gosudarstvennyj ordena Lenina universitet, 1947. – С. 28–31.

11. Nekrasov, N. A. Literaturnoe nasledstvo 51–52 T. 2. [Tekst] / N. A. Nekrasov. – M. : Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1949. – S. 28–29, 196, 238, 378.
12. Nekrasov, N. A. Polnoe sobranie sochinenij: V 4 t. T. 1; Ofelija [Tekst] / N. A. Nekrasov. – Leningrad : «NAUKA» – Leningradskoe otdelenie, 1982. – S. 280–281.
13. Nekrasov, N. A. Polnoe sobranie sochinenij: V 4 t. T. 4; Iz pojemy «Mat'» [Tekst] / N. A. Nekrasov. – Leningrad : «NAUKA» – Leningradskoe otdelenie, 1982. – S. 251–259.
14. Nekrasov, N. A. Polnoe sobranie sochinenij: V 4 t. T. 4; Iz pojemy «Mat'», Drugaja redakcija [Tekst] / N. A. Nekrasov. – Leningrad : «NAUKA» – Lenin-gradskoe otdelenie, 1982. – S. 507–517.
15. Nekrasov, N. A. Polnoe sobranie sochinenij: V 4 t. T. 4; Iz pojemy «Mat'», Kommentarii [Tekst] / N. A. Nekrasov. – Leningrad : «NAUKA» – Lenin-gradskoe otdelenie, 1982. – S. 616–620.
16. Nekrasov, N. A. Polnoe sobranie sochinenij : V 12-ti t. : t. 10 [Tekst] / N. A. Nekrasov. – M., 1948–1953. – s. 375
17. Shekspir V. Korol' Lir. Tragedija v pjati dejstvijah. (Per. A. Druzhinin) [Tekst] / «Sovremennik». – M., 1856. – № 12. – S. 169–342.
18. Shekspir V. S (per. angl. N. Ketchera) vypusk semnadcatyj: «Dva veronca», vypusk os'mnadcatyj: «Antonij i Kleopatra» [Tekst] // «Sovremennik» – M., 1851. – № 2. – S. 90–91.
19. Shekspir V. «Mnogo shumu iz nichego» (per. A. Kroneberg) [Tekst] // «Sovremennik». – M., 1847. – № 12. – S. 229–302.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.08.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

Н. Н. Летина

Русский Гамлет в российском глоссарии пограничности

Выполнено в рамках работы по гранту РГНФ № 15-03-00655

Статья развивает исследование проблемы гамлетизма как особого культурно-антропологического и социокультурного феномена. Верифицированы персоналии – носители гамлетизма в отечественной культурной традиции XIX–XX вв. Обоснован персоналистский модус гамлетизма на русской почве, представленный в метафоре «русский Гамлет».

Ключевые слова: русская культура XIX–XX вв., рубежное сознание, пограничный статус, глоссарий пограничности, русский Гамлет, гамлетизм.

N. N. Letina

Russian Hamlet in the glossary of boundariness

The article continues studying the problem of Hamletism as a unique cultural-anthropological and sociocultural phenomenon. Personalities who embody Hamletism in Russian cultural tradition of XIX–XX centuries are verified. The author substantiates personalistic modus of Hamletism in Russia presented in the metaphor «Russian Hamlet».

Key words: Russian culture of XIX–XX centuries, boundary mentality, borderline status, glossary of boundariness, Hamlet, Hamletism.

Перечень «российских Гамлетов» внушительен, как по своему количественному составу, так и по масштабу включенных в него личностей. Кратко обозначим круг персоналий, входящих в него и охарактеризуем наиболее репрезентативных и значительных.

Уникальный как минимум в силу своего статуса в русской социально-политической жизни опыт русского «гамлетизма» являет собой судьба Великого князя Павла Петровича.

Философский, духовно-нравственный, социальный, интеллектуальный и эсхатологический аспекты гамлетизма обнаруживает драматический опыт известного мыслителя и общественного деятеля П. Я. Чаадаева, явившегося одним из прототипов драматургического образа Чацкого в «комедии» А. С. Грибоедова «Горе от ума». Причастен к гамлетовской парадигме оказался и сам автор произведения. Парадоксальным образом все трое оказываются социальными изгоями, благодаря проявлению гамлетовских качеств – свободного ума, рефлексии, критицизма, безрассудной дерзости, опасности для системы. Отметим, что особая роль в демонстрации и развитии русского гамлетизма принадлежит ху-

дожественному произведению, которое, интерпретируя реальный и актуальный опыт «русского Гамлета» – П. Я. Чаадаева в образе А. А. Чацкого, профетически предугадывает, а, возможно, и моделирует сходную судьбу интерпретатора А. С. Грибоедова.

Актуальность сентиментального и романтического по немецкому образцу понимания Гамлета для русской культуры подчеркнул А. С. Пушкин, создавший пародийный и ироничный образ русского Гамлета – Владимира Ленского. В системе персонажей экзальтированный Ленский, «с душою прямо геттингенской» противопоставлен холодному «русскому Чайлд-Гарольду» – Онегину, в котором доминируют англо-франкские черты. Безусловно, такая жесткая антитеза героев условна: и в автобиографическом, биографическом или эстетическом контекстах между ними существует целая система связей, вплоть до двойничества. Тем не менее, типологически и генетически Ленский связан с сентименталистско-романтическим комплексом в его немецкой версии, в том числе с традицией интерпретации шекспировского героя. Гамлетизм Ленского

не является единственными составляющими персонажа, но составляют его весомый компонент. Зафиксируем «гамлетовские» приметы персонажа.

«Геттингенская душа» Владимира Ленского несет на себе печать образования в университете южно-саксонского города Геттинген. Г. Гейне отмечал за этим городом лишь два достоинства – колбасы и университет, образованный в 1736 году. Гамлет также возвращается из университета, располагающегося в саксонском городе Виттенберге. Итак, оба героя – студенты, получили образование в реальных и известных университетах философически «туманной» Германии.

Однако Гамлет получал образование в культурном центре, где произносил свои лекции-проповеди Эразм Роттердамский, в городе, который является столицей «Утопии» Томаса Мора, в городе, где Мартин Лютер прибил к двери кельи свои реформаторские тезисы. Иными словами – в философско-религиозном центре с богатой теологической традицией. Свободная рефлексия Гамлета вполне адекватна свободе философских университетских дискуссий Виттенберга.

Ленский же учится в университете, который со второй половины XVIII века становится центром рационалистической философии, в конце XVIII века пропагандирует неогуманизм, а в начале XIX столетия является центром национально-политического движения. В то время, когда в нем мог учиться Владимир Ленский, университет известен расцветом исторических, политических и математических наук. «Плоды учености» Ленского должны в таком случае быть совсем иными, чем описывает А. С. Пушкин. «Вольнолюбивые мечты, / Дух пылкой и довольно странный, / Всегда восторженную речь и кудри черные до плеч» [Здесь и далее художественные произведения А. С. Пушкина цитируются по изданию 3] вполне подошли бы выпускнику Виттенберга рубежа XVI–XVII вв. или Йены 1795–1805 гг., а не Геттингена начала XIX века. Тем не менее, у А. С. Пушкина Ленский, «поклонник Канта и поэт» – добровольная жертва германского образования и влияния, пародия на гамлетовскую рефлексивность: «Цель жизни нашей для него / Была заманчивой загадкой / Над ней он голову ломал / И чудеса подозревал». Мы же подозреваем, что основное влияние на Ленского оказало не обучение, а пребывание в Геттингене.

Для того, чтобы красавец-поэт Ленский мог с лирой странствовать «на свете / Под небом Шиллера и Гете», необходимо, чтобы «их поэтическим огнем / Душа воспламенилась в нем». Для этого в Геттингене были необходимые условия, поскольку здесь еще могли сохраниться поэтические традиции сентиментализма. В сентябре 1772 года в Геттингене был создан «Союз дубравы» (Hainbund), составивший геттингенскую группу «Бури и натиска». В него входили И. Г. Фосс, Ф. Г. Клопшток И. А. Лейзевиц, Ф. и Х. Штольберги, Гельти. Приоритетами Ленского были, на наш взгляд, отнюдь не студенческие штудии, а сентиментальная и романтическая поэзия, так верно выражавшая его томление по любви и любимой. Поэтому он пел стереотипную сентименталистскую и романтическую образность: «разлуку и печаль, / И нечто, и туману даль, / И романтические розы». Шекспировский Гамлет поэтом не был, но был мастером дискуссии, изощренным интеллектуалом. Интеллектуальность же Ленского у Пушкина не просто под сомнением: она отсутствует. Это несовпадение понятно: А. С. Пушкин пародирует и иронизирует над образом немецкого Гамлета – гения, творческой личностью, а не персонажем У. Шекспира. Творческий дар Ленского, да и поведенческие проявления героя напоминают о другом персонаже – юном Вертере И.-В. Гете. Тем более, что рефлексивность Гамлета – это плод зрелого, перешагнувшего тридцатилетний рубеж персонажа, а творческие опыты восемнадцатилетнего Ленского – цветы юности.

Явственно шекспировский текст Ленского также прозвучит. Дважды, точнее, в двойном плане. Во-первых, сюжетно, сценой посещения кладбища. Во-вторых, лексически: «"Roog Yorick!" – молвил он уныло». Но фактическая верность шекспировскому тексту не означает верности смысловой. Кладбище в сентиментализме, а затем и романтизме – излюбленное место произнесения клятв и размышлений о вечности. А шекспировский парафраз использован А. С. Пушкиным с целью пародии. Влюбленный Ленский на кладбище вздыхает над могилой близкого ему роог Yorick – почившего соседа, помещика Ларина. И уж, конечно, не мудро безумствующего шута вспоминает Ленский, а папеньку своего идеала – Ольги. Впрочем, это не отменяет искренней сентиментальной грусти героя, так же, как не отменяет сочинения мадригала «на

случай».

Безусловно, гамлетовский парафраз – и сцена дуэли Ленского с Онегиным. И судьба Ленского с его чувствительным сердцем, поэтическим вдохновением, экзальтациями первой любви и драмой оскорбленного чувства – одновременно аллюзия на Гамлета и пародия на него.

Ленский – один из первых героев русской литературы, который, в сущности, являясь аналогом юного Вертера, бессознательно и совершенно искренне играет в Гамлета. Пародийный и иронический пафос автора в отношении Ленского позволяет заключить, что А. С. Пушкин относится к Гамлету не только как к объекту интерпретации, но и как к маске, имеющей не только эстетическое, но и актуальное культурно-антропологическое и даже повседневное значение в современной ему русской культуре.

Значимой персоной, коррелирующей с гамлетовской парадигмой, был и А. И. Герцен. Характер Гамлета был предметом его собственных рефлексий в «Былом и думах». Герцен подчеркивает его универсальную общечеловеческую природу, особо актуальную для рубежных эпох «сомнений и раздумий». Для современников не вызывала сомнений высокая степень рефлексивности, причем критической, характерной для самого А. И. Герцена (Тесье, Ф. М. Достоевский). Показательно, что в круге европейских (французских, английских) друзей А. И. Герцена именовали «северным» или «славянским» Гамлетом. Последнее, на наш взгляд, говорит о возможности признать (тем более показательной, что она исходит от европейцев) гамлетизм имманентным национальному русскому (славянскому) менталитету.

Понятие гамлетизм получило в России второй половины XIX века и *социальную атрибуцию*.

В критической и художественной позитивистской традиции оно предстало, во-первых, принципом социальной типизации. В такой мировоззренческой парадигме «Гамлет» стал способом называния определенного социального типа бездеятельной, сомневающейся, эгоистичной, критичной, несчастной и бесполезной для общества личности. У этого типа были свои варианты, не всегда связанные

с позитивистской эстетикой, предъявлявшие выдающиеся художественные образы.

В частности, имя Гамлета оказалось связано с образом «лишнего человека», эстетически отобразившего социальный тип. Свидетельства того, что эти понятия стали синонимичными в русской литературе, обнаруживаются в художественных произведениях («Гамлет Щигровского уезда» И. С. Тургенева, повесть Н. Н. Златовратского «Скиталец» (1884), драма «Иванов» А. П. Чехова (1889)) и критических работах (статья Д. И. Писарева «Идеализм Платона» (1861), статья Л. М. Скабичевского «Наша современная беззаветность» (1875); иронической статье М. Ф. Де-Пуле «Нечто о литературных мошках и букашках. По поводу героев г. Тургенева». Но «лишний человек», в отличие от Гамлета, в мире русской культуры не всегда был бездеятелен – он мог оказаться таковым в силу трагических обстоятельств, и потому был способен вызывать участие читателей и зрителей, еще помнивших о событиях 1925 года.

Другой вариант использования образа русского Гамлета как принципа социальной типизации представлен в пародийных и саркастичных «Монологи Гамлета Щигровского уезда», в которых А. А. Григорьев создает сниженный образ русского «мещанского Гамлета» (1864). Сосредоточившись на социальной составляющей этого произведения, отметим, что сопряжение А. Григорьевым гамлетизма и мещанства, и в качестве социального слоя, и в качестве характеристики личности, носит знаковый характер. Создатель образа Щигровского Гамлета дворянин И. С. Тургенев все же мыслит категориями дворянской культуры и дворянского общества. Незаконнорожденный сын дворянина и дочери крепостного кучера, «московский мещанин» А. А. Григорьев социально низводит русского Гамлета до мещанина и соотносит гамлетизм с мещанством. Маска ли для него такой образ Гамлета, объект ли беспощадного разоблачения-надругательства, или в чем-то, например, в стремлении тотального критицизма, сходный тип личности? Несмотря на то, что выражение «мещанский» А. А. Григорьев использует исключительно в негативном смысле, однозначно ответить на этот вопрос нельзя. И теперь русский Гамлет – уже не Датский принц, и даже не русский дворянин, а «мещанин во дворянстве», погрязший

в мещанстве. Или Гамлет, заброшенный в мещанство, все-таки – Гамлет?

Второе направление социального освоения и присвоения Гамлета обнаруживается в применении «гамлетизма» к изучению русских социальных явлений. Критик Н. В. Шелгунов в 1860 году использовал синтезированный им на основе идеи И. С. Тургенева образ «донкихотствующего Гамлета» для критики правительственного либерализма в предреформенную пору: «Не представляя таких частных, крайних типов мы богаты тут преимущественно помесью – донкихотствующими Гамлетами. /.../ Эти Гамлеты, стоя с сложенными накрест руками, донкихотствуют, делая вид, что они работают что-то, трудятся для общего дела: в сущности же, не зная, к кому пристать, куда идти, административные Гамлеты делают попросту то, что им выгодно. Это признаки нашего линияния» [2, С. 76–77]. Возможно, это, действительно, признаки «линияния» бюрократического аппарата, а, возможно – и признаки радикального «линияния», обесцвечивания и обесценивания образа Гамлета на национальной почве. «Административный Гамлет» – злая карикатура не только на русского либерального администратора, но и на «русского Гамлета». Здесь образ русского Гамлета предстает как намеренное оскорбление.

Интересный, и также обличительный ракурс апелляции к гамлетовской парадигме русской культуры мы обнаруживаем в специфическом разделе советской отечественной истории – истории общественного движения России. Здесь В. В. Боровский использует понятие «гамлетизм» для характеристики деятельности культурно-народнического течения, противопоставленной им «донкихотству разночинцев» [1, с. 51]. Советская научная рефлексия, приправленная идеологической экспрессией второй половины XIX века, придает гамлетизму и оценке Гамлета статус идеологического штампа. Не зря в словаре русского языка Д. Н. Ушакова к гамлетизму сделана приписка «устар.» В советском континууме гамлетизм, конечно, должен был подаваться как устаревшее понятие, называющее устаревшее явление, которому более не место в духовном опыте советского человека.

После размышлений И. С. Тургенева, осмыслившего Гамлета как тип личности, поддавшейся эгоистическим порывам и разрушающей рефлексии, рассуждения В. Г. Белинского стали логическим завершением типизирующего критицизма в

адрес Гамлета и началом нового, психологического вектора интерпретаций. В. Г. Белинский, не пользуясь специальной психологической терминологией, определяет Гамлета как тотального интраверта, укрывшегося в свой внутренний мир, рефлексия над реалиями которого заменяет и подменяет ощущение полноты жизни. Подобная интерпретация личности Гамлета вполне корреспондирует с ее романтической трактовкой. Но у В. Г. Белинского нет апологетики Гамлета, так же, как нет апологетики гамлетизма, определяемого им, заметим, весьма возвышенно – как состояние души. Однако в его размышлениях есть важный и парадоксальный для критика, известного своей социальной ангажированностью, психологический акцент интерпретации Гамлета. Так, с подачи одного из самых авторитетных критиков, Гамлет – и именно в России – вновь получает статус *психологического типа*.

Так, к концу XIX века в России назвать кого-то Гамлетом или сравнить с ним, означало сказать комплимент, выразить сочувствие несчастьям трагической личности в трагических обстоятельствах, продемонстрировать опасение и страх, подчеркнуть личный произвол, маргинальность, способность переходить любые рубежи и границы, указать на ум, рефлексивность, вербальную выраженность, оскорбить или критически (негативно) оценить... Такая богатая смысловая и оценочная палитра позволяет заключить высокую степень значимости Гамлета и гамлетизма для русской культуры.

На рубеже XIX–XX вв. в мире и России произошла масштабная актуализация гамлетовской парадигмы, трансформировавшаяся в тотальное увлечение Гамлетом, воспринимаемым эстетическим, духовно-нравственным, культурно-антропологическим и гендерным эталоном. «Гамлета» ставили в театре и исполняли его роль (М. А. Чехов, С. Бернар, А. А. Блок); в него «играли» (А. Белый) или им были в жизни (В. В. Розанов); с ним всерьез, полностью или частично, самоидентифицировались (М. А. Врубель), и с ним идентифицировали (В. М. Гаршин, герои А. П. Чехова Иванов, Петя Трофимов, Тригорин). Для русской культуры, принявшей формы ренессанса, ренессансный герой У. Шекспира оказался «своим». В этом бурном и разнообразном «освоении» и «присвоении» опыта Гамлета мы выявляем несколько доминант.

Прежде всего, Гамлет актуализирован как

объект интерпретации и предмет художественного творчества (А. А. Ахматова, А. А. Блок, А. Белый, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, М. И. Цветаева, А. П. Чехов, М. А. Чехов).

Гамлет оказался востребован как мыслимая, приписываемая нервическим «трагическим героям» настоящего (или прошлого) парадигма личности. Показательным в этом отношении является статья М. Гарусова (П. Ф. Якубович) в журнале «Русское богатство» (1882. № 8. Отд. IX), посвященная рассказам В. М. Гаршина и названная «Гамлет наших дней».

Гамлет оказался актуален и в качестве неоромантического «гения» – самоаттестации творческой личности и объекта самоидентификации (А. А. Блок, М. А. Врубель, А. Белый). А. А. Блок не только играет Гамлета в любительских постановках в Боблово, но и напрямую отождествляет с ним своего лирического героя – собственное alter ego: «Я – Гамлет». Отметим, что в данном качестве гамлетовская парадигма задействована не только мужчинами, но и женщинами-творцами (А. А. Ахматова, З. Н. Гиппиус, М. И. Цветаева), отчасти наследующими у Гамлета его духовный или душевный опыт.

Безусловно, гамлетовские интенции – небуржуазная и недеklarативная суть опыта изоцированного интеллектуала В. В. Розанова. Собственно, свободная интеллектуальная деятельность и тип свободного интеллектуала, актуализированные в России на рубеже XIX–XX вв., воплощают гамлетовскую парадигму в ее гуманистической и гуманитарной составляющей. Здесь важен и эсхатологический момент: так же, как шекспировский герой демонстрирует кризисность ренессансного гуманизма и его жизненную несостоятельность (А. Ф. Лосев), интеллектуальные русские Гамлеты трагически мыслят эсхатологические судьбы современной им культуры и собственной деятельности.

И здесь наиболее репрезентативен Гамлет – ловец душ, Гамлет – диагност, А. П. Чехов. Воплощая в своей драматургии измельчавших и ополчившихся современных Гамлетов (вечный студент Петя Трофимов, Иванов, Тригорин), художник-медик дистанцируется от них, описывает симптомы, ставит неутешительный диагноз и (иногда) наблюдает за абсурдом их предсмертной агонии.

В результате столь масштабной актуализации Гамлета в русской культуре рубежа XIX–XX вв., качества «русского Гамлета» расширяются за счет конкретизации уже имеющихся или

появления новых. «Русский Гамлет» становится аморфен, неконкретен, нечеток, мистичен, трагичен, гениален; его отличают жертвенность, болезненность, кризисность; он имеет выраженные психологические комплексы (Эдипов комплекс, комплекс Ореста), склонен к перверсии). Данный «гамлетовский» комплекс, за исключением мистицизма, во многом определил специфику интерпретации гамлетизма в русской культуре 60-х гг. XX века.

Библиографический список

1. Боровский, В. В. Сочинения [Текст] / В. В. Боровский. – М. : Соцэкгиз, 1931. – Т. II. – 280 с.
2. Шелгунов Н. Литературное чтение в зале Пассажа [Текст] / Н. Шелгунов // Русское Слово. – 1860. – Т. 2. – Отд. III. – С. 76–77.
3. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / А. С. Пушкин. – Красноярск : «Универс», ПСК «Союз», 1999. – Т. 1 – 768 с.; Т. 2. – 768 с.; Т. 3. – 688 с.; Т. 4. – 768 с.; Т. 5. – 800 с.

Bibliograficheski spisek

1. Borovskij, V. V. Sochinenija [Tekst] / V. V. Borovskij. – M. : Socjkgiz, 1931. – T. II. – 280 s.
2. Shelgunov N. Literaturnoe chtenie v zale Passazha [Tekst] / N. Shelgunov // Russkoe Slovo. – 1860. – T. 2. – Otd. III. – S. 76–77.
3. Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij [Tekst] : v 5 t. / A. S. Pushkin. – Krasnojarsk : «Univers», PSK «Sojuz», 1999. – T. 1 – 768 s.; T. 2. – 768 s.; T. 3. – 688 s.; T. 4. – 768 s.; T. 5. – 800 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

Н. А. Хренов

**Эпоха символизма: от традиционных к новым системам видения, утверждаемых
в возникающей визуальной культуре**

Статья представляет собой продолжение культур-философского исследования символизма в контексте противостояния двух традиций в русской культуре – модерна и романтизма. На основе размышлений о русской живописи рубежа XIX–XX веков раскрыты основания и результаты активного вторжения символистов в традиционные и новые формы визуальности.

Ключевые слова: символизм, романтизм, литературоцентризм, утопизм, музыкальность, пластичность, визуальность, культурный ренессанс, бифуркация, импрессионизм, примитивизм, неоплатонизм, футуризм, заумь, оптическая система видения, авангард, архаика, миф, соборность, линейный принцип, циклический принцип.

N. A. Khrenov

The Age of Symbolism: from traditional to new systems of vision in the new visual culture

The article continues cultural and philosophic study of Symbolism in the context of two confronting traditions in the Russian culture – Modernism and Romanticism. Analysing the Russian painting at the turn of XIX–XX centuries, the author reveals the reasons for and the results of the symbolists' active invasion of conventional and new visual forms.

Key words: Symbolism, Romanticism, literary centrism, utopianism, musicality, plasticity, visualisation, cultural renaissance, bifurcation, Impressionism, Primitivism, Neoplatonism, Futurism, nonsense, optical vision system, avant-garde, archaic, myth, communalism, linea principle, cyclic principle.

В нашей предыдущей статье мы показали, как некоторые открытия символистов были обращены в будущее, во вторгающиеся в мир искусства новые визуальные системы. Но смысл открытий символистов этим не исчерпывается.

Оставаясь верными литературоцентристской культуре, символисты активно вторгались в традиционные формы визуальности, например, в живопись. Констатируя реализацию символистских экспериментов в искусстве слова и улавливая установку символистов на слово, мы все же обязаны понять, что же на рубеже веков происходит с самим словом, то есть с литературой. Сохраняется ли в эту эпоху ее центральное место в системе искусств? Сохраняется ли в этот период литературоцентристская формула русской культуры и сохраняет ли литература за собой доминантное для культуры значение?

В том-то и дело, что именно в ситуации бифуркации, о чем мы уже успели сказать, существующая столетиями иерархия в системе видов искусства оказалась поколебленной. Возник соблазн устранить литературу из системы искусств как доминанту. Но даже если и не устранить, то хотя бы потеснить. О начавшихся новых процессах в эту эпоху свидетельствует подъем в изобразительном и театральном искусстве. С появлением кинематографа дело примет и еще более серьезный оборот. Как символисты реагировали на эти изменения? Замыкались ли их интересы в словесности, или им пришлось активно осваивать другие, далеко выходящие за пределы словесности виды и формы? Иногда за дело брались сами символисты, скажем, поэты начинали писать драмы для театра и сценарии для кино. Так, известно, что А. Белый перерабатывал свой роман «Петербург» в сценарий, который, правда, поставлен все же не

был [10, с. 132]. В письме к режиссеру А. Санину А. Блок пишет: «Готового для экрана у меня нет ничего, но я не раз думал писать для него; чувствую, однако, всегда, что для этого надо найти в себе новую технику» [4, с. 77].

Иногда это делали появляющиеся в разных видах искусства их единомышленники, пытающиеся эстетику символизма привить к другим сферам. Например, когда стало ясно, что традиционный театр больше не пользуется успехом и должны возникнуть новые формы, символисты принимают активное участие в дискуссиях на эту тему, теоретизируя, а часто и предлагая для постановки на сцене написанные ими драмы. Л. Андреев констатировал: «Никогда еще к театру не предъявлялось столько требований, никогда еще он не нуждался удовлетворять столько потребностей, как теперь» [2, с. 10]. К сказанному символистами деятели театра прислушивались. Нередко они их точку зрения разделяли. Так, ссылаясь на статьи о театре В. Брюсова и Вяч. Иванова, В. Мейерхольд считал их «самыми ценными предвестниками совершающегося переворота» [8, с. 152].

Если символизм претендовал на универсальный стиль эпохи, а такие претензии у него были, то он должен был получить выражение и в изображениях, а не только в вербальных формах. И действительно, хотя стихия символизма – это поэзия, искусство слова вообще, тем не менее, символизм заметно проявлял себя и в живописи. Достаточно здесь назвать хотя бы представителя символизма в живописи – М. Врубеля, как самой яркой фигуры в изобразительном искусстве рубежа веков, по утверждению И. Азизян [1, с. 31]. Но, разумеется, символизм получил выражение и в музыке. В этом плане интересна фигура А. Скрябина. «Символизм в значительной мере – пишет Р. Якобсон – воспринял лозунг романтиков об искусстве, тяготеющем к музыке» [11, с. 325].

Когда Гегель утверждает, что на романтической фазе истории становления Духа, а для него история искусства как раз и является такой историей, то, согласно его концепции, предполагается, что на этой фазе в центр системы видов искусства выдвигаются живопись, поэзия и музыка. Тот период истории искусства, в который вписали себя символисты, как раз и представляет продолжение романтической фазы. Вообще, для Гегеля романтическая фаза становления Духа

соотнесена с историей христианской Европы на всем ее протяжении. С этой, гегелевской точки зрения, символизм соответствует установкам романтической фазы. Это подтверждает и то, что, как уже отмечалось, определяющей формой выражения для символистов явилась поэзия. Но это такая поэзия, которая старалась вобрать в себя музыкальную стихию.

Но, самое главное, что нас будет интересовать, это то, что символизм соответствует и той установке романтической фазы, в соответствии с которой визуальное начало в форме живописи выдвигается в центр системы видов искусства. Но символизм и вынужден был это делать, поскольку к концу XIX века, когда в России заявляют о себе символисты, уже не без усилий со стороны Фидлера, Гильдебрандта и Ригля начинает утверждаться точка зрения, в соответствии с которой изображение не должно иметь подчиненный по отношению к слову смысл. Оно должно возродить собственный и самостоятельный по отношению к слову и предшествующий слову язык.

Пока в визуальной сфере продолжала лидировать живопись, эта проблема еще не могла достичь предельной остроты. Но с появлением новых визуальных средств, в частности фотографии и в особенности кинематографа, этот вопрос приобретает исключительную остроту. Но еще до появления кинематографа уже в собственно живописи развертывается взрыв визуальности, что имеет последствия для всех остальных искусств. Принцип живописи трансформируется в принцип живописности, и его актуализацию можно обнаружить во всех остальных искусствах. Живопись активно продвигается в центр системы искусств, претендуя не на подчиненное положение по отношению к слову, а на положение определяющее и центральное, что, конечно, установке литературоцентризма уже не отвечает.

Удивительно, что в эпоху символизма история искусства все больше воспринимается синонимом истории изобразительного искусства. Вот как эту трансформацию описывает А. Федоров-Давыдов. «Уже к середине XIX века – пишет он – во всем европейском искусстве живопись становится доминирующим видом пространственных искусств, оттесняящим на второй план все остальные. И у публики, и у специалистов понятие «искусства» все более сужается

до понятия «живопись». Одним из идеологических отражений этого процесса является, например, та идеалистическая эстетика «содержания», которая начинает складываться со второй половины XVIII века, а с середины XIX века и вплоть до наших дней оказывается господствующей в той или иной мере, с теми или иными перерывами вместе с господством живописи. У нас в России термин художник сужается в своем объеме до понятия «живописец». Все передовые художественные течения происходят в области живописи (натурализм 40-х годов, идейный реализм 50–60-х годов, «передвижничество» и т. п.) и даже когда в 90-х годах возрождается интерес к остальным видам искусства, – передовыми деятелями оказываются опять-таки художники-живописцы. Основной тип выставок – это живописные выставки; архитектура на них обычно отсутствует, а скульптура и качественно и количественно оказываются оттесненной на задний план» [9, с. 167].

Логика развития искусства и взаимодействия между разными видами искусства такова, что архитектура, кажется, первое место в системе искусств утрачивает, что, например, обращает на себя внимание К. Малевича, протестующего против складывающейся ситуации [1, с. 31]. Между тем, вытеснение архитектуры с центрального места в системе искусств гегелевской концепции соответствовало. Так, по мнению К. Малевича, доминантной в системе искусств давно уже стала живопись. Однако К. Малевич убежден: в новое время престиж архитектуры должен быть возвращен. Ее жизнестроительные функции востребованы временем. Архитектура должна освободиться от влияния живописи, перестать ей подчиняться и занять в культуре то определяющее место, которое она когда-то в ней занимала.

В эту эпоху процесс такого освобождения и в самом деле развертывается. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что живописцы стремились монументальные формы живописи вернуть, когда живопись была в подчинении архитектуры. Так, М. Волошин замечает, что, например, для Н. Рериха мозаика становится «самым верным материалом, в котором он может воплощать свои замыслы, и структура его картин, написанных масляными красками, неизбежно приближает к мозаике» [3, с. 51]. В этом же направлении развертываются и замыслы М. Врубеля. Потребность в монументальных формах искусства

проявилась в его росписи стен и сводов Владимирского собора в Киеве, а также в эскизах фресок для церкви Кирилловского монастыря близ Киева. Так, С. Маковский пишет: «Врубелю нужны были стены, стены храмов для осуществления декоративных пророчеств, наполнявших его душу» [5, с. 82]. Но, восхищаясь росписями Кирилловской церкви, С. Маковский вынужден был констатировать: М. Врубеля не поняли.

Проблема, однако, заключается в том, что виды искусства не являются статичными. Они развиваются в соответствии с тем, что применительно к живописи Г. Вельфлин называет системами видения. Дело не просто в выдвигании живописи на одно из первых мест в системе видов искусства. Такое выдвигание может иметь место лишь в том случае, если утверждаемая живописью система видения на определенном этапе истории культуры становится востребованной. Поэтому в центр системы видов искусства живопись выдвигается, если утверждаемая ею система видения востребована. Если этого нет, а живопись стремится занять центральное положение, то она вынуждена существующую систему видения обновить кардинально.

В этом смысле рубеж веков демонстрирует весьма прихотливую картину. В живописи, как, впрочем, и в остальных видах искусства, функционируют многие системы видения, соответствующие разным течениям и направлениям. Это-то как раз и свидетельствует о том, что искусство эпохи символизма переживает бифуркационную ситуацию. Но реальность хаоса не должна мешать улавливать в движении искусства перспективу. Эта перспектива задана Г. Вельфлиным. Будучи авторитетной в кругах искусствоведов, она кажется единственно приемлемой. Дело, однако, не только в выдвигании живописи в систему видов искусства на первый план, но и в истинности точки зрения Г. Вельфлина, доказывающего, что живопись все дальше уходит от тактильно-осозательных способов видения и развивается в направлении оптических форм видения.

Анализируя опыт русской живописи эпохи символистов, А. Федоров-Давыдов это подтверждает. Вызываемая живописью этого периода к жизни оптическая система видения начинает определять существование других видов искусства. Те из них, что этой логике не подчиняются, начинают вытесняться на периферию. Констатируя сдвиги в живописи,

А. Федоров-Давыдов пишет: «Объем терял свою материальность и осязательность, переходя из факта реальности в простой феномен зрения. Анализ скульптуры – искусства объема – и отчасти архитектуры – искусства тектоники – с ясностью показали, что сущностью этой формальной эволюции было развитие иллюзорно-зрительной, оптической установки на внешний мир. Живопись есть искусство чисто зрительное, искусство оптических эффектов. Поэтому совершенно понятно, что прослеженная мною формально-стилевая эволюция обозначается как рост "живописности" и характеризуется живописными категориями. Говоря о росте живописности, я имею в виду подчинение методов всех искусств методам живописи. Это подчинение понимается не как внешне-формальное, при котором архитектура, скульптура и художественная промышленность в своем формотворчестве исходит не из своих собственных специфических установок, но из оптически-иллюзорной установки живописи» [8, с. 166].

По сути дела, диагностируя сложившуюся в живописи этого времени ситуацию, А. Федоров-Давыдов размышляет в соответствии с вельфлиновским подходом. Но дело не только в распространении живописности в других сферах. Для всей второй половины XIX века характерно становление такого течения как импрессионизм, без которого возникновение символизма непонятно. Касаясь импрессионизма в отечественной живописи, С. Маковский констатирует, что увлечение им здесь начинается с запозданием [5, с. 51]. Если во французской живописи он возникает еще в 70-е годы XIX века, то в России он распространяется позже. Так, когда А. Федоров-Давыдов говорит, что в живописи этого времени происходит замена объема массой, стремящейся превратиться в простое цветное пятно [8, с. 48], то это наблюдение соответствует выявленной Г. Вельфлиным логике движения живописи к чисто оптической стихии, а именно, к импрессионизму. Живопись и в самом деле демонстрировала растворение предметов в воздухе, объема в свете и цвете. Предметы теряли свою объемную природу. «Импрессионисты – пишет С. Маковский – первые захотели "дематериализовать" природу не с помощью одухотворения и стильной условности, а непосредственностью чувства, – не разумом, а глазами. Мимолетное впечатление они противоположили рабству дрящегося знания, мгновение – чувству реальности. На их холстах природа ста-

ла мгновенным впечатлением; от нее отлетела осознанная вещественность; материальные формы растаяли в цвете; художественное видение заменило покорность зеркала» [6, с. 145].

Пытаясь разобраться в интенсивности художественной жизни начала XX века, С. Маковский исходной точкой импрессионизма считает исчерпанность академизма. От художественной статики живопись потянулась к динамике, к изменчивой правде непосредственного впечатления [4, с. 5]. От С. Маковского не ускользает то, что потом будут обсуждать теоретики, обращающиеся к фотографии. Так, отмечая в импрессионизме эскизность, этюдность, фиксацию сырых фрагментов природы, что обычно обозначают как «культ мгновения», С. Маковский замечает, что этот культ мгновения характерен и для фотографии.

Может быть, даже стремясь это мгновение схватить, живопись подпадает под влияние фотографии. «Не форма сама по себе, хотя бы и динамически недосказанная, а форма, так сказать, схваченная на лету, как случайная вспышка зрительного явления, – пишет С. Маковский – приблизила – *horribile dictu* – художественное впечатление к фотографическому снимку. Как раз в ту пору (восьмидесятые годы) быстро совершенствовались способы моментальной фотографии. Простые смертные получили возможность путешествовать с аппаратом и снимать деревенские и уличные виды. Моментальный снимок открыл нам много недоступного нашему глазу, "исправил" вековые неточности человеческого зрения (взять хотя бы движение ног у скачущей лошади), облегчил запоминание потребностей природы, и это явилось серьезным соблазном для искусства "впечатлений" и "мгновенностей". Многие художники стали видеть, если не эти потребности, то целое – глазами фотографии; эмпирический натурализм получил опору в объективе; вырезок реальности без начала и конца, с боковыми фигурами, перерезанными пополам, сделался своего рода стилем изображения. Но главное, может быть, все-таки во внушениях фотографической перспективы. Под влиянием фотографии живописцы стали по-иному воспринимать пространство, и в итоге картины их – пейзажи, *interieur*, жанр – как бы подчинились механической эмпирике. Сама форма при этом измельчала и расплылась» [4, с. 7].

Но, конечно, то, что С. Маковский находит в фотографии, затем получает выражение

не только в живописи, но в особенности в кино. Кино же, в свою очередь, будут обвинять в том, что оно начинает воздействовать на театр, точнее на те направления в театре, в которых получили развитие натурализм и импрессионизм. И то, и другое направление ассоциировалось с фотографизмом. Ближе всего к фотографизму в театре оказался, по мнению некоторых критиков, Художественный театр. «Обращение режиссеров МХТ к приемам сценической «кинематографичности» – пишет Ю. Цивьян – связано с особой ролью, которую играл кинематограф в системе культурных представлений театральной общественности 900-х годов» [9, с. 213]. Демонстрируя предельное жизнеподобие, кинематограф продолжал традиции «фотографизма». «Неудивительно, что чеховский этап в развитии Художественного театра с его стремлением к импрессионистическому жизнеподобию сценического события постоянно ассоциировался у критики с кинематографом» [9, с. 213].

Имея в виду чеховские постановки в этом театре, критики отмечали, что по мере совершенствования кино, оно сможет вообще сделать ненужным Художественный театр с присущим ему воссозданием осязаемого внешнего мира. Таким образом, несмотря на подъем традиционных форм визуальности и зрелищности, новые системы визуальности, ставшие возможными на технологической основе, все больше обращали на себя внимание.

Библиографический список

1. Азизян, И. Диалог искусств Серебряного века [Текст] / И. Азизян. – М., 2001.
2. Андреев, Л. Письма о театре [Текст] // Маски. Ежемесячник искусства театра. – 1912. – № 1.
3. Волошин, М. Архаизм в русской живописи (Рерих, Богаевский и Бакст) [Текст] // Аполлон. – 1909. – № 1.
4. История отечественного кино [Текст] : Хрестоматия. – М., 2011.
5. Маковский, С. По поводу «Выставки современной русской живописи» (гипс, фотография и лубок) [Текст] // Аполлон. – 1916. – № 8.
6. Маковский, С. Силуэты русских художников [Текст] / С. Маковский. – М., 1999.
7. Маковский, С. Страницы художественной критики. Кн. 2. Современные русские художники. [Текст] / С. Маковский. – СПб., 1906. – с. 145.

8. Мейерхольд, В. Театр (К истории и технике) [Текст] // Театр. Книга о новом театре. – СПб., 1908.

9. Федоров-Давыдов, А. Искусство промышленного капитализма [Текст] / А. Федоров-Давыдов. – М., 1929.

10. Цивьян, Ю. Историческая рецепция кино. Кинематограф в России. 1896-1930 [Текст] / Ю. Цивьян. – Рига., 1991.

11. Якобсон, Р. Работы по поэтике [Текст] / Р. Якобсон. – М., 1987.

Bibliograficheskiy spisok

1. Azizjan, I. Dialog iskusstv Serebrjanogo veka [Tekst] / I. Azizjan. – M., 2001.
2. Andreev, L. Pis'ma o teatre [Tekst] // Maski. Ezhemesjachnik iskusstva teatra. – 1912. – № 1.
3. Voloshin, M. Arhaizm v russkoj zhivopisi (Rerih, Bogaevskij i Bakst) [Tekst] // Apollon. – 1909. – № 1.
4. Istorija otechestvennogo kino [Tekst] : Hrestomatija. – M., 2011.
5. Makovskij, S. Po povodu «Vystavki sovremennoj russkoj zhivopisi» (gips, fotografija i lubok) [Tekst] // Apollon. – 1916. – № 8.
6. Makovskij, S. Silujety russkih hudozhnikov [Tekst] / S. Makovskij. – M., 1999.
7. Makovskij, S. Stranicy hudozhestvennoj kritiki. Kn. 2. Sovremennye russkie hudozhniki. [Tekst] / S. Makovskij. – SPb., 1906. – s. 145.
8. Mejerhol'd, V. Teatr (K istorii i tehnikе) [Tekst] // Teatr. Kniga o novom teatre. – SPb., 1908.
9. Fedorov-Davydov, A. Iskusstvo promyshlennogo kapitalizma [Tekst] / A. Fedorov-Davydov. – M., 1929.
10. Civ'jan, Ju. Istoricheskaja recepcija kino. Kinematograf v Rossii. 1896-1930 [Tekst] / Ju. Civ'jan. – Riga., 1991.
11. Jakobson, R. Raboty po pojetike [Tekst] / R. Jakobson. – M., 1987.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

Т. В. Юрьева

Алтарное пространство католического храма как западноевропейский аналог русского православного иконостаса

Статья рассматривает различные синтетические формы алтарного пространства католического храма, такие как собственно алтарь в западном его понимании, предалтарная преграда, ретабль, полиптих, которые можно рассматривать как западноевропейские аналоги русского православного иконостаса. Богатство и разнообразие материала позволяет автору сделать вывод о множественности форм, по которым может развиваться христианская средневековая архитектура, в контексте которой иконостас занимает свое особое специфическое место, находясь, тем не менее, одним из способов решения задачи символически-образного воплощения алтарного пространства.

Ключевые слова: западноевропейская культура, русское православие, храм, алтарь, предалтарная преграда, ретабль, полиптих, иконостас.

T. V. Yurieva

Altar space in a Catholic church as a Western European analogue of the Russian Orthodox iconostasis

The article looks at different synthetic forms of catholic altar space, such as the western idea of the altar itself, predatory barrier, retable and polyptych which can be viewed as Western analogues of Russian Orthodox iconostasis. Rich and varied material enables the author to draw a conclusion about the multiplicity of medieval architectural forms in Christianity where iconostasis takes a special place being one of the ways to organize the altar space.

Key words: Western culture, Russian Orthodoxy, temple, altar, predatory barrier, retable, polyptych, iconostasis.

Высказывая мысль об исключительности высокого сомкнутого иконостаса как явления русской культуры, долгое время ученые искусствоведы (а они были представителями единственной научной дисциплины, систематически обращавшейся к феномену синтетическому, но изучавшемуся лишь в одном из возможных аспектов) тем самым оставляли без внимания вопрос об аналогиях, о параллельно протекавших процессах в развитии алтарного пространства в православной и католической церкви. Тем не менее, следует согласиться с А. М. Лидовым, который замечает: «Укрупняя проблему и отвлекаясь от восточнохристианской конкретики, можно взглянуть на тенденцию превращения прозрачной преграды в иконную стену на фоне глобальных изменений в христианской храмовой декорации Востока и Запада» Исследователь обратил внимание на видимое созвучие движений духовной культуры: «И в византий-

ском мире, и на латинском Западе стержнем развития был амбивалентный процесс постепенного обособления, закрытия алтарного пространства от верующих, с одновременным усилением частного богослужения» [8, с. 24]. В данной статье мы попробуем изложить некоторые наблюдения над аналогиями, связанными с процессом сложения алтарного пространства в Восточной и Западной христианской церкви, продолжив тему, начатую еще в 2005 году в монографии «Православный иконостас как культурный синтез» [10, 11].

Мы уже писали о том, что в разных христианских конфессиях существуют «различные исторически сложившиеся способы и техники декорации христианского храма», в которых можно усматривать как различия, обусловленные разницей богословских позиций, так и сходства, связанные с общим основанием развития всей христианской

культуры [12, С. 245]. Мысль о соотношении по аналогии предалтарной преграды католического храма русскому иконостасу впервые высказал П. П. Вяземский еще в 1878 году в статье «Историческое развитие древнерусского искусства» [5], за что сразу был подвергнут критике Н. И. Троицким, который писал: «При всем сочувствии к этому критику-апологету, однако же, и с ним согласиться никак нельзя, будто католическая предалтарная преграда соответствует, да еще вполне, трех-, четырех- и даже пятирусным иконостасам наших храмов» [4, с. 139].

Мы же, в свою очередь, учитывая историко-культурный контекст, ситуацию широко отрефлексированного диалога культур, считаем необходимым специально рассмотреть эту проблему, поскольку выявление общих закономерностей в развитии русской и западной культуры свидетельствует о неслучайном появлении иконостасной преграды, о существовании на это ряда веских причин, обусловленных специфическим историко-культурным развитием.

Как уже отмечалось, в раннехристианских храмах, как на востоке, так и на западе, существовала общая традиция отделения алтаря от основного помещения храма невысокими преградами. Престол и амвон в католическом храме образовывал так называемый пресвитерий (алтарную часть храма), перед пресвитерием находилась невысокая ограда (*cancelli*), отделяющая его от помещения для мирян. Эта ограда (преграда) имела чаще всего формы балюстрады или решетки, а также глухого парапета.

Момент расхождения восточной и западной традиций наметился в VIII веке. Большинство каролингских храмов по-прежнему имело планировку базилики, но в них появилось и новшество, повлекшее за собой последствия для служения литургии: устраивается множество алтарей – в хоре, в крипте, в поперечных и боковых нефях, над могилами святых и мучеников или над их мощами. Подобная тенденция связывается рядом ученых (Хойслинг, Кунцлер) [7, с. 269] с появлением приватной мессы и полагают, что множество алтарей в каролингском (монастырском) храме является символическим отражением обилия святых мест в Риме. На различных алтарях храма можно было условно воспроизводить

богослужения различных мест Святого Града [7, с. 269]. Это привело к изменению пространственной композиции храма, в котором главный алтарь выдвигается от восточной стены ближе к центру храма, отмеченному трансептом, а за алтарным пространством, именуемым хором, формируется обход – деамбулаторий (сквозной проход вокруг хора в церкви, соединяющий боковые нефы).

Романские церкви средневековья продолжали использовать вышеописанную программу организации пространства. Еще сильнее стала подчеркиваться идея «священной твердыни Божией», а также идея отображения священных мест, отчего количество алтарей все возрастало.

В такой ситуации вопрос создания иконостаса просто не мог возникнуть, так как уже невозможно было отгородить столь развитую архитектурную часть от остального помещения храма. Поэтому даже темплон как таковой здесь не имеет уже никакой перспективы существования.

Тем не менее, как можно видеть из дальнейшего развития традиции устройства храмов, потребность в позиционировании священных образов, отражающих символику алтаря, остается в западном храме актуальной и требует адекватных форм выражения. На рубеже первого и второго христианских тысячелетий алтарь меняет свой внешний облик. На алтарный престол теперь ставят ковчежцы с мощами, свечи и кресты. Сначала в криптах, а потом и в алтарях церквей саркофаги с телами святых (ранее находившиеся за престолом) теперь были настолько выдвинуты наружу, что стали видны; так возникли реликварные и ретабельные алтари (то есть престолы, над которыми за задней стороной стола-мензы имеется доска с изображениями).

Ретабль (от лат. *retrotabulum* – запрестольный) – алтарь, представляющий собой высокое многоярусное сооружение, включающее живописные и скульптурные произведения), форма которого утвердилась по всей католической Европе, по мнению М. Кунцлера, происходит от украшенного ковчега с мощами. Наиболее развитой формой ретабля является алтарь со створками (диптих, триптих или полиптих), причем срединная, обычно неподвижная, часть может исполняться

как барельеф и украшаться резными полихромными фигурами. Боковые створки бывают подвижными и могут закрывать среднюю часть; наружная сторона створок, как правило, также заполнена живописью. Подвижность ретабля позволяла менять изображения в зависимости от праздника церковного года; подвижные ретабли исчезают в период Ренессанса. Неподвижный ретабль обычно имеет в средней части богатое резное обрамление с большой картиной или резным барельефом.

Нам, в свою очередь, важно установить, в каком соотношении находятся программы западных алтарей и восточных иконостасов. В своем исследовании, сравнивая иконостас с ретаблем, мы учли замечание А. М. Алпатова, что «сущность иконостаса не только в иконографической программе, но и в особом понимании свободы и необходимости композиции (в этом его отличие от более стабильных полиптихов – алтарных образов Италии)» [1, с. 307]. Тем не менее, улавливается и сходство.

Уже само происхождение ретабля имеет несколько иную, отличную от того, что лежит в основе иконостаса, природу. Как считает Х. Бельтинг, ретабль опирается на развитие идеи алтарного образа, когда в одном изображении пытаются соединить образы всех святых, почитание которых совершается в главном алтаре храма. Поначалу это был иконный фриз, в центре которого находился главный алтарный образ (чаще всего изображение Христа или Богоматери), а остальные образы святых располагались справа и слева в ряд. Например, таким фризом является алтарный образ Гвидо да Съена (270-е гг., Сиена). В этот период ретабль еще очень похож на византийский эпистилий. Общие черты эпистилия из монастыря св. Екатерины на Синае (XIII в.) и ранних форм итальянского ретабля усматривает Б. Цайтлер [9, с. 727].

В дальнейшем композиция ретабля усложняется, он начинает приобретать многорядность. Так уже выглядит алтарный образ Дуччо (1300 г., Сиена), где над центральным образом Богоматери появляется образ Христа, а над образами святых – образы архангелов. Или алтарный образ Симоне Мартини (1319 г., Пиза), где можно насчитать

уже четыре ряда изображений, организованных с особой иерархической логикой.

«Произведение Симоне Мартини, – пишет Х. Бельтинг, – представляет новую концепцию совершенно теологизированной изобразительной программы, в которой фигуры расположены в четырех зонах, и уподобляет свой внутренний порядок посредством формальных ассоциаций церковному фасаду» [2, с. 450]. Иконы центральной части посвящены местной культовой программе, которая определяется здесь литургической ориентацией ордена, ставшего заказчиком ретабля. Остальные три зоны – яруса – образов расширяют основную тему, выраженную в средней части, до темы истории и спасения церкви, где орден находит свое иерархически вписанное место. Эта система образов включает ряд пророков в верхней части, на фронтонах ретабля; под ним располагается ряд апостолов; а под центральным образом – ряд святых с включенным туда, как указывает Х. Бельтинг, образом Фомы Аквинского, еще не канонизированным на тот момент. Библейский замысел спасения дидактически, в форме визуально соответствующей проповеди, воплощен в образах данного алтаря. При анализе данной программы мы не можем не заметить аналогии с программой православного иконостаса, в которой история спасения занимает важное, с точки зрения смысла, место.

Следующий шаг в развитии алтарного образа в истории Европейской культуры сделал Дуччо, который при создании алтаря главного собора Сиены соединил икону Богоматери и алтарный образ как полиптих. (Дуччо ди Бонинсеня. Маэста. 1311 г. Для алтаря главного собора в Сиене). Синтез двух типов образа был создан на одной доске беспримерных на то время размеров – 498 х 468 см. Центральное изображение алтаря – Мадонна на троне, образ которой фланкируют изображения пяти коленапоклоненных фигур святых города Сиена. В верхней части доски размещен фриз с образами апостолов. Фронтальное изображение фигур фриза, его форма восходят к более ранним ретаблям. Центр же решен несколько иным способом. Центральную фигуру Богоматери окружает полнофигурная композиция – сонм ангелов и святых. Справа и слева от Богоматери изображены Иоанн Креститель и Иоанн Богослов, затем образы

Петра и Павла, другие святые. Ряды образов святых, фланкирующих главный образ, были, по всей видимости, импровизацией художника, но впоследствии стали традиционными и нашли закрепление в подобных композициях типа *Maesta*.

Следующим подобным алтарным образом был алтарь для собора св. Петра в Риме, который был заказан кардиналом Стефанески художнику Джотто. Традиция же создания подобных образов распространяется не только на территории Италии, но и во всем средневековом мире. При изучении собственно западноевропейской традиции создания алтарей, возможно дальнейшее обращение к алтарным образам Франции, Испании, Чехии и др.

Большое распространение форма ретабля (исп. – *retablo*) получила в Испании. Здесь у алтарного образа также присутствует своя специфика. Тем не менее, аналогии между испанским ретабло и русским иконостасом уже зафиксированы российскими искусствоведами, например Т. П. Каптерева: «Существует известная аналогия между ретабло и древнерусским иконостасом. Время их возникновения почти совпадает: вторая половина XIV века в Испании, рубеж XIV–XV веков в России. Но в отличие от иконостаса, который отделял алтарь от храма, ретабло помещалось на восточной стене, именно за алтарем, благодаря чему алтарь всегда оставался обозримым. Совпадало и некоторое размещение икон, в обоих случаях подчиненное строгому порядку» [6, с. 372].

К сожалению, дальше констатации существующего в ретаблях и иконостасах порядка иконографических сюжетов, осуществленный до настоящего времени сравнительный анализ не идет.

Происхождение ранних форм ретаблей в Испании многие исследователи относят к началу реконквисты, когда походный алтарь воздвигался перед раскладным деревянным триптихом. Вероятно, эта версия имеет частный характер, не имея подтверждения в опыте создания алтарей во всей Испании. Все-таки, на основании непосредственного визуального изучения рассматриваемых образцов, мы предлагаем вернуться к уже высказанной нами мысли о том, что происхождение алтарного образа здесь также, как и в других случаях,

было связано с развитием и изменением пространственной структуры храмового интерьера. Средоточие росписи на передней стенке алтарного престола (фронталь, о котором шла речь выше) утратило свое значение в условиях огромной горизонтальной протяженности храма. То, что составляло фронталь, переместилось выше, вглубь алтаря, и значительно увеличилось в размерах.

Наиболее древние из сохранившихся подобных алтарей в Испании датируются первой четвертью XIV века и сделаны мастерами Жауме Кастальсом, Ялои, Жорди де Деу, Пере Оллером.

Сиенская традиция, обозначенная выше, была представлена в искусстве Каталонии середины и второй половины XIV века работами четырех братьев Серра: алтарь св. Духа из церкви Санта Мария в Манресе (Пере Серра), алтарь из Тортосы (Пере Серра).

Алтарь св. Духа из церкви Санта Мария в Манресе (Пере Серра) отличается многочастной структурой, в которой главное место занимает образ Богородицы. Вертикальная доминанта образа складывается из сюжета «Коронования Богородицы», который располагался над центральным, венчает композицию сцена распятия. Под образом Богородицы, на горизонтальном цоколе – предelle – размещена Пьета. Вертикальные тяги типа контрфорсов венчаются пинаклями и заполнены фигурками святых. Горизонтально плоскость алтаря членится на ряды, где верхний составляет ангельский чин, три нижних составляют сцены из священного писания. Иерархический строй ретабля актуализирует картину мира средневекового человека. Столь развитая программа алтаря восходит к универсальным представлениям средневековья, которые воплотились в данном случае в его форме. Аналогичная потребность символического отражения христианской картины мира приводит православных художников к системе иконостаса.

Традиция создания алтарей развивается в более позднюю эпоху, где можно видеть высокие алтарные конструкции, в которых живопись соединяется со скульптурой, и скульптурный декор начинает преобладать. Таковы, например, высокие алтари Франции и Германии алтарь из Сен-Тибо-ан-Аксуа (1300 г.), алтарь из Альтенберга (1335 г.); алтарь

из Мариенштатта (до 1350 г.); алтарь Ганса Лайнбергера в церкви Санкт-Кастулус в Моосбурге (1511–1514 гг.). Или алтари Испании: главный алтарь Королевской капеллы, алтарь Главной капеллы собора Сан Лоренсо в Эскориале, алтарь Главной капеллы собора в Толедо, алтарь Главной капеллы собора в Толедо и др.

Традиция строительства алтарей, широко распространившаяся по всему западному миру, непосредственно оказалась связанной с русской иконостасной традицией, когда западное искусство в XVII веке начинает интенсивно оказывать свое влияние на русскую художественную культуру. В частности, И. Л. Бусева-Давыдова усматривает сходство алтарей польских костелов с «флеммскими» иконостасами по композиции и по мотивам декора [3, с. 628]. Наиболее показательны в этом смысле главный алтарь костела в Шидловце (1618–1627 гг.), алтарь костела Св. Николая в Гданьске (перв. пол. XVII в.), главный алтарь костела в Малогоще (начало XVII в.), главный алтарь костела Опаленицы (втор. четв. XVII в.), алтарь костела в Серакове (1638–1640 гг.) и др.

Можно найти аналогии и в Германии, где также встречается трехчастная ступенчатая композиция алтарей. Таков, например, алтарь церкви в Браунсберге (1640 г.). Еще больше аналогий русских иконостасов с алтарями возникает в XVIII веке, когда мода на все европейское проникла и в русское церковное искусство.

Декорация, позволяющая увидеть аналогию с иконостасной, появляется еще в одном месте западного храмового пространства. Открытое с фасада алтарное пространство – хор – требовало, тем не менее, закрытости со стороны деамбулатория, что также повлекло за собой развитие декора заалтарной, как мы ее назовем, преграды. Здесь обычно помещаются изображения основных событий новозаветной истории, которые горизонтальной лентой идут по всей длине наружной стороны стенки хора. Этот композиционный прием выглядит аналогично ряду праздничных икон в православном иконостасе. Но, поскольку этот фрагмент не является частью целой изобразительной системы, каковой является иконостас, то и не обладает той полнотой

символических и литургических смыслов, которые содержит православный праздничный чин. Приведем лишь несколько примеров. Подобные, украшенные сценами из Нового Завета стенки сохранились в готических соборах Франции. Это, прежде всего, стена хора Собора Парижской Богоматери (Париж, Франция). Изображения идут с севера на юг. На северной стене хора изображены: Благовещение, Возвешение к пастухам, Рождество Христово, Поклонение волхвов, Избиение младенцев, Бегство в Египет, Принесение во храм (Сретение), Обретение Иисуса Христа во храме, Крещение Иисуса, Брак в Кане, Вербное воскресение, Тайная вечеря, Омовение ног, Молитва в Гефсиманском саду. На южной стене хора изображены: явление Христа Марии Магдалине, Явление женщинам, Явление св. Петру, Явление в горнице, Явление св. Фоме, чудесный лов рыбы, послание апостолов на миссию, Вознесение. Всего – двадцать три сцены, выполненные в технике раскрашенного рельефа. Как видно из списка и количества сцен, они не соответствуют количеству двенадцатых праздников, которые являются основой праздничного чина в православном иконостасе, более того, присутствует иной подбор новозаветных сюжетов, что соответствует другим акцентам, расставленным в цикле праздничных событий католическим вероисповеданием.

Подобным образом декорированные стенки хора можно встретить в храме Богоматери в Шартре, в Дуомо – кафедральном соборе Милана, и ряде других.

Таким образом, множественность форм, по которым развивается христианская средневековая архитектура, и в контексте которой русский православный иконостас занимает свое особое специфическое место, дает возможность сделать вывод, что иконостас, является одним из способов решения задачи символически-образного воплощения алтарного пространства христианского храма.

Библиографический список

1. Алпатов, М. В. Древнерусская иконопись [Текст] / М. В. Алпатов. – М. : Искусство, 1984.

2. Бельтинг, Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства [Текст] / Х. Бельтинг. – М. : Прогресс-Традиция, 2002.
3. Бусева-Давыдова, И. Л. Русский иконостас XVII в.: генезис типа и итоги эволюции [Текст] / И. Л. Бусева-Давыдова // Иконостас. Происхождение – развитие – символика / ред. сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 68–70.
4. Высокий русский иконостас [Текст] / Сост. Т. Н. Кудрявцева, В. А. Федоров. – М. : Патриаршие пруды, Пульс, 2004.
5. Вяземский, П. П. Историческое развитие древнерусского искусства [Текст] / П. П. Вяземский // Памятники древней письменности. – СПб., 1878–1879. – С. 32–45.
6. Каптерева, Т. П. Искусство Испании. Очерки. Средние века. Эпоха Возрождения [Текст] / Т. П. Каптерева. – М. : Изобразительное искусство, 1989.
7. Кунцлер, М. Литургия церкви. Книга первая [Текст] / М. Кунцлер. – М. : Христианская Россия, 2001.
8. Лидов, А. М. От редактора [Текст] / А. М. Лидов // Иконостас. Происхождение – развитие – символика / ред. сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 11–29.
9. Цайтлер, Б. Два иконостасных тябла из Синайского монастыря: аспекты искусства крестосцев [Текст] / Б. Цайтлер // Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика / ред. сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 726–727.
10. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль, 2005.
11. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст] : дис.... д-ра культурологии: 24.00.01 / Т. В. Юрьева. – Саранск, 2006.
12. Юрьева, Т. В., Файзулина, Е. С. Художественные особенности православной иконы и западноевропейского витража [Текст] / Т. В. Юрьева, Е. С. Файзулина // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 245–248.
2. Bel'ting, H. *Obraz i kul't. Istorija obraza do jepohi iskusstva* [Tekst] / H. Bel'ting. – M. : Progress-Tradicija, 2002.
3. Buseva-Davydova, I. L. *Russkij ikonostas XVII v.: genezis tipa i itogi jevoljucii* [Tekst] / I. L. Buseva-Davydova // *Ikonostas. Proishozhdenie – razvitie – simvolika* / red. sost. A. M. Lidov. – M. : Progress-Tradicija, 2000. – S. 68–70.
4. *Vysokij russkij ikonostas* [Tekst] / Sost. T. N. Kudrjavceva, V. A. Fedorov. – M. : Patriarshie prudy, Pul's, 2004.
5. *Vjazemskij, P. P. Istoricheskoe razvitie drevnerusskogo iskusstva* [Tekst] / P. P. Vjazemskij // *Pamjatniki drevnej pis'mennosti*. – SPb., 1878–1879. – S. 32–45.
6. Kapтерева, T. P. *Iskusstvo Ispanii. Ocherki. Srednie veka. Jepoha Vozrozhdenija* [Tekst] / T. P. Kapтерева. – M. : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1989.
7. Kuncler, M. *Liturgija cerkvi. Kniga pervaja* [Tekst] / M. Kuncler. – M. : Hristianskaja Rossija, 2001.
8. Lidov, A. M. *Ot redaktora* [Tekst] / A. M. Lidov // *Ikonostas. Proishozhdenie – razvitie – simvolika* / red. sost. A. M. Lidov. – M. : Progress-Tradicija, 2000. – S. 11–29.
9. Cajtler, B. *Dva ikonostasnyh tjabla iz Sinajskogo monastyrja: aspekty iskusstva krestonoscev* [Tekst] / B. Cajtler // *Ikonostas. Proishozhdenie – Razvitie – Simvolika* / red. sost. A. M. Lidov. – M. : Progress-Tradicija, 2000. – S. 726–727.
10. Jur'eva, T. V. *Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez* [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl', 2005.
11. Jur'eva, T. V. *Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez* [Tekst] : dis.... d-ra kul'turologii: 24.00.01 / T. V. Jur'eva. – Saransk, 2006.
12. Jur'eva, T. V., Fajzzulina, E. S. *Hudozhestvennye osobennosti pravoslavnoj ikony i zapadnoevropejskogo vitrazha* [Tekst] / T. V. Jur'eva, E. S. Fajzzulina // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. – 2011. – № 4 – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 245–248.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

Bibliograficheskij spisok

1. Alpatov, M. V. *Drevnerusskaja ikonopis'* [Tekst] / M. V. Alpatov. – M. : Iskusstvo, 1984.

Д. Н. Хмара

Земская деятельность в контексте конституирования культурного пространства провинции

На основе анализа культурно-просветительской и хозяйственной деятельности гласных Шуйского уездного земского собрания Д. К. Бальмонта и М. П. Митькова выявлена структура и взаимосвязь элементов культурного пространства усадеб Гумнищи и Чернцы-Воротынских (располагавшихся в Шуйском и Ковровском уездах Владимирской губернии), определены доминантные ценности представителей русского дворянства во второй половине XIX века. Анализ культуросообразных аспектов «личной истории» дворянина эпохи либеральных реформ Александра II позволяет установить, что картина мира владельцев усадеб, сформированная на основе системы ценностей и ориентиров, заложенных в юности в числе прочего в образовательных учреждениях и в усадебном пространстве, развивалась под влиянием реформ. Определено, что для К. Д. Бальмонта и М. П. Митькова одним из основных мотивов деятельности была установка «на благо Отечеству», явившаяся стимулом для активной жизненной позиции. Обосновано, что культурное пространство Шуйского и Ковровского уездов формировалось как симбиоз усадебной культуры и земской деятельности представителей дворянского сословия, что в большей степени способствовало реализации либеральных убеждений.

Ключевые слова: конституирование, культурный образец, Гумнищи, К. Д. Бальмонт, Чернцы-Воротынских, М. П. Митьков.

D. N. Khmara

Territorial activity in the context of institutionalizing cultural space in province

The author analyses cultural, educational and economic activity of town councillors D. K. Balmont and M. P. Mitkov; describes the structure and interrelation of elements in the cultural space of Gumnishchy and Cherntsy-Vorotynskiyh estates (Vladimir province) and determines dominant values of Russian nobility in the late XIX century. The analysis of culture-related aspects of a gentleman's «private history» at the time of liberal reforms shows that the country estate owners' worldview, based on the values formed in their adolescence at schools and in the estates, was influenced by these reforms. For K. D. Balmont and M. P. Mitkov, the prime motivation for their work was the idea «for the benefit of the Motherland» which was the stimulus for active attitude to life. The article proves that the cultural space in Shuya and Kovrov districts was formed as symbiosis between estate culture and the work of nobility members in district council which contributed to realisation of liberal views.

Key words: institutionalization, cultural example, Gumnishchy, K. D. Balmont, Cherntsy-Vorotynskiyh, M. P. Mitkov.

Рассмотрим основания конституирования культурного пространства Шуйского уезда Владимирской губернии методом реконструкции ценностей дворянского сословия II пол. XIX века, анализа их включенности в культурное пространство России в целом.

Использование исторических источников, фактов биографии и коммуникативных связей дает возможность выяснить особенности, определяющие характер и способ реализации культурно-просветительской деятельности владельцев усадеб – земских деятелей. Ценности и нормы по своей сути имеют тесную

связь с историческим временем. II пол. XIX века – время проведения крестьянской реформы (отмены крепостного права), земской и судебной реформ. Деятельность по конституированию культурного пространства России в соответствии с целями этих реформ определяла социальное и коммуникативное поведение передовых людей. В Шуйском уезде в этот период большую роль в формировании новых ценностных ориентаций и этических норм играли гласные земского собрания; среди них – крупный петербургский чиновник

М. П. Митьков и помещик из Шуйской глубинки Д. К. Бальмонт.

М. П. Митьков в 1853 году окончил Императорский Александровский Лицей [22, с. 169]. Работал в Государственной канцелярии, участвовал в подготовке реформы по отмене крепостного права [24]. Впоследствии Действительный Статский советник М. П. Митьков с основной службой в Санкт-Петербурге совмещал земскую деятельность: как землевладелец Шуйского уезда, он неоднократно избирался почетным мировым судьей, гласным уездного и губернского земских собраний. Основа его такой активной жизненной позиции сформировалась в детстве и юности. В Лицее М. П. Митьков изучал право, политическую экономию, иностранные языки; постигал основы гражданской архитектуры [22, с. 73–118]; сельское хозяйство преподавалось «как ремесло, искусство, наука» [22, с. 480]¹. Здесь были заложены исходные принципы как ориентиры для дальнейшей деятельности. Интересный факт свидетельствует о взглядах лицеистов. В 1850 году, провозжая на пенсию Ф. П. Калинича, воспитанники посвятили ему стихи; они выражали признательность Учителю, который «взрастил 20 поколений», учил писать «бессмертного Пушкина». Но, обучаясь в привилегированном учебном заведении, лицеисты критически оценивали действительность: назвали свое время «расчетливым веком», в который «корыстной целью Дом считать стал человек и честь – отвагой неуместной» [22, с. 82–84]. Возможно, Михаил Митьков был согласен с такой характеристикой современности и стремился к переменам. Система ценностей, сформированная в Лицее, предполагала комплекс принципов и представлений о мире, необходимых для выработки стратегии принятия решений и действий в жизненных ситуациях. Программа предусматривала подготовку воспитанников Лицея к ведению дел в различных отраслях хозяйства; ее важными составляющими были попечение о народном здравии, попечение о народном образовании, поддержание и устройство местных путей сообщения [22, с. 108].

Работа в земстве требовала соответствующих подходов, принципов, концептуальных разработок. Просвещенные деятели понимали необходимость строительства дорог в регионе, в особенности – железной дороги.

М. П. Митьков служил в Санкт-Петербурге, мог принять «участие в ходатайствах Шуйского земства» и в 1866 году был приглашен «через местную управу в состав комиссии для приготовления проекта по устройству железной дороги от с. Иванова через г. Шую до Шуйско-Ивановской станции Московско-Нижегородской железной дороги». Проект был утвержден [6, с. 28; 7, с. 65]. М. П. Митьков безвозмездно выделил «из имения своего земли под линию железной дороги» [7, с. 67]. Для того, чтобы сократить и сделать более удобным тракт от с. Иванова к с. Тейкову, управа предполагала изменить его направление. М. П. Митьков предложил «сделать земству по устройству оногo тракта взаимопомоществование» [7, с. 9]. М. П. Митьков «находил параллель категорий оценки земли неравномерною», и она была пересмотрена [9, с. 14]. Будучи в составе комиссии для составления проекта новых правил о содержании проселочных дорог, «г. Митьков полагал, что по устройству их необходимо составить предварительно карту» [9, с. 4–5]. Как председатель комиссии, М. П. Митьков читал доклад по сооружению мостов и гатей. Несмотря на то, что было высказано мнение о бесполезности работы, так как в Шуйском уезде – топи и болота, доклад был принят как руководство к действию [10, с. 356]. Управа ежегодно стала включать в план работы ремонт и мощение дорог в уезде, сооружение мостов и гатей в болотистой местности. Так, мысля и модифицируя каждое явление в его исторической конкретности, свою деятельность Михаил Фотиевич Митьков подчинял девизу Лицея – «Для общей пользы».

В круг знакомых, соотносимых со служебной деятельностью М. П. Митькова в г. Шую, входил гласный уездного земского собрания Д. К. Бальмонт. В 60-е–80-е гг. XIX века они совместно решали вопросы о строительстве дорог, попечительстве в школах... В августе 1877 года тайный советник М. П. Митьков присутствовал на крестинах сына Д. К. Бальмонта в качестве восприемника, что считалось в обществе знаком уважения [4]. Назвали мальчика Михаилом; возможно, в честь крестного – Михаила Платоновича. Петербургский чиновник М. П. Митьков и шуйский помещик Д. К. Бальмонт участвовали в конституирующей деятельности в качестве партнеров. Современники видели в провинции реальную основу России: «То, что в столице является по большей

части идей, ... в провинции – реальная борьба живых лиц и явлений», – писал В. Г. Короленко. Д. К. Бальмонт непосредственно претворял в жизнь крестьянскую реформу: в качестве мирового посредника Шуйского уезда занимался составлением и утверждением Уставных грамот – соглашений между помещиками и крестьянами. Д. К. Бальмонт не получил специального образования, обучался во Владимирской гимназии. Начиная службу с низшего чина (в должности писца), а закончил в чине статского советника [3]. Семья Д. К. Бальмонта проживала в усадьбе Гумнищи; организация усадебного пространства требовала многих усилий, и казалось, что «ничего не ценил он в мире, кроме вольности и деревни» [2, с. 132]. Но участие в крестьянской, земской, судебной реформах – переломных жизненных событиях – стало профессиональным занятием, работой. Изменился устоявшийся жизненный уклад помещика с его привычной нормативной повседневностью. Много лет Д. К. Бальмонт избирался членом и председателем управы, мировым судьей. Плотность событийного ряда увеличилась: он участвовал в заседаниях собраний, комитетов, учебных и врачебных советов. В рамках такого рода деятельности неповседневное стало привычным, но не ординарным. Со сменой социокультурной парадигмы предметом внимания общества становится жизнь «маленького человека» – простого крестьянина, вчерашнего крепостного – его нравы, нужды, ментальности. Еще при составлении Уставных грамот Д. К. Бальмонт видел «крайне недостаточную степень благосостояния народа». В качестве члена управы он участвовал в «дознании об уменьшении выкупных платежей» [12, с. 8], предлагал ходатайствовать перед губернским земским собранием «об изменении порядка зачисления земских сборов» [20, с. 53], предложил «в разряд земских трактов причислить все проселочные дороги, имеющие важное значение для интересов местного населения» [21, с. 86]. Управа под председательством Д. К. Бальмонта указывала уездному земскому собранию на «плохое качество земельных угодий» и «скудость почвы» [12, с. 8; 18, с. 117], «жалкое положение крестьянского скотоводства» [20, с. 53]; предлагала знакомить крестьян с сельскохозяйственными машинами, приобретать их на механическом заводе и «продавать крестьянам по той же цене», так как «бедность представляет непреодолимое препятствие ко взысканию ссуд» [18, с. 117]; объясняла, что

«техника земледельческая находится здесь на первобытной ступени развития» [21, с. 14]. Не изучавший основ политической экономии, Бальмонт анализировал факторы производства: «Крестьянин вынужден содержать свое хозяйство, даже если земля и капитал не приносят прибыли» [21, с. 14]. Земцы начинали строить этику экологии: «ходатайствовали об отмене народного обычая срубать березки в день Святой Троицы (губится более 150 тыс. деревьев в год), предлагая сажать их у домов» [6, с. 8]; видели обязанности «хозяйственного деятеля в том, чтобы улучшать землю, вводить ее в большую силу и полноту бытия», но признавали, что «самая система полеводства не соответствует почвенным и климатическим условиям» [21, с. 14].

Являясь руководителем земства, Д. К. Бальмонт входил в состав комиссий по строительству больниц, амбулаторий. Как председатель врачебного совета, он участвовал в составлении программы деятельности земства по медицинскому обслуживанию населения [16, с. 40], ходатайствовал о разрешении отпусков в университетские города для усовершенствования медицинских познаний [16, с. 42], выносил благодарности врачам за их труды, представлял к награждению «за полезную деятельность орденом» [15, с. 4; 16, с. 7], рекомендовал знакомить детей с «Народными чтениями о здравии и болезнях» [13, с. 10].

Сам не получивший полного образования, Д. К. Бальмонт всячески поощрял строительство начальных училищ в уезде и реального училища в Иваново-Вознесенске, учебу на земскую стипендию хотя бы нескольких крестьянских мальчиков в сельскохозяйственных училищах [14, с. 5; 17, с. 7], реорганизацию Шуйской прогимназии в гимназию [11, с. 26], премирование сельских учителей [14, с. 4], устройство педагогических курсов для ознакомления с лучшими способами обучения [14, с. 3], «ассигнование единовременной суммы на приобретение дома в С-Петербурге для высших женских курсов» [12, с. 80]. Благодаря его вмешательству больше выделяли денег на школы и библиотеку [14, с. 1; 20, с. 201]. В 1883 году в земском собрании обсуждался доклад Тверской губернской управы: оправдало ли земство доверие царя Александра II – Прозвучала критическая оценка земской деятельности: в народном образовании – «жалкое положение»

[12, с. 60]. А в Шуйском уезде в 1883 году было «вновь открыто 6 училищ» [12, с. 32]. Только за первые пять лет пребывания Д. К. Бальмонта на посту председателя управы количество земских школ в уезде выросло почти в два раза [26, с. 38].

Новые стереотипы сознания содействовали включению элементов культуры в повседневную социальную жизнь. Когда крестьяне не пускали в школу детей – помощников по хозяйству, земцы предлагали: «Пусть дети несут пряжу из дома и разматывают в школе, слушая учителя. Хоть что-то услышат человеческое, а не то, что слышат дома...» [6, с. 8]. В ознаменование 900-летия крещения России Бальмонт во главе училищного совета «просил уездное земское собрание оказать особое содействие обучению церковному пению в земских школах уезда, указав, что ...земство уже отпускает особое содержание учителям пения» [17, с. 72]. Для способных ребят открыли воскресный класс рисования [15, с. 89]. Управа ассигновала средства на развитие садоводства и огородничества при школах [19, с. 155], учителей посылали на курсы, где они овладевали практическими навыками по уходу за растениями [19, с. 20]. Учителя писали благодарственные письма Д. К. Бальмонту за предоставленную возможность посетить такие курсы [19, с. 20].

Передовые дворяне и до реформ воспринимали потребность в знании как одну из базовых потребностей человека. В своей усадьбе Чернцы-Воротынских Ковровского уезда М. П. Митьков открыл школу для крестьянских ребятишек в год отмены крепостного права [24]; выделил средства для стипендии гимназистам [3]. Усвоив еще в Лицее представление об «основном назначении библиотеки – приносить пользу распространением средств к воспитанию и образованию» [22, с. 95], Михаил Митьков всю жизнь собирал книги, пополняя семейную библиотеку. Будучи попечителем сельских начальных школ, «снабжал училища книгами»², и в Чернцкой школе библиотека стала богатейшей среди школ уезда, содержала в разные годы до 2-х тысяч томов книг [23, с. 120]. Когда вопрос, нужны ли школы народу, еще только обсуждался, в усадьбе Гумнищи В. Н. Бальмонт «в определенные дни недели учила крестьянских детей грамоте» [1, с. 343]. В усадьбе была богатая библиотека: «любовно хранились то-

мики Байрона и Шелли по-английски, немецкие классики, романы В. Гюго и Ж. Санд, книги по ботанике...» [1, с. 329]. С началом земской деятельности произошла определенная перенастройка на расширение сферы приложения опыта: строительство школ в уезде, открытие народных читален. В земскую библиотеку благодаря влиянию семьи Бальмонт были приобретены произведения всех крупных русских писателей и «все сколько-нибудь ценные писания, бывшие в эпоху реформ ходовыми» [1, с. 335]. Управа сделала замечание Шуйской земской библиотеке: нет педагогических журналов – и вменила в обязанность выделять треть денег на «подписку педагогических сочинений и давать бесплатно учителям». Через год в библиотеке можно было взять, кроме произведений классиков, «книги научных отделов: педагогического, исторического, медицинского, географического и др.» [16, с. 91–93]. Д. К. Бальмонт избирался в члены комитета библиотеки, вносил разные суммы денег на ее пополнение.

Роль земской библиотеки (равно как домашних и школьных) трудно переоценить: по воспоминаниям современников, «до 1905 г ... в Шуе книгу для чтения купить было нельзя, наградные книги ученикам гимназия выписывала и покупала в Москве» [25, с. 237].

Культурное пространство, развиваясь в уезде, активно воздействовало и на усадебную культуру. В Гумнищах открыли народную школу. При попечительстве Д. К. Бальмонта здесь был правильно оборудован школьный приют (общежитие); открыта библиотека; работал сельскохозяйственный класс. Педагог-специалист обучал детей агрономическим дисциплинам: почва, ее обработка и удобрение; луговое хозяйство и травосеяние; скотоводство; лесоводство; землемерные работы и элементарная геодезия... Школа в Гумнищах имела сад, огород и пчеловодческую пасеку [26, с. 41].

В первые десятилетия земской деятельности Д. К. Бальмонт был старостой Якиманнской церкви [26, с. 39]. Понимая значение храма не только в религиозном, но и в эстетическом воспитании народа, воспринимал его как неотъемлемую составляющую культурного пространства имения и уезда. «Кроме необходимых расходов по церкви», он делал вклады «на улучшение и украшение храма» [26, с. 40]. Новые стереотипы культурного сознания и поведения регулировали практическую жизнь

в усадебном пространстве.

М. П. Митьков и Д. К. Бальмонт проявляли активность сознания людей созидающих в организации культурного пространства Шуйского уезда. Значимость их деятельности еще более очевидна в оценках современников. Земское собрание неоднократно «приносило благодарность» М. Ф. Митькову: «за участие в ходатайствах земства» [8, с. 122], за выделение земли под линию железной дороги [7, с. 67], «за готовность жертвовать на пользу земства» [7, с. 9]... Д. К. Бальмонт, кроме устных благодарностей (за организацию народных чтений, «просвещенное, сердечно-теплое участие к делу народного образования», «заботу о строительстве земской больницы» и др.), получал денежные вознаграждения: сын – студент Московского университета – был зачислен стипендиатом Шуйского уезда; «за 30-летнюю безупречную работу г. Бальмонта» выделено пособие «на воспитание детей его» [15, с. 8; 17, с. 18; 20, с. 8]. За заслуги в земских делах Д. К. Бальмонт награжден орденами св. Анны 2-й и 3-й степеней и медалями [25, с. 40].

В новом здании школы в Чернцах-Воротынских, выстроенном Ю. Детловой, почетное место занимал портрет М. П. Митькова – основателя учебного заведения. В с. Якиманском была построена школа им. Д. К. Бальмонта (в фонд строительства школы земством было передано пособие 2500 р., от которого при жизни Д. К. Бальмонт отказался) [26, с. 43].

В социокультурной сфере земской деятельности в Шуйском уезде отражена интеграция, со-бытие, со-существование пространства и времени, индивидуальности и социума. Системы ценностей имплицитно встроены в человеческом поведении. Реконструкция ценностей дворянского сословия как результата проведения реформ второй половины XIX века позволяет сделать вывод о их включенности в ойкумену русской культуры, дает основание интерпретировать конституирующую деятельность гласных Шуйского уезда М. П. Митькова и Д. К. Бальмонта как одновременно типичную для России и формирующую общезначимый культурный образец для культурного пространства Шуйского уезда Владимирской губернии.

Библиографический список

1. Бальмонт, К. Д. Под новым серпом // Под новым серпом. Избранные стихотворения и проза [Текст] / К. Д. Бальмонт. – Иваново. Составитель Л. Н. Таганов. – Издательство «Талка», 2007.
2. Бальмонт, К. Д. На заре // Под новым серпом. Избранные стихотворения и проза [Текст] / К. Д. Бальмонт. – Иваново. Составитель Л. Н. Таганов. Издательство «Талка», 2007.
3. ГАВО Ф. 449. Оп. 2. Ед. хр. 174. Л. 1-6 об.
4. ГАИО Ф. 160. Оп.1. Ед.хр.13. Л.2 6-31.
5. ГАИО Ф.858. Оп.2. Ед.хр. 37. Л.8 об.-9.
6. Журналы очередного Шуйского уездного собрания (ЖОШУС) 1866 г. [Текст]. – Владимир, 1867.
7. ЖОШУС 1867 г. [Текст]. – Владимир, 1868.
8. ЖОШУС 1868 г. [Текст]. – Владимир, 1869.
9. ЖОШУС 1870 г. [Текст]. – Владимир, 1871.
10. ЖОШУС 1872 г. [Текст]. – Владимир, 1873.
11. ЖОШУС 1878 г. [Текст]. – Владимир, 1879.
12. ЖОШУС 1883 г. [Текст]. – Владимир, 1884.
13. ЖОШУС 1884 г. [Текст]. – Владимир, 1885.
14. ЖОШУС 1885 г. [Текст]. – Владимир, 1886.
15. ЖОШУС 1886 г. [Текст]. – Владимир, 1887.
16. ЖОШУС 1887 г. [Текст]. – Владимир, 1888.
17. ЖОШУС 1888 г. [Текст]. – Владимир, 1889.
18. ЖОШУС 1889 г. [Текст]. – Владимир, 1890.
19. ЖОШУС 1891 г. [Текст]. – Владимир, 1892.
20. ЖОШУС 1895 г. [Текст]. – Владимир, 1896.
21. ЖОШУС 1896 г. [Текст]. – Владимир, 1897.
22. Селезнев, И. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861год [Текст] / И. Селезнев. С-Петербург, 1861.
23. Куприяновский, П. В., Молчанова, Н. А. Бальмонт [Текст] / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – М. : Молодая гвардия, 2014.

24. Полуярова, Д. Н. «Человеку предназначено творцом жить...»: особенности культуры провинциального имения Чернцы-Воротынских // «Известия высших учебных заведений. Серия гуманитарные науки» Выпуск 2. Том 1 (2010) [Текст] / Д. Н. Полуярова. – Иваново, 2010. – С. 108–112

24. Розанова, Л. А. Шуйские родники [Текст] / Л. А. Розанова. – Шуя : Изд-во «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ», 2007.

25. Ставровский, Е. С. Род Бальмонтов в лицах и судьбах [Текст] / Е. С. Ставровский. – Шуя : Изд-во «Поли-центр», 2007.

Bibliograficheskij spisok

1. Bal'mont, K. D. Pod novym serpom // Pod novym serpom. Izbrannye stihotvorenija i proza [Tekst] / K. D. Bal'mont. – Ivanovo. Sostavitel' L. N. Taganov. – Izdatel'stvo «Talka», 2007.

2. Bal'mont, K. D. Na zare // Pod novym serpom. Izbrannye stihotvorenija i proza [Tekst] / K. D. Bal'mont. – Ivanovo. Sostavitel' L. N. Taganov. Izdatel'stvo «Talka», 2007.

3. GAVO F. 449. Op. 2. Ed. hr. 174. L. 1-6 ob.

4. GAIO F. 160. Op.1. Ed.hr.13. L.2 6-31.

5. GAIO F.858. Op.2. Ed.hr. 37. L.8 ob.-9.

6. Zhurnaly ocherednogo Shuj'skogo uездnogo sobra-nija (ZhOShUS) 1866 g. [Tekst]. – Vladimir, 1867.

7. ZhOShUS 1867 g. [Tekst]. – Vladimir, 1868.

8. ZhOShUS 1868 g. [Tekst]. – Vladimir, 1869.

9. ZhOShUS 1870 g. [Tekst]. – Vladimir, 1871.

10. ZhOShUS 1872 g. [Tekst]. – Vladimir, 1873.

11. ZhOShUS 1878 g. [Tekst]. – Vladimir, 1879.

12. ZhOShUS 1883 g. [Tekst]. – Vladimir, 1884.

13. ZhOShUS 1884 g. [Tekst]. – Vladimir, 1885.

14. ZhOShUS 1885 g. [Tekst]. – Vladimir, 1886.

15. ZhOShUS 1886 g. [Tekst]. – Vladimir, 1887.

16. ZhOShUS 1887 g. [Tekst]. – Vladimir, 1888.

17. ZhOShUS 1888 g. [Tekst]. – Vladimir, 1889.

18. ZhOShUS 1889 g. [Tekst]. – Vladimir, 1890.

19. ZhOShUS 1891 g. [Tekst]. – Vladimir, 1892.

20. ZhOShUS 1895 g. [Tekst]. – Vladimir, 1896.

21. ZhOShUS 1896 g. [Tekst]. – Vladimir, 1897.

22. Seleznev, I. Istoricheskij ocherk Imperatorskogo byvshego Carskosel'skogo, nyne Aleksandrovskogo Liceja za pervoe ego pjatidesjatiletie, s 1811 po 1861god [Tekst] / I. Seleznev. S-Peterburg, 1861.

23. Kuprijanovskij, P. V., Molchanova, N. A. Bal'mont [Tekst] / P. V. Kuprijanovskij, N. A. Molchanova. – M. : Molodaja gvardija, 2014.

24. Polujarova, D. N. «Cheloveku prednaznachenno tvorcom zhit'...»: osobennosti kul'tury provincial'nogo imenija Cherncy-Vorotynskih // «Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija gumanitarnye nauki» Vypusk 2. Tom 1 (2010) [Tekst] / D. N. Polujarova. – Ivanovo, 2010. S. 108–112

24. Rozanova, L. A. Shuj'skie rodniki [Tekst] / L. A. Rozanova. – Shuja : Izd-vo «Vest'» GOU VPO «ShGPU», 2007.

25. Stavrovskij, E. S. Rod Bal'montov v licah i sud'bah [Tekst] / E. S. Stavrovskij. – Shuja : Izd-vo «Policentr», 2007.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

¹ Полученные знания, несомненно, были востребованы при организации М. П. Митьковым при организации усадебного пространства: строительстве дома, устройстве сада [24].

² М. П. Митьков «принял почетное попечительство также в д. Колесницы Шуйского уезда и прислал в школу учебники» [8, 180].

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 811.16'37

Л. Г. Викулова, Э. М. Рянская

Универсальная категория *возраст* и его языковая реализация: рецензия на монографию Д. Митева «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). Велико Търново: Фабер, 2012.

SCIENTIFIC LIFE

L. G. Vikulova, E. M. Ryanskaya

The universal category «age» and its linguistic realization: review of the monograph by D. Mitev «The category of age in the aspect of language nominative activity (in the Russian and Bulgarian languages). Veliko Tarnovo: Faber, 2012

Монография представляет собой теоретическое исследование универсальной категории *возраст* на основе глубокого анализа единиц возрастной семантики в ономасиологическом плане [7]. Актуальность работы связана с пристальным вниманием современной науки к проблемам отражения в языке познания человеком окружающего мира. *Возраст* – одна из важных характеристик объектов живой и неживой природы, выражаемая широким диапазоном языковых единиц и речевых структур. Данная категория с полным правом может быть отнесена к универсальным категориям, параметры которых постоянно уточняются. Интерес к данной теме активно проявляется и в российских разработках последних лет, где различные аспекты возрастной характеристики были предметом исследования в контексте общелингвистических и частных проблем на материале европейских языков [1; 2; 5; 6; 9].

В настоящей монографии представлено наиболее полное и системное описание категории возраста на материале двух близкородственных языков – русского и болгарского, что расширяет наши представления о природе языковой и межъязыковой вариативности и служит базой для будущих сопоставительных работ в плане ономасиологии.

Во введении к монографии подчеркивается специфика категории, заключающаяся в разноплановости возрастных признаков, языковая объективация которых проявляется

в использовании разноструктурных и разноуровневых средств, выполняющих сходные функции. Данное обстоятельство обусловило выбор ономасиологического подхода, который, согласно обозначенной автором трактовке, предполагает изучение лексической семантики, или значений, используемых для номинации объектов действительности [10, с. 434]. Выбор ономасиологического анализа представляется крайне важным, поскольку он демонстрирует перспективы для изучения универсальных категорий на материале нескольких языков. Уместно в этом контексте привести цитату из работы известного французского лингвиста Г. Гийома, который отмечал, что «в традиционной сопоставительной грамматике наблюдению подвергалась почти исключительно физическая сторона слова. Но не рассматривалось отношение, капитальное для структуры и архитектуры человеческого языка, отношение физического и ментального» [4, с. 72]. Ученый подчеркивал значимость исследования тесно пересекающихся когнитивного и ономасиологического направлений, что особенно важно для изучения механизмов концептуализации и категоризации на материале разных языков. Когда речь идет о многослойной структуре категории, именно ономасиологический анализ, избирающий в качестве отправной точки не форму исследования, а ее содержание, позволяет оптимально решить не только задачи

сопоставительного анализа, но и наиболее полно параметризовать содержание исследуемой категории.

В работе болгарского ученого в центре внимания находятся проблемы семиотики и когнитивной лингвистики. Существенным положением работы следует считать разработку теоретических положений, определяющих понятие ономаσιологической категории, прежде всего категории *возраст*. Для автора важен поиск ответа на вопрос, «как осуществляется именование предметов и явлений действительности средствами языка и каков результат этого обозначения в работающей системе языка» [7, с. 16]. Как верно замечает Д. Митев, ономаσιологический подход не мог не расширить свой теоретический аппарат и не вступить в «интердисциплинарное пространство» когнитивной лингвистики. Справедливо подчеркивается, что ономаσιология связана с изучением того, как соотносятся понятия и языковые знаки, каким образом за разными фрагментами объективной действительности закрепляются соответствующие наименования и каковы функциональные ориентации этих наименований. Ответы на эти и другие вопросы даются в главах, содержащих анализ конкретного языкового материала.

Отдельный раздел работы посвящен особенностям структурной организации поля *возраст* в сфере человека, животных, растений и неодушевленных предметов и явлений, хотя, по мнению болгарского лингвиста, человеческое видение на категорию возраста накладывает свой отпечаток на все остальные сферы действительности [7, с. 128]. Считаем необходимым отметить следующее: а) ономаσιологические категории не строго связаны с определенными способами и средствами выражения; б) их общее категориальное значение более тесно связано с бытийными формами категориального мышления; в) среди них преобладают категории реального содержания (предметного, процессуального, качественного); г) как и другие языковые категории, они имеют полевую структуру. Однако следует заметить, что языковой материал иногда диктует использование в контексте ономаσιологического подхода, кроме полевых, иных моделей описания структуры категории [8].

Особому рассмотрению в монографии подлежит альтернативность номинации в поле категории возраста, когда система возрастных групп от младших к старшим характеризуется градуальностью, горизонтальными и вертикальными отношениями. Отмечается соответствие возрастной квалификации временному характеру природного и хозяйственного цикла. При описании полевой организации категории возраста автору удалось объединить частеречные и понятийные основания

ее структурирования. Полевая модель категории создает, тем не менее, определенные трудности для восприятия целостной картины. Сам автор указывает, что внутренняя структура категории возраста выступает как сложное взаимодействие различных ономаσιологических классов и разрядов, как разнообразие аспектов возрастной характеристики, и одновременно включает разнородные средства и способы выражения.

Несомненный интерес представляет специальная глава, посвященная вопросу формирования семантики первичных основ слов с возрастным значением с учетом данных этимологии. Согласимся с выводом автора о том, что исторические сведения и этимологический анализ способствуют более глубокому пониманию функционирования современных слов для выражения определенных возрастных характеристик.

Значительную часть в исследовании парадигмы категории *возраст* занимает описание деривационных потенций первичных основ адеквативной семантики, а также особенностей формирования семантики фразеологизмов ономаσιологического пространства категории возраста. Так, возрастная зона *старость* включает номинативы со значением возрастной семантики и может указывать на высокое положение лица с подобной характеристикой, в том числе за счет метаязыковой стратегии. К примеру, статусный индекс может быть обозначен позитивно маркированным эпитетом *бессмертные*, который латентно указывает на определенную возрастную (сенектальную) группу, чей социальный возраст задавал семиотические смыслы и ценностные ориентиры для потенциальных членов Французской Академии [3]. Признаковое прилагательное *бессмертные*, как метаязыковое обозначение возраста, имеет качественный характер и указывает, прежде всего, на социальный статус его обладателя и оценку со стороны субъекта номинации.

Особое внимание ученый уделяет такому явлению, как «фразеологическая номинация». Отмечается, что фразеологизмам присуща образность и экспрессивность, а также «лингвистическая, культурно-историческая и психологическая ценность» [7, с. 376].

В ходе проведенного исследования выявлены общие и специфические для русского и болгарского языков характеристики категории возраста, а также особенности структурной организации ономаσιологических полей, что отражается в выводах к главам и в общем заключении. Автору удалось изложить свое представление о сущности целого ряда сложных явлений, послуживших базой для исследования. Ряд теоретических проблем, затронутых в работе, до сих пор не был предметом изучения и получил

свое оригинальное решение применительно к исследуемому материалу.

Перспективность использования полученных результатов заключается в актуальности предложенной автором методики описания конкретных категорий на основе матричной модели, в востребованности примеров использования ономастического подхода, которые могут послужить основой для изучения определенных аспектов других категорий.

Считаем необходимым выразить благодарность болгарскому ученому Дамяну Митеву за издание этого объемного научного труда на русском языке, который вызовет большой интерес как у российских лингвистов, так и у русистов, работающих за рубежом.

Библиографический список

1. Авдеева, О. А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / О. А. Авдеева. – СПб., 2007.
2. Блинова, И. С. Концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. / И. С. Блинова. – Волгоград, 2009.
3. Викулова, Л. Г. Внешняя легитимация науки во Франции XVII века [Текст] / Л. Г. Викулова // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2015. – Вып. 2 (26). – С. 106–117.
4. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Пер. с франц.; П. А. Скредлин; Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скредлиной. – М. : Прогресс, 1992.
5. Крючкова, Н. В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Н. В. Крючкова. – Саратов, 2003.
6. Любина, И. М. Аксиология концепта «возраст» в русской, британской и американской лингвокультурах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / И. М. Любина. – Краснодар, 2006.
7. Митев, Д. «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков) [Текст] : монография / Д. Митев. – Велико Търново : Фабер, 2012.
8. Рянская, Э. М. Категория перспективности: специфика, вербализация: монография [Текст] / Э. М. Рянская, Р. В. Федорова. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015.
9. Фомина, З. Е. Геронтологические категории «youth» «молодость» и «old age» «старость» англо-американских языковых рефлексиях в аспекте идиосинкразии [Текст] / З. Е. Фомина, Ю. С. Коновалова // Научный Вестник ВГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2011. – № 2 (16). – С. 27–43.
10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Больш. Российск. энциклопедия, 2000. – 688 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avdeeva, O. A. Sredstva vyrazhenija koncepta «vozzrast» v anglijskom jazyke [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. / O. A. Avdeeva. – SPb., 2007.
2. Blinova, I. S. Koncept «starost'» v russkoi i nemeckoj lingvokul'turah [Tekst] : dis...kand. filol. nauk: 10.02.20. / I. S. Blinova. – Volgograd, 2009.
3. Vikulova, L. G. Vneshnjaja legitimacija nauki vo Francii XVII veka [Tekst] / L. G. Vikulova // Nauchnyi vestnik Voronezh. gos. arh.stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija. – 2015. – Vyp. 2 (26). – S. 106–117.
4. Gijom, G. Principy teoreticheskoj lingvistiki [Tekst] / Per. s franc.: P. A. Skrelin; Obshh. red., poslesl. i komment. L.M. Skrelinoj. – M. : Progress, 1992.
5. Kriuchkova, N. V. Koncepty vozrasta (na materiale russkogo i francuzskogo jazykov) [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. / N. V. Krjuchkova. – Saratov, 2003.
6. Ljubina, I. M. Aksiologija koncepta «vozzrast» v russkoi, britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turah [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. / I. M. Ljubina. – Krasnodar, 2006.
7. Mitev, D. «Kategorija vozrasta v aspekte nominativnoj dejatel'nosti jazyka (na materiale russkogo i bolgarskogo jazykov) [Tekst] : monografija / D. Mitev. – Veliko Turnovo : Faber, 2012.
8. Rjanskaja, Je. M. Kategorija prospektivnosti: specifika, verbalizacija: monografija [Tekst] / Je. M. Rjanskaja, R. V. Fedorova. – Nizhnevartovsk : Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2015.
9. Fomina, Z. E. Gerontologicheskie kategorii «youth» «molodost'» i «old age» «starost'» anglo-amerikanskih jazykovyh refleksijah v aspekte idiosinkrazii [Tekst] / Z. E. Fomina, Ju. S. Konovalova // Nauchnyi Vestnik VGASU. Serija «Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija». – 2011. – № 2 (16). – S. 27–43.
10. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' [Tekst] / Gl. red. V. N. Jarceva. – 2-e izd. – M. : Bol'sh. Rossijsk. jenciklopedija, 2000. – 688 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.09.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.09.2016

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Брусиловская Лилия Борисовна – кандидат культурологии, младший научный сотрудник лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская площадь, д.6.

E-mail: ikond@mail.ru

Викулова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зам. директора ИИЯ по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет». 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

E-mail: vikulovalg@mail.ru

Гавриков Виталий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Брянский филиал. 241050, г. Брянск, ул. Горького, 18.

E-mail: yarosvettt@mail.ru

Жельвис Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных литератур и языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Зиновьева Елена Сергеевна – ассистент кафедры английского языка факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: due_south@rambler.ru

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: Claus758@yandex.ru

Иванова Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18\2.

E-mail: olliva95@yandex.ru

Кацис Леонид Фридович – доктор филологических наук, профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики, заведующий учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская площадь, д.6.

E-mail: batya-94@mail.ru

Летин Вячеслав Александрович – кандидат культурологии, заведующий экспозиционно-выставочным комплексом ГЛММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха».

E-mail: liotin@yandex.ru

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: liotina@yandex.ru

Мурашов Александр Николаевич – кандидат филологических наук, внештатный сотрудник журнала «Новый мир». 127006, г. Москва, Малый Путинковский переулок, 1/2.

E-mail: sgumbrrr@gmail.com

Осипова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и прикладного языкознания ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.

E-mail: assya@yandex.ru

Пенкина Арина Михайловна – магистрант II курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», специальность «Компаративистика и сравнительно-историческое изучение литератур». 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

E-mail: pavlova-arina@yandex.ru

Потапова Яна Эдуардовна – студентка IV курса направления «Театроведение» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15\43.

E-mail: ofelialovehamlet@yandex.ru

Рянская Эльвира Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет». 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3Б.

E-mail: elohka2210@yandex.ru

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18\2.

E-mail: oseverskaya@mail.ru

Скибинская Ольга Николаевна – кандидат культурологии; руководитель Ярославского центра регионального литературоведения факультета русской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»; доцент кафедры книжного дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: book-os@rambler.ru

Талицкая Анна Александровна – кандидат филологических наук; доцент кафедры общей и прикладной филологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

E-mail: cliver_08@bk.ru

Ушакова Алина Павловна – аспирант кафедры русского языка факультета русской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: ushakowalina@yandex.ru

Хмара Дина Николаевна – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Гуманитарного факультета ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет». 150000, г. Иваново, просп. Шереметьевский, д. 7; аспирант кафедры культурологии, специальности 24.00.01 – Теория и история культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: dnpoluyarova@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., 5.

E-mail: nihrenov@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики ИЛиМК ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.

E-mail: khukhuni@mail.ru

Юрьева Татьяна Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: tjurjeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Brusilovskaya Liliya Borisovna – Candidate of Cultural Science, Junior Researcher, Laboratory for Mandelshtam Studies, Institute of Philology and History, State educational establishment of professional higher education Russian State University for the Humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6.

E-mail: ikond@mail.ru

Vikulova Larisa Georgievna – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director on scientific work and international cooperation, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, State educational establishment of professional higher education Moscow City Pedagogical University. 129226, Moscow, 2nd Selskokhozyaistvenny proezd, 4/1.

E-mail: vikulovalg@mail.ru

Gavrikov Vitaly Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk branch. 241050, Bryansk, Gorky st., 18.

E-mail: yarosvettt@mail.ru

Zhelvis Vladimir Ilyich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Zinovieva Elena Sergeevna – Lecturer, Department of the English Language, Faculty of Foreign Languages, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: due_south@rambler.ru

Ivanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Subjects, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: Claus758@yandex.ru

Ivanova Olga Evgenyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2.

E-mail: olliva95@yandex.ru

Katsys Leonid Fridovich – Doctor of Philology, Professor, Research Centre for Bible Studies and Jewish Studies, Head of the Laboratory for Mandelshtam Studies, State educational establishment of professional higher education Russian State University for the Humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6.

E-mail: batya-94@mail.ru

Letin Vyacheslav Aleksandrovich – Candidate of Cultural Science, Head of the Exhibition Centre «Karabikha», N. A. Nekrasov Literary Memorial Museum.

E-mail: liotin@yandex.ru

Letina Natalya Nikolayevna – Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: liotina@yandex.ru

Murashov Aleksandr Nikolaevich – Candidate of Philology, Magazine ‘Novy Mir’, freelancer. 127006, Moscow, Maly Putinkovsky lane, 1/2.

E-mail: sgumbrrr@gmail.com

Osipova Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Applied Linguistics, State educational establishment of professional higher education Moscow State Pedagogical University. 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1, bld.1.

E-mail: assya@yandex.ru

Penkina Arina Mikhailovna – undergraduate, master’s course on Comparative Linguistics and Historical Literary Studies, Faculty of History and Philology, State educational establishment of professional higher education Russian

State University for the Humanities. 125993, Moscow, Miuskaya sq., 6.

E-mail: pavlova-arina@yandex.ru

Potapova Yana Eduardovna – IV-year student (Drama Studies), State educational establishment of professional higher education Yaroslavl State Drama Institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15\43.

E-mail: ofelialovehamlet@yandex.ru

Ryanskaya Elvira Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Nizhnevartovsk State University. 628609, Nizhnevartovsk, Mir st., 3B.

E-mail: elohka2210@yandex.ru

Severskaya Olga Igorevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 119019, Moscow, Volkhonka st., 18/2.

E-mail: oseverskaya@mail.ru

Skibinskaya Olga Nikolayevna – Candidate of Cultural Science, Associate Professor of Journalism and Publishing Department YSPU, Head of Yaroslavl Regional Centre for Literary Studies, Faculty of Russian Philology and Culture, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: book-os@rambler.ru

Talitskaya Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Applied Philology, State educational establishment of professional higher education Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14.

E-mail: cliver_08@bk.ru

Ushakova Alina Pavlovna – post-graduate student, Department of the Russian Language,

Faculty of Russian Philology and Culture, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: ushakowalina@yandex.ru

Khmara Dina Nikolayevna – Senior Lecturer, Department of History and Cultural Studies, Faculty of Humanities, Ivanovo State University of Chemistry and Technology. 150000, Ivanovo, Sheremetievsky pr., 7; post-graduate student (24.00.01 – Theory and History of Culture), Department of Cultural Science, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: dnpoluyarova@mail.ru

Khrenov Nikolai Andreevich – Doctor of Philosophy, Professor, Federal Research Institution «State Institute of Art Studies», Chief Research Officer, Department of Mass Media and Arts, Section of Entertaining Culture. 125009, Moscow, Kozitsky Pereulok, 5.

E-mail: nihrenov@mail.ru

Khukhuni Georgi Teimurazovich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory of Language and Anglistics, Head of department, Institute of Linguistics and Cross-cultural Communication, State educational establishment of professional higher education Moscow Region State University. 105005, Moscow, Radio st., 10A.

E-mail: khukhuni@mail.ru

Yurieva Tatyana Vladimirovna - Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: tjurjeva@mail.ru

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре.

2. Требования к оформлению:

– 1 страница текста формата А4 должна содержать не более 1 900 знаков с учетом пробелов;

– поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0 см;

– гарнитура Times New Roman; кегль 14; междустрочный интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc.

4. Требования к рукописи:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– Ф. И. О. автора;

– почтовый адрес с индексом;

– контактный телефон;

– e-mail;

– ученая степень и звание;

– должность;

– место работы (указать юридический адрес и индекс).

4.4. Название статьи, аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

4.5. Аннотация статьи – не менее 150 слов.

4.6. Ключевые слова – 12 единиц.

4.7. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27–48]). Библиографический список и примечания оформляются по ГОСТу 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (пример оформления см. на сайте <http://vv.yspu.org/>).

6. Таблицы, схемы, диаграммы должны быть черно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка.

Оформление таблиц и рисунков:

– каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Подписи не должны быть частью рисунков;

– рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании);

– следует избегать использования рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы;

– надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми;

– в тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на таблицы, рисунки, графики.

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

7. К рукописи, предназначенной для публикации, необходимо приложить следующие материалы:

– Заполненное и подписанное Лицензионное соглашение в двух экземплярах.

– Почтовый конверт с марками для возвращения одного экземпляра лицензионного соглашения автору статьи.

8. Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

9. Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

10. Присланная статья проходит рецензирование, получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии «Верхневолжского филологического вестника», после чего передается редактору для включения в номер, содержание которого утверждается на редколлегии.

Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

**CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN»
AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 150 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27]), the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1–2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yvspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and

white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption.

Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Verhnevolzhski Philological Bulletin» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова
Объем 13,5 п. л., 10 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 267. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.09.2016

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852) 32–98–69